

69
10901

N1

N1

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ КИТАЙ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

КИТАЙ

Е. КОВАЛЕВСКАГО.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Королева и К^о.

1853.

Г69
10901
N1

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, 12 Марта 1853 г.

Ценсоръ А. Фрейманъ.

Смотрено

321 ⁶69

ГП	ТБ	КР
Г	ду	С
гек.		ка

ОГЛАВЛЕНІЕ.

- ГЛАВА I. Сборы и отправленіе за границу. — Первоначальныя сношенія Русскихъ съ Китаемъ. — Причины основанія российской духовной миссіи въ Пекинъ и трактаты, подтвердившіе ея существованіе и упрочившіе наши связи съ Китаемъ . . . 1.
- ГЛАВА II. Переходъ изъ долинъ въ горы. — Рѣка Про. — Сношенія наши съ китайскими и монгольскими приставами. — Отправленіе части казаковъ въ Россію. — Олоты-Калмыки. — Обо. 15.
- ГЛАВА III. Переѣздъ черезъ хребтъ Тумукѣй. — Хоритту, кочевье Тусулакчи. — Облага у древнихъ и нынѣшнихъ Монголовъ. — Браки у Монголовъ и вліяніе ламъ; встрѣча съ ученымъ ламой; письменность въ Монголіи. — Приближеніе къ Ургѣ . 23.
- ГЛАВА IV. Ургинская долина. — Подворье для иппостранцевъ. — Посѣщеніе чиповниковъ и переговоры съ ними; приемъ, сдѣланный намъ Амбанями. — Урга и ея капища; Шанизаба и Кутухтагегень. — Куревскій Май-ма-ченъ 36.
- ГЛАВА V. Выѣздъ изъ Урги. — Кочевья Тушету-хана. — Пространство и населеніе Монголіи; бѣглый очеркъ ея политическаго состоянія и исторіи 43.

- ГЛАВА VI. Последняя рѣка въ Монголіи. — Природа скудѣть. — Начало Гоби. — Пѣсни и пляски Монголовъ. — Преданія о Чингисъ-ханѣ. — Переговоры относительно перемѣны дороги. — Что такое Гоби и Шамо? — Китайскій караванъ, перешедшій Гоби. — Сухари. 54.
- ГЛАВА VII. Переходъ отъ Халхасцевъ къ Супптамъ. — Деревья въ степи. — Ирень—привалъ и соляное озеро. — Ураганъ. — Въ Чахарахъ опять появляется трава. — Степь становится привольнѣй. — Посѣщеніе монгольской юрты 68.
- ГЛАВА VIII. Монгольскія сказанія. — Гесеръ-ханъ. — Чингисъ-ханъ. — О происхожденіи одного изъ предковъ его. — Происхожденіе Монголовъ. — Мѣсто рожденія, смерти и погребенія Чингисъ-хана. — Бесѣды съ Монголами. — Удобства и неудобства раннихъ выѣздовъ 77.
- ГЛАВА IX. Единство путешествія. — Непріятности, причиняемыя аргаломъ. — Похороны у Монголовъ. — Буддизмъ и шаманство. — Приближеніе къ Цаганъ-Балгасу. — Могила Русскаго. — Цаганъ-Балгасу и Хара-Балгасу. — Привязанность Монголовъ къ кочевой жизни 87.
- ГЛАВА X. Обозъ располагается на зимнюю кочевку. — Панпихида. — Мы отправляемся далѣе. — Китайская деревня. — Великая стѣна въ различные періоды ея существованія. — Калганъ, городъ и крѣпость Великой стѣны 97.
- ГЛАВА XI. Калганъ; разительный переходъ отъ холода къ теплу, отъ лишеній къ изобилію. — Торговля на перевозку тяжестей отъ Калгана въ Пекинъ и всѣ продѣлки Китайцевъ. — Встрѣча съ Христіанами. — Христіанская вѣра въ Китаѣ. — Выѣздъ изъ Калгана. — Китайская благотворительность. — Китайскіе трактиры и обѣды. — Сянь-хуа-фу. . . 109.
- ГЛАВА XII. Значеніе Сянь-хуа-фу въ настоящее и прежнее время. — Поразжающая населенность Китая. — Раздѣленіе на области или губерніи. — Чи-

- сло жителей. — Ошибочность показаній. — Несоразмѣрность народонаселенія съ количествомъ земли. — Названіе Китая 118.
- ГЛАВА XIII. Дальнѣйшее путешествіе по Китаю. — Носилки. — Рѣка Янь-хе. — Цзи-минъ-и, Цзи-минъ-шань и разсказъ о построеніи на ней кумирни. — Сторожевыя башни. — Ушелье Гуанъ-гоу и его неприступныя укрѣпленія. — Крѣпость Нань-коу, замыкающая ушелье. — Пекинскій бассейнъ . . . 126.
- ГЛАВА XIV. Цин-хе. — Окрестности Пекина и видъ на него. — Въѣздъ въ столицу Китая и первое впечатлѣніе, произведенное ею. — Албаинцы. — Русскія подворья и церкви. — Кладбища русскихъ и португальскихъ миссіонеровъ 139.
- ПУТЕВОЙ ЖУРНАЛЪ отъ границы Россіи до Пекина . . 153.

Путь въ Иркутскъ

Рис. изъ архива Иркутска

ГЛАВА I.

СБОРЫ и отправление за границу. — Первоначальныя сношенія Русскихъ съ Китаемъ. — Причины основанія русской духовной миссии въ Пекинъ и трактаты, подтвердившіе ея существованіе и упрочившіе наши связи съ Китаемъ.

Въ Россіи большіе переезды — дѣло обычное. Путешествіе до Кяхты, въ отдаленный уголъ Восточной Сибири, на границу Китая, почти за 6,500 верстъ отъ Петербурга, не представляетъ ничего необыкновеннаго читателю, которому этотъ путь, конечно, очень хорошо извѣстенъ.

Кяхта была починнымъ пунктомъ нашего караваннаго странствованія. Заботливое иркутское начальство, за долго еще до моего пріѣзда, приняло всѣ мѣры для снаряженія миссии. Но не надо забывать, что намъ предстоялъ путь черезъ всю пустынную Монголію, — а путь этотъ, въ оба конца, продолжается, по крайней мѣрѣ, пять мѣсяцевъ, не считая зимней стоянки въ Монголіи, гдѣ сухари и припасы собираются въ юртѣ или ямѣ, и послѣ того должны быть опять пригодными въ пищу или въ дѣло, — что мы везли съ собою не только припасы для себя и провіантъ для казаковъ, но и серебро, на время всего

продолжительнаго пребыванія миссіи въ Пекинѣ, и вещи собственно ей или церкви принадлежащія. А потому было таки о чемъ подумать и похлопотать до отправления въ дальнѣйшую дорогу. Съ нами было болѣе 500 лошадей, недавно пригнанныхъ со степи, полу-дикихъ, которыхъ не было возможности приучить въ короткое время къ упряжи; верблюды были также необъѣзжены; только быки и бараны, какъ бы чувствуя свое предназначеніе, были смиренны и не представляли никакихъ затрудненій для гонки ихъ въ пути.

Я прожилъ болѣе двухъ недѣль въ Кяхтѣ, не смотря на нетерпѣніе китайскихъ приставовъ миссіи, давно уже прѣхавшихъ изъ Пекина. Наконецъ, все было принято, взвѣшено или сосчитано, и день нашего отправления окончательно назначенъ.

Улицы Кяхты, большею частію пустынные, были запружены народомъ; обозъ, состоящій изъ сотни одноколокъ и повозокъ, табуны лошадей, верблюдовъ, быковъ и барановъ стекались на площадь, у пограничныхъ воротъ. Ударили въ колоколъ, и народъ отхлынулъ съ площади въ церковь. Послѣ обѣдни, молебна и окропленія святою водою, отрядъ казаковъ, назначенный для дальняго пути, и мы всѣ отправились на прощальный обѣдъ, который давало намъ кяхтинское купечество. Въ 12 часовъ началась отправка обоза и табуновъ, которые счетомъ принимали китайскіе и монгольскіе пристава, при посредствѣ чжаргуци, или, какъ здѣсь называютъ, заргучея, китайскаго пограничнаго начальника. Въ 5 часовъ

отправились и мы. Не знаю, какъ ужъ мы протиснулись сквозь толпы народа, стекшагося въ Кяхту изъ-за 500 верстъ и даже далѣе,—Русскихъ, Монголовъ и Китайцевъ. Первые пришли для испрошенія благословенія отца архимандрита, начальника нашей духовной миссіи, для прощанья съ родными и знакомыми казаками, для пожеланій различнаго рода и другихъ цѣлей; послѣдніе — просто изъ любопытства. На пути черезъ Май-ма-ченъ мы зашли къ заргучею на чашку чаю: таковъ уже обычай. Май-ма-ченъ — китайская деревенька, лежащая противъ Кяхты. Въ нихъ обихъ не наберется 500 человекъ жителей, а между тѣмъ здѣсь производится одинъ изъ самыхъ значительныхъ мѣшовыхъ торговъ, простирающійся на сумму до 50 мил. сер. оборота съ обихъ сторонъ. По выходѣ отъ заргучея, намъ предстоялъ важный трудъ пробраться сквозь толпу, которая, если не увеличилась, то сдѣлалась гораздо гуще въ тѣсныхъ улицахъ Май-ма-чена. Наконецъ, мы кинулись въ первые попавшіеся экипажи и понеслись...

Прощай Россія! Часто покидалъ я тебя; казалось, могъ бы и свыкнуться съ этою разлукой, а все таки, каждый разъ, что оставляю позади себя пограничныя ворота, золотой крестъ церкви, или, просто, пестрый шлагъ-баумъ бываетъ какъ-то неловко въ груди. Теперь, эти торжественныя проводы при звонѣ колоколовъ, при всеобщемъ прощаньи, плачѣ и рыданіяхъ, слѣпавшихся отовсюду, теперь все это щемило сердце больше обыкновеннаго.

Мы выѣхали 19 іюля 1849 г. Кяхтинское начальство, купечество и собравшіеся въ Кяхтѣ знакомые миссіонеры провожали насъ до первой станціи, отстоящей всего верстъ десять отъ границы; первый переходъ никогда не дѣлаютъ больше,—не успѣть.

На другой день мы были поражены самымъ необыкновеннымъ образомъ. Многіе миссіонеры и въ Кяхтѣ, подъ кровлею дома, уже сильно терпѣли отъ жаровъ, а дорогою, подъ открытымъ небомъ, на солнцѣ, безпрепятственно палящемъ среди степи, они приготовлялись страдать еще больнее; а потому только и заботъ было, какое бы платье придумать полегче, какія бы прохладительныя мѣры принять противъ жаровъ? Каково же было ихъ удивленіе, когда, проснувшись подъ вліяніемъ самыхъ непріятныхъ ощущеній, они увидѣли, что ртуть въ термометрѣ опустилась чуть не до точки замерзанія!

Вскорѣ, однако, собравшіеся около костровъ, на большомъ пространствѣ лагеря, пестрыя толпы народа зашумѣли весело; чай и прощальная чарка разогрѣли кровь. Опять прощанье! Еще помолились на крестъ кяхтинской церкви, который былъ видѣнъ издали и отправились, одни на сѣверъ, домой; другіе далѣе, на югъ...

Остановимся здѣсь на время, и изложимъ, хотя коротко, наши отношенія къ Китаю, первоначальныя съ нимъ связи и причины основанія Россійской миссіи въ Пекинѣ; иначе, многое покажется непонятнымъ

для читателей, не совсѣмъ посвященныхъ въ исторію зѣшняго края.

Наши сношенія съ китайскою имперіей начнутся со времени появленія сибирскихъ казаковъ въ Дауріи. Казаки выступили изъ Якутска, отыскивая не новыя царства и земли неизвѣстныя; но лѣса, обильные пушными звѣрями и людей, богатыхъ звѣринымъ промысломъ; они переправились черезъ озеро Байкаль, поднялись по Селенгѣ, и скорѣ очутились на рѣкахъ Шилкѣ, Аргуни и потомъ на Амурѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что по обычаю тогдашняго времени, и по своему обычаю преимущественно, казаки начали свое знакомство съ Маньчжурами, нынѣшними владѣтелями Китая, съ мечемъ въ рукѣ, и порѣшили обладаніе страною, въ которую вступили, правомъ сильнаго; но есть также доказательства, что они, въ свободное отъ драки время, пересылались съ мѣстными властями, по восточному обычаю, подарками и поклонами и посылали своихъ людей для развѣдки далѣе въ глубь земель, въ которыя входили безъ всякаго руководства, безъ компаса, ощупью. Такимъ образомъ наши архивы упоминаютъ о двухъ грамотахъ китайскихъ императоровъ, Ви-ли и сына его Чжу-Хуан-ди, изъ послѣдней китайской династіи Минъ; первая изъ этихъ грамотъ относится къ 1619, а вторая къ 1649 годамъ.

Старшина Поярковъ, отыскивая серебряныя руды, первый достигъ Великаго океана, спустившись по Амуру. Это было около 1644 года. Онъ возвратился по рѣчкамъ Алдану и Ленѣ.

Въ 1647 году является на берегахъ Амура извѣстный Ерофей Хабаровъ. Это уже не простой искатель приключеній и добычи! Хабаровъ былъ богатый житель Великаго Устюга и руководился цѣлю, болѣе разумною. Явившись на берега Амура съ 150 человекъ, онъ подвигался впередъ, обезпечивая свой путь построениемъ острожковъ, въ числѣ которыхъ былъ и Албазинъ, и приведеніемъ къ покорности народовъ; о чемъ и донесъ царю Алексѣю Михайловичу, присоединивъ къ своему донесенію 120 сороковъ соболей и множество лисицъ, въ видѣ дани отъ вновь покоренныхъ народовъ. Государь послалъ Хабарову и спутникамъ его 300 золотыхъ медалей и вызвалъ его самого для устныхъ объясненій, а во вновь завоеванный край отправилъ князя Лобанова и Зиновьева съ 3,000 человекъ.

Къ этому отдаленному времени должно отнести счастливую мысль, завести прочныя политическія и торговыя сношенія Россіи съ Китаемъ, которыя, конечно, могли доставить выгоды, если не столь блестящія, какъ завоеванія казаковъ, то гораздо надежнѣйшія. Эта мысль родилась въ дальновидномъ умѣ царя Алексѣя Михайловича, который, по вызовѣ Хабарова въ Москву, въ 1653 году, рѣшился послать первое посольство прямо въ Ханбалыкъ (Пекинъ), съ грамотою отъ своего имени къ богдохану. Инструкція, данная по этому поводу посланнику Байкову и самая грамота чрезвычайно любопытны, какъ первые дипломатическіе акты нашихъ сношеній съ Китаемъ; но здѣсь не мѣсто распространяться объ

нихъ; скажемъ только, что одно изъ данныхъ Байкову порученій было уговорить китайскихъ купцовъ завести съ Русскими беспошлинную торговлю.

Къ сожалѣнію, ни посольство Байкова, ни послѣдующая за тѣмъ попытка возобновить наши сношенія черезъ бухарца Аблина и боярскаго сына Перфильева, ни наконецъ вновь отправленный въ 1675 году посланецъ Спафари, переводчикъ посольскаго приказа, не имѣли успѣха въ Пекинѣ. Причины тому надо искать не въ неправильно рассчитанныхъ и соображенныхъ предположеніяхъ правительства, дѣйствовавшего съ удивительною въ то время дальновидностію и настояніемъ, безъ всякихъ почти данныхъ для своего руководства; но частію въ самыхъ исполнителяхъ его порученій, а частію въ обстоятельствахъ, сопутствовавшихъ ихъ исполненію. Всѣ упомянутые люди были слишкомъ не опыты и неловки въ дѣлахъ, которыя случайно выпали на долю ихъ, и, можно прибавить, необразованы при дворѣ одного изъ ученѣйшихъ императоровъ, Кан-си, который въ то время уже былъ окруженъ іезуитами. Такимъ образомъ, когда Кан-си, на одной изъ аудіенцій, спросилъ Спафари, учился ли онъ астрономіи? тотъ отвѣчалъ утвердительно; а когда богдоханъ приказалъ ему объяснить положеніе звѣзды *золотой гвоздь* на небѣ, Спафари отвѣчалъ, что «я де на небѣ не бывалъ и именъ звѣздамъ не знаю.» Но, повторяю, главнѣйшая причина неудачи этихъ посольствъ заключалась въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ ихъ: въ то время, когда велись дружескіе переговоры

въ Пекинѣ, казаки не переставали дѣлать свои набѣги и грабежи на границахъ китайской имперіи и тѣмъ возбуждать справедливое ея негодованіе противъ Русскихъ.

Наконецъ пекинскій дворъ, не получая никакого удовлетворенія на жалобы свои, относительно нападеній на границы и выдачи бѣжавшаго изъ Китая тунгузскаго князя Кантимура, жалобы, переданныя нашимъ посланцамъ и изложенныя въ листахъ, которые получены путями очень отдаленными, то черезъ Архангельскъ, отъ бывшаго въ Пекинѣ голландскаго посольства, то черезъ Испагань, посредствомъ іезуитовъ, распространявшихъ въ то время повсюду свое нравственное господство,—пекинскій дворъ двинулъ цѣлую армію на берега Амура (въ 1684 году). Русское правительство, увидя, что дѣла съ Китайцами принимаютъ важный видъ, даю уполномочіе окольничему и намѣстнику брянскому Федору Алексѣевичу Головину порѣшить дѣла съ Китайцами на нашей границѣ; для чего ввѣрило ему отрядъ изъ 500 стрѣльцовъ и 1400 человекъ сибирскаго гарнизона. Посолъ Головинъ былъ у руки государей Іоанна и Петра и государыни Софіи 23 генваря 1686 года.

Явившись, послѣ продолжительнаго путешествія, на наши границы, онъ долженъ былъ начать военныя дѣйствія съ Монголами, возбужденными противъ насъ китайскимъ дворомъ. Если мы упомянули о славныхъ людяхъ Поярковъ и Хабаровъ; то не должны умолчать о двухъ другихъ, не менѣе прославленныхъ этою эпохой и, подобно первымъ, живущихъ еще въ

памяти забайкальскихъ жителей: это о Демьянѣ и сынѣ его Петрѣ Многогрѣшныхъ, изъ которыхъ первый былъ гетманомъ въ Малороссіи и, сосланный въ Сибирь, поселился въ Селенгинскѣ.

Послѣдствіемъ посольства Головина былъ заключенный въ полуверстѣ отъ Нерчинска, и потому названный нерчинскимъ, первый трактатъ между руссійскою и китайскою имперіями. Трактатъ этотъ, написанный на русскомъ, манчжурскомъ и латинскомъ языкахъ (онъ былъ заключенъ при посредствѣ іезуитовъ со стороны китайской) и подписанный уполномоченными обѣихъ сторонъ 23 августа 1689 года, относящійся преимущественно до разграниченія двухъ имперій, слишкомъ извѣстенъ и мы не станемъ распространяться о немъ.

Между тѣмъ войска, посланныя богдоханомъ Кан-си, осадили Албазинъ; войска эти въ нѣсколько десятковъ разъ превышали слабый гарнизонъ албазинскаго укрѣпленія, и потому немудрено, что послѣ продолжительной осады и битвъ, истребившихъ большую часть гарнизона, онъ принудили его наконецъ сдать укрѣпленіе. Уцѣлѣвшая часть гарнизона уведена была въ Пекинъ, скорѣе по добровольному соглашенію плѣнныхъ, чѣмъ силою; принуждаемая обстоятельствами, она послѣдовала за своими побѣдителями, взявши съ собою и священника, отца Дмитрія. Люди эти составили роту солдатъ гвардіи богдохановой. Впослѣдствіи времени священникъ, по старости лѣтъ, не въ состояніи былъ удовлетворять духовнымъ нуждамъ своей паствы, и бывшій

въ Пекинѣ торговый комиссаръ Осколкинъ просилъ трибуналъ вышнихъ сношеній дозволить прислать другого священника для Албазинцевъ. По докладу о томъ богдохану, онъ согласился на присылку священника; но не иначе, какъ чтобы съ нимъ вмѣстѣ былъ присланъ и докторъ, свѣдущій особенно въ леченіи наружныхъ болѣзней, разрѣшивъ имъ пріѣхать съ китайскими посланцами, отправленными съ согласія русскаго двора изъ Пекина къ Аюкѣ, хану волжскихъ калмыковъ, подданному Россіи. Русскій дворъ съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе, и въ 1715 году, 20-го апрѣля, вмѣстѣ съ китайскимъ посланцемъ Тулишенемъ, отправилъ въ Пекинъ свою первую духовную миссію, состоявшую изъ архимандрита Иллариона, священника, діакона и семи причетниковъ, которая и принята была милостиво въ Пекинѣ. Находился ли въ числѣ семи причетниковъ докторъ, — это осталось неизвѣстнымъ.

Съ этого времени русскій дворъ, при всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ китайскимъ правительствомъ, не переставалъ заботиться о нашихъ священнослужителяхъ и о паствѣ, назидаемой ими. Такимъ образомъ, когда Петръ Великій рѣшился отправить опять посольство въ Китай, по случаю препятствій, вновь возникшихъ для нашей торговли въ Пекинѣ и неудовольствій китайскаго правительства, возобновившихся за не высылку перебѣжчиковъ, чрезвычайному посланнику гвардіи капитану Измайлову поручено было взять съ собою иркутскаго архимандрита Антонія Платковскаго, на мѣсто умершаго въ Пекинѣ о. Иллариона

и просить китайское правительство о дозволеніи построить церковь и объ отводѣ для нея земли.

Измайловъ, наученный опытомъ предшествовавшихъ посольствъ и предупрежденный самими Китайцами, которые просили его вести себя, въ объясненіяхъ съ богдоханомъ, не такъ какъ Спафари, былъ принятъ съ почестью и чрезвычайно благосклонно; но не успѣлъ испросить дозволенія на построеніе церкви, а потому этотъ предметъ былъ порученъ вновь снаряженному посольству въ Китай.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Савва Лукичъ Владиславичъ-Рагузинскій, назначенный чрезвычайнымъ посломъ въ Китай, отправленъ былъ уже при императрицѣ Екатерины I-й. Онъ успѣлъ исхodataйствовать не только право на построеніе церкви, но и то, чтобы церковь эта была построена издѣвіемъ китайскаго правительства, а равнымъ образомъ подтвердилъ трактатомъ постоянное пребываніе нашей миссіи въ Пекинѣ; составъ ея определенъ изъ четырехъ священниковъ и шести учениковъ (ст. V тракт.).

Послѣдствіемъ посольства графа Владиславича-Рагузинскаго былъ заключенный 20 августа 1727 г. на рѣчкѣ Бурѣ и извѣстный подъ именемъ буринаскаго трактата, опредѣляющій съ нѣкоторою подробностью наши границы и положившій основаніе пограничной торговли двухъ имперій.

Говоря о посольствахъ Измайлова и графа Владиславича-Рагузинскаго, выпишемъ здѣсь слова богдохана Кан-си, сказанныя первому изъ нихъ и отчасти

объясняющія духъ народа и наши тогдашнія отношенія къ Китаю.

Прощаясь очень дружески съ Измайловымъ, Кан-си сказалъ ему: «Выслушай и пойми хорошенько мои два слова, и донеси о нихъ своему царю.

Первое, Государь твой могущественъ и славенъ, обладаетъ обширными владѣніями, а между тѣмъ ходитъ противъ непріятели своею высокою особою. Море—машина великая; бываютъ на немъ волны сильныя и опасныя, а потому изволилъ бы онъ свое здоровье беречь: есть у него храбрые воины и искусные вожди, пускай ихъ посылаетъ, а самъ остается въ покоѣ.

Второе, Дружбы нашей ничто не можетъ поколебать. Да и за что намъ ссориться? Россійское царство и дальнее и холодное: если бы я послалъ туда свое войско, то оно бы все замерзло. Равнымъ образомъ, если Россійскій государь отправитъ армію въ Китай; то, по непривычкѣ къ жаркому климату, люди могутъ понапрасну погибнуть. А хотя бы и удалось чѣмъ либо другъ отъ друга поживиться; то какая можетъ быть отъ того польза при такомъ множествѣ земель въ обѣихъ государствахъ.»

Миссія, состоявшая подъ начальствомъ архимандрита Платковского, человѣка во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго, уже застала въ Пекинѣ другія европейскія духовныя миссіи, члены которыхъ, по преимуществу іезуиты, играли значительную роль при дворѣ, имѣли обширные монастыри и нѣкоторые

считались въ службѣ по астрономическому приказу; но наши послѣдующія миссіи были также свидѣтелями ихъ религіозныхъ раздоровъ, жалобъ и наконецъ совершеннаго изгнанія всѣхъ миссіонеровъ (кроме, разумѣется, русскихъ) изъ Китая и разоренія, продажи или отобранія въ казну ихъ имуществъ. Первый памятникъ на русскомъ миссіонерскомъ кладбищѣ поставленъ іезуитами (надъ могилою архимандрита Амвросія Юматова); послѣдній памятникъ на богатомъ кладбищѣ португальскихъ миссіонеровъ стоитъ надъ могилою оставшагося за дряхлостію лѣтъ въ Пекинѣ португальскаго епископа и поставленъ русскими миссіонерами.

Мы не станемъ здѣсь распространяться ни о двухъ посольствахъ Китайцевъ въ Россію, ни о другихъ сношеніяхъ нашихъ съ китайскимъ правительствомъ, неимѣвшихъ важныхъ послѣдствій для миссіи, пребывающей въ Пекинѣ. Замѣтимъ только, что когда наши политическія отношенія къ Китаю становились непріязненныя, какъ было по случаю дѣла о Чжунгаріи и бѣгствѣ нашихъ воиновъ Калмыковъ въ Китай, тогда и положеніе миссіи, а равно и кяхтинской торговли, становилось хуже. Въ настоящее время наша миссія въ Пекинѣ пользуется совершенною свободою, отправляетъ богослуженіе и наставляетъ свою албазинскую паству безпрепятственно.

Въ прежнія времена миссія смѣнялась въ неопредѣленные сроки, и нерѣдко оставалась въ Пекинѣ около 20 лѣтъ; но потомъ срокъ этотъ былъ определенъ постоянно въ 10 лѣтъ. Въ послѣднее время

наше правительство, по предварительномъ сношеніи съ китайскимъ трибуналомъ вѣншихъ сношеній, предоставило себѣ право перемѣнять миссію по усмотрѣнію и своему назначенію.

ГЛАВА II.

Переходъ изъ долинъ въ горы; рѣка Про. — Сношенія наши съ китайскими и монгольскими приставами. — Отправленіе части казаковъ въ Россію. — Олоты-Калмыки. — Обо.

Отъ Кяхты до Про обыкновенно провожаетъ миссію небольшой отрядъ казаковъ, кромѣ тѣхъ, которые идутъ до самаго Пекина. Это дѣлается отчасти для почета, въ соответствии тому, что отъ ургинскихъ правителейъ высылается отрядъ Монгольцевъ за станцію, на встрѣчу, который и сопровождаетъ ее на слѣдующую за Ургой станцію, отчасти для облегченія нашихъ казаковъ на первой порѣ, потому что лошади, мало приученныя къ упряжи, прямо съ табуна, и тяжело нагруженныя одноколки, облегчаемыя по мѣрѣ потребленія провизіи, сильно затрудняютъ сначала переходы миссіи и въ этомъ случаѣ лишніе люди очень полезны.

Едва оставили мы кяхтинскую долину, довольно обширную, какъ показалась полоса горъ, видимо возвышавшаяся по мѣрѣ отдаленія нашего отъ границы. Наконецъ горы отовсюду окружили насъ: горы передъ нами, горы по сторонамъ, — гдѣ увѣнчанныя сосновымъ лѣсомъ, гдѣ только оазисъ березняку лежалъ

на темени или у подошвы ихъ; всюду зелень; видъ разнообразный и веселый; гдѣ отроги разошлись и образовали долину, тамъ извивалась змѣйкой черная рѣчка, поросшая тростникомъ, съ ярко-зелеными лугами, представлявшими для нашихъ табуновъ обильное пастбище и приволье. Особенно красивъ быстрый потокъ Хангай, укрывшійся въ глубокомъ оврагѣ и въ чащѣ тальника и березъ.—Мухъ здѣсь вовсе нѣтъ и чрезвычайно мало мошки, изнуряющей бѣдный скотъ въ Сибири.

По сторонамъ, у рѣчекъ, гдѣ юрта, гдѣ другая; пять юртъ — это уже много: вотъ и все населеніе края, роскошнаго, привольнаго. Пашней по дорогѣ нигдѣ нѣтъ; какъ объ рѣдкости говорятъ, что за пятьдесятъ верстъ отъ дороги, въ сторонѣ, есть посѣвы проса и пшеницы; впрочемъ, слѣды давнишнихъ посѣвовъ мы кое-гдѣ встрѣчали; поросшія дикою травой канавки, служившія для орошенія полей, еще и теперь замѣтны.

На Про мы дневали. Рѣка, послѣ засухи, была не слишкомъ глубока и бурна, а потому мы переправились безъ большихъ затрудненій, въ бродѣ, но не безъ мелкихъ приключеній, которыя на такомъ длинномъ пути и не берутся въ счетъ. Въ другое время, черезъ Про переправляются на плотахъ, устроенныхъ очень просто: два кое-какъ выдолбленные бревна связываются поперечными жердями, на нихъ, изъ чего попало, дѣлаютъ настилку, а голые Монголы, частію въ водѣ, частію на плоту, съ помощію однихъ шестовъ, управляютъ такою флоти-

ліею. — Мы расположились лагеремъ на лѣвомъ берегу рѣки Про, или, правильнѣе, Юро, что по-монгольски значитъ счастье, благодать, и дѣйствительно здѣшній край благодатенъ для скота.

На другой день пошли обычные посѣщенія китайскихъ и монгольскихъ властей. Отношенія мои къ нимъ обозначились скоро. Китайскія власти были не многочисленны и состояли изъ пристава, тучнаго, рябаго Мамъчжура и его помощника, бывшаго въ этомъ званіи еще при миссіи 1830 г. и потому довольно знакомаго съ Русскими; монгольскія — состояли изъ множества людей, которые наряжались караульными у табуна въ помощь нашимъ казакамъ, такъ же изъ станціонныхъ смотрителей, т. е. смотрителей юртъ и лошадей, выставляемыхъ на пути нашемъ для китайскихъ проводниковъ, иногда изъ-далека, изъ кундуевъ, тайцзевъ, разныхъ галдъ и джангинговъ, — все это подъ вѣдомствомъ тусулакчія, украшеннаго на шапкѣ краснымъ шарикомъ, который обозначалъ его высокій чинъ, соответствующій не менѣе какъ нашему генеральскому чину. Китайскія власти обнаруживали сильное желаніе поважничать, озадачить, показать достоинство своего званія и значеніе китайской націи; но остались при одномъ желаніи, да и отъ него впоследствии должны были отказаться, можетъ быть замѣтивъ во время, что оно не совсѣмъ *прибыльно*. Монголы еще скорѣе измѣнили той же характеру, который *должны* были выдерживать передъ нами и стали тѣмъ, чѣмъ были по природѣ: отношенія наши съ ними со второго или

третьяго переезда сдѣлались очень близкими и дружескими; такъ бывало всегда при переходѣ нашихъ миссій черезъ Монголію, такъ, и даже гораздо въ большей степени, было и теперь.

Отъ Иро часть казаковъ должна была отправиться назадъ, въ Россію; но они еще помогли намъ подняться на гору, и очень кстати. Тутъ мы увидѣли, сколько труда при подъемахъ на горы большаго, и очень большаго размѣра, какъ, на-примѣръ, Тумукей съ братіей; не привычныя лошади артачили, скользили, метались въ сторону, а по сторонамъ овраги и не вылазныи кустарникъ; сбруя рвалась, одноколки трещали; казаки чуть не на себѣ вывозили ихъ. Одни верблюды неизмѣняли намъ и чувству собственного достоинства: медленнымъ и ровнымъ шагомъ шли они впередъ и впередъ, безъ остановки, покачивая длинными шеями и обводя окрестность своими томными глазами. Верблюды обыкновенно приходили на мѣсто часами тремя ранѣе нашего; а еще и изъ верблюдовъ было много дикихъ, необученныхъ, которые иногда подымали страшную кутерму въ лагерь, носясь вихремъ по немъ, перескакивая черезъ одноколки, служившія обыкновенно барьеромъ, опрокидывая многое на пути и пугая табуны лошадей.

Небольшая субурга, поставленная надъ прахомъ какого-то монгольскаго праведника, одинокая на равнинѣ, со шпиромъ, кажется довольно красивою съ горы; далѣе, позади же насъ, на противоположномъ взгорьѣ, возвышается сумэ, кумирня, пестрое

зданіище, обнесенное частоколомъ. Вообще, тутъ еще видна жизнь людей и хотя кое-какіе признаки оскѣлости; не то будетъ дальше.

Отъ Иро до слѣдующаго привала, Куйтуна, переходъ большой—31 верста; дорога тяжелая: вся холмами и горами; дождь лилъ съ утра и не переставалъ до полудня; грунтъ земли, правда, крѣпокъ; но лошади, если не грузли, то скользили, особенно на горахъ, и это чрезвычайно затрудняло нашъ поѣздъ. Даже верблюды пріотстали; на этихъ бѣдныхъ тружениковъ ни что такъ не дѣйствуетъ, какъ непогода и дождь: ноша ихъ, и особенно войлоки намокаютъ и тяжелеютъ; сами они, продрогшіе, съ трудомъ переступаютъ по скользкой дорогѣ, часто падаютъ и тогда ихъ, несчастныхъ, не легко поднять.

Мы пришли къ привалу не ранѣе осьмага часа вечера, и тѣ, которымъ не случилось еще спать подъ намокшими войлоками юрты были непріятнымъ образомъ поражены ихъ тяжелымъ и удушливымъ испареніемъ.

Слѣдствіемъ большаго перехода было то, что на другой день мы поднялись въ путь позже обыкновеннаго: надо было дать скоту нѣсколько поотдохнуть и покормиться.

Что за чудный, неуловимый взоромъ переливъ свѣта и тѣней на небѣ и землѣ! Въ долину дождь ливнемъ лилъ; мгла такая, что не отличишь предметовъ въ нѣсколькихъ шагахъ; а подынешься на гору, солнце пригрѣетъ и высушитъ. Радужнымъ свѣтомъ сіяло пол-неба, другая половина была одѣта разноцвѣтными тучами, то окаймленными пурпуромъ, то черными, непрерывно мѣняющимися въ фантастическихъ

изображеніяхъ, среди которыхъ иногда виднѣлась, сквозь прогалины, яркая лазурь неба; мѣстами дождь лилъ въ полу-горѣ, а вершина ея въ тоже время сіяла какъ золотая маковка; тамъ долъ озаренъ свѣтомъ, а на вершину надвинулись тучи; дождь то нагонитъ насъ, то уйдетъ впередъ или уклонится въ сторону; на-часу времени три-четыре раза войдемъ въ полосу дождя и выйдемъ изъ нея; а радуги то и дѣю являлись то въ одномъ концѣ, то въ другомъ, описывая полныя дуги, иногда въ два, а иногда въ три ряда, съ чуднымъ фіолетовымъ отливомъ въ промежуткахъ, и не всегда скрывались онѣ за горизонтъ, но часто ниспускались на землю и захватывали часть ея своими концами. Въ горахъ вообще переходы отъ дождя къ ведру, отъ холода къ жару быстры; но мнѣ давно не случалось видѣть такихъ рѣзкихъ измѣненій. Къ вечеру дождь затихъ, небо стало ступовываться; на западѣ показалась золотистая полоса и на ней пол-круга западающаго солнца; ярко озаряло оно край неба, едва достигая своимъ свѣтомъ высотъ его, которыя блѣднѣли, блѣднѣли и наконецъ скрылись въ туманѣ. На противоположномъ, очистившемся синеватомъ горизонтѣ, вставалъ полный мѣсяцъ, пересѣченный полосой набѣжавшей тучи:

I live not in myself, but ibecome

Portion of that around me...

Are not the monntains waves and skies a part

Of me and of my soul as iof them?

(Не самъ собою я живу, а дѣлаюсь частію того, что меня окружаетъ... горы, волны, небеса не со-

ставляютъ ли часть меня и души моей, какъ я составляю часть ихъ).

Мы довольно поздно пришли на станцію *Урмухту*, расположенную у горы того же имени. Здѣсь рѣдко названіе мѣстностей связано съ историческими воспоминаніями или съ какими нибудь затѣйливыми вымыслами; происхожденіе ихъ просто: въ рѣчкѣ желтое, песчаное дно, и рѣчка называется *Шара*, желтою; дно рѣки не чистое, черное, и рѣчка называется *Хара*, черная, а по рѣчкѣ носитъ имя и вся окрестность; на горѣ пагъ верблюдь, и гора — верблюжья. Урмухту вотъ отъ чего получило свое названіе: въ одну суровую зиму скотъ падалъ сильно, что здѣсь не рѣдко случается; всѣ сѣтовали, вопили, глядя на свое крайнее разореніе, а никто ничего не дѣлалъ для отвращенія бѣды, только одинъ старый Монголъ откочевалъ къ подошвѣ этой горы, въ затишь отъ сѣверныхъ вѣтровъ, которые очень суровы весною; у другихъ табуны или вымерли до одной скотины, или бродили истощенные, слабые, а у стараго Монгола уже появились пѣнки, *урму*, лакомство Монголовъ; вотъ въ память этого то событія и гора названа Урмухту.

Отъ станціи Баянъ къ Хара-гогу, на половинѣ дороги, которая здѣсь такъ рѣдко отбивается въ сторону, и то развѣ для того, что бы довести до какого нибудь перелѣска, куда Монголы ѣздятъ за дровами, вдругъ дорога разшибается на трое; двѣ изъ тропинокъ обходятъ крутизну Манхатай, а одна, крайняя къ лѣвой сторонѣ, ведетъ прямо черезъ Сынсу,

каменистую и высокую гору; дорога на право къ западу слишкомъ далеко отбивается въ сторону; по ней ходятъ купеческіе караваны съ чаями; мы шли по средней изъ трехъ, направляясь на Тумукей.

Не доѣзжая раздѣла дороги, на вершинѣ горы Хусуту-дабы (березовая гора) стоитъ обѣ: тутъ граница цзасаковъ Церентъ-доинъ и Церентъ-доржи; а недалеко отъ Харинской станціи, по рѣчкѣ Боро, впадающей въ Хару, по южную сторону Мангатая, живутъ Олоты-калмыки. — Лѣтъ 150 тому, какой-то батырь отличился въ дѣлѣ противъ Чжунгаріи, за что и получилъ чинъ бейлы и семей 20 Оловъ, которыхъ привелъ съ собою и въ послѣдствіи подарилъ ихъ ургинскому кутухтѣ; теперь ихъ размножилось до 100 семей; они занимаются хлѣбопашествомъ и третью часть своихъ произведеній отвозятъ кутухтѣ. Ихъ-то пашни мы видѣли по дорогѣ отъ станціи Хары до Хоримту. Эти Калмыки и теперь еще носятъ названіе плѣнниковъ.

Обѣ встрѣчается почти вездѣ на вершинахъ горъ; а потому пора объяснить значеніе его. Обѣ составляетъ еще остатокъ шаманскихъ вѣрованій. Въ старину сами шаманы избирали для сооруженія его мѣсто, большею частію на вершинѣ горы, во всеувиdѣніе, близъ дороги, чтобы каждый проѣзжающій или проходящій могъ что нибудь положить на него, хоть, на-примѣръ, конскій волюсъ, какъ жертву духу—обитателю горы; это былъ ихъ жертвенникъ, возбуждавшій къ религіознымъ языческимъ приношеніемъ. По введеніи буддѣйской вѣры, ламы не могли искоре-

нить вѣрованія въ обѣ, во кругъ котораго обыкновенно происходили сходбища и пиры народа, а потому съ ними были связаны его лучшія воспоминанія; оставалось только примѣнить обѣ къ понятіямъ новой религіи. Ламы составили для сооруженія ихъ особыя правила и молитвы и измѣнили жертвоприношенія; но народъ, мало-по-малу, опять обратился къ своимъ прежнимъ обрядамъ, примѣнивъ ихъ только къ буддизму; самыя жертвоприношенія животныхъ, такъ строго запрещаемыя ламой Веджридари-мергенъ Діянчи (*), опять вводится между нынѣшними Монголами.

Обѣ предназначаются для мѣстопробыванія духовъ и драконовъ земли и воды, которые покровительствуютъ мѣсту. Правила, предписанныя ламами для сооруженія обѣ, правила, которымъ впрочемъ Монголы не очень подчиняются, состоятъ въ томъ, что избранное мѣсто, обводится заколоченнымъ кругомъ, потомъ, среди его воздвигаютъ изъ земли и камней курганъ, въ который зарываютъ панцырь, лукъ, оружіе, платье, всякія яства, лекарства, писанныя на холстѣ молитвы и проч.; сверху насыпи ставятъ изображенія птицы, змѣи, или садятъ дерево; вокругъ главнаго кургана дѣлаютъ еще 12 меньшихъ и всѣ 13 изображаютъ міръ, по понятіямъ буддѣйской вѣры: средній соответствуетъ горѣ Сумэру, а прочіе — 12 частямъ міра. Потомъ произходитъ освященіе; читаютъ особыя молитвы и приносятъ жертвы, состоящія изъ плодовъ или молока

(*) Черная вѣра, Д. Банзарова, Казань, 1846 г.

По окончаніи обрядовъ, начинается ширваніе, скачка, борьба и проч., подобно тому, какъ было во времена шаманства.

Станціи за три до г. Урги, видѣли мы въ первый разъ яка, котораго, кажется, неправильно называютъ въ Европѣ буйволомъ. Родина яка въ Тибетѣ, откуда онъ и завезенъ сюда. Тамъ, какъ и здѣсь, живетъ онъ въ горахъ; приведенные въ долины яки хлѣбютъ и не размножаются; нѣсколько разъ ихъ пригоняли въ Кихту; но они едва доживали здѣсь своей вѣкъ и не давали приплода. Въ знойное время, яки удаляются въ горы или лежатъ въ водѣ. Ростомъ они съ нашего небольшого быка, съдлисты, голова не большая, шея тонкая и короткая, хвостъ шелковистый, употребляемый въ Китаѣ для кистей на шапкѣ, а у насъ, иногда, для султановъ; на брюхѣ также длинная шерсть. Яки не ревутъ.

ГЛАВА III.

Перевѣзъ черезъ хребтъ Тумукѣй.—Хоримту, кочевники Тусулакчи.—Облава у древнихъ и нынѣшнихъ Монголовъ.—Браки у Монголовъ и вліяніе ламъ; встрѣча съ ученымъ ламой; письменность въ Монголіи.—Приближеніе къ Ургѣ.

Перевѣзъ черезъ крутой, поросшій лѣсомъ, заваленный валезникомъ и камнемъ, высокій кряжъ горы Тумукѣй прежнія миссіи обыкновенно совершали въ два дни; мы одолѣли его въ день; но за то обозъ пришелъ на привалъ въ 11 часовъ ночи; встаскивали на гору по одной и по двѣ одноколки за-разъ, подвизывая къ нимъ по нѣсколько лошадей гусемъ и помогая руками. На вершинѣ горы, какъ водится, обо, усыпанное и увѣчанное различными приношеніями отъ Монголовъ, достигавшихъ благополучно вершины горы. Между множествомъ тибетскихъ и монгольскихъ молитвъ, писанныхъ большею частію на бараньихъ лопаткахъ, мы нашли также русскую надпись, оставленную на камнѣ, вѣроятно, нашими курьерами, посылаемыми по временамъ въ Ургу.

Окрестность волновалась, какъ море, въ испареніяхъ, которыя послѣ дождей обильно стлались на цокатахъ горъ.

Послѣ трудныхъ переваловъ черезъ горы, мы двинулись на Хоримту. Погода совершенно разгулилась; небо было сине; тучи едва набѣгали, и мигомъ, сложившись и разложившись въ тысячи формъ, исчезали. Днемъ было около 12° тепла, ночью ртуть въ термометрѣ опускалась до 5°.

Провожавшій насъ тусулакчи, человекъ лѣтъ 28, чистой крови, хорошей кости, какъ выражаются здѣсь, т. е. хорошаго происхожденія и чиновный, былъ особенно веселъ, подымая къ Хоримту; онъ обгонялъ обозъ, задиралъ шуткой казаковъ, рассказывалъ разные прибаутки мнѣ; его открытая, пріятная физіономія дышала счастьемъ: весело было глядѣть на него. По пріѣздѣ на привалъ, онъ явился ко мнѣ, какъ было при встрѣчѣ, съ полнымъ угощеніемъ по монгольскому обычаю: за нимъ несли два ведра кумысу, ведро кирпичнаго чая, затурана, варенаго съ молокомъ, бараньимъ жиромъ и мукой, вино, персидское изъ кумыса, творожки изъ овечьего молока, поджаренныя и очень вкусныя, аруль, осадокъ отъ перегонки кумыса въ вино, выжатый и высушенный, острого, кисловатаго вкуса. — Чтобы это значило, чему обрадовался нашъ тусулакчи? «Я здѣсь дома, сказалъ онъ, смѣясь; вы у меня въ гостяхъ» и онъ захохоталъ громче прежняго. — Дѣйствительно, смѣшно было называть своимъ домомъ открытое отовсюду, для всѣхъ, мѣсто: но это были его кочевья, и онъ, не шути, называлъ ихъ своимъ домомъ; онъ смѣялся не надъ странностію выраженія, но отъ полноты счастья, которымъ была пренеполнена душа его при видѣ родныхъ мѣстъ.

Хоримту—обширная равнина, окруженная горами. По ней извиается рѣчка Боро и ручеекъ Арганату, въ нее впадающій. Тамъ, гдѣ горы сжимаются, едва пропуская ручей въ другую соседнюю долину, онъ оканчивается уступами, нѣсколько обрывистыми, въ другихъ же мѣстахъ переливаются, какъ волны, изъ одной гряды въ другую, все выше и выше, чѣмъ далѣе отъ равнины. Возвышенности вѣчаются *объ*; покати покрыты мелкою, яркою зеленью, на которой повсюду бродили стада овецъ, а на высотахъ козы; въ падахъ видѣлись лошади и рогатый скотъ; на равнинѣ разбросано множество юртъ и среди нихъ стояла бѣдная бревенчатая кумирня, обнесенная ча-стоколомъ, какъ всякая здѣшняя кумирня. Приволья много, вода чистая и въ достаточномъ количествѣ.

Хоримъ значитъ пиръ, Хоримту—пиршественная (долина). Эта равнина получила свое названіе по случаю тѣхъ пиршествъ, которыя здѣсь устроиваются во время облавы.

Надобно сказать, что облава у Монголовъ и Маньчжуровъ не столько потѣха, сколько обязанность, служба, и довольно тяжелая. У Гунновъ, точно также, какъ въ послѣдствіи у Монголовъ, охота составляла особое учрежденіе, для поддержанія воинственнаго духа и непрерывной дѣятельности въ войскахъ; это былъ родъ ихъ военныхъ маневровъ, со всѣми трудностями походовъ по горамъ и непроходимымъ дебрямъ и опасностями битвы съ дикими звѣрями. Чингисъ-ханъ, въ своихъ степныхъ законахъ, называетъ облаву школою воина. Отличившійся на охотѣ награждается

также, какъ бы онъ отличился на войнѣ. Прежде сами императоры Китая выѣзжали на облаву, къ восточнымъ границамъ Монголіи; но нынѣшній богдоханъ, наученный опытомъ предмѣстника своего, который, вернувшись съ облавы, засталъ въ Китаѣ возстаніе и ворота великой стѣны для себя запертыми, нынѣшній богдоханъ, кажется, ни разу не ѣздилъ на облаву; тѣмъ не менѣе, однако, почти черезъ каждые три года отправляютъ эту службу правители Монголіи и Маньчжуріи.

Толпы Монголовъ, считающихся въ военномъ званіи, стекаются на Хоримту въ началѣ осени, и образуютъ родъ военного стана; число ихъ простирается до 10,000 человекъ; вслѣдъ за ними пріѣзжаютъ амбани съ огромною свитой; иногда предварительно испытываютъ собравшееся кочевое войско въ стрѣльбѣ въ цѣль, иногда прямо приступаютъ къ облавѣ.

На восточной сторонѣ равнины возвышается гора, называемая Ноин-ола, господская гора, за нею, нѣсколько сѣвернѣе, другая и потомъ, по далѣе, третья: всѣ онѣ покрыты лѣсомъ, преимущественно березовымъ, осиновымъ и сосновымъ, заросли кустарниками жимолости и шиповника. Облаву начинаютъ съ Ноинъ-ола; амбани помѣщаются въ ущельѣ, что противъ кумирни; народъ, окружающій лѣсъ, постепенно сходится къ центру, и гонитъ на нихъ звѣря. Ванъ, монгольскій правитель, стрѣляетъ первый, за нимъ уже другіе, составляющіе его свиту; солдаты сторожатъ звѣря, прорывающагося черезъ линію, и

тогда уже позволено стрѣлять изъ ружья, у кого оно есть; обыкновенно употребляютъ для этого лукъ и стрѣлы.—Звѣря довольно всякаго, потому что кругомъ заповѣдныхъ лѣсовъ стоятъ караулы и не пускаютъ никого въ лѣсъ, даже за дровами, чтобы не побили дикихъ обитателей его. За нѣсколько дней до нашего пріѣзда, одинъ бѣднякъ прокрался на Ноинъ-олу и убилъ изубря, котораго рога такъ дорого цѣнятся въ Китаѣ; какъ-то провѣдали о томъ, допытались, уличили въ преступленіи, и несчастнаго отравили въ колодахъ въ Ургу, гдѣ онъ полатится дорого за нарушеніе закона.

Всего болѣе въ лѣсу медвѣдей и дикихъ козъ; есть изубри, дикіе кабаны и даже рыси. Охота на всѣхъ трехъ горахъ продолжается 45 дней.

Путешествіе наше пока шло незамѣтно и мы бодро приближались къ Ургѣ. Нѣсколько ушибовъ, полученныхъ при подъемахъ и спускахъ съ горъ, нѣсколько легкихъ лихорадокъ, на такомъ пути и при такомъ многочислѣ каравана, въ счетъ нейдутъ. Природа, даже и по выходѣ изъ роскошнаго забайкальскаго края, казалась намъ довольно разнообразною. Вездѣ мы находили хорошія пастбища и проточную воду, съ которою такъ скоро и надолго должны были разстаться, а это главное на пути, и Монголы очень основательно предлагаютъ первый вопросъ путнику: «Какова вода, здоровъ ли скотъ?»—Падежъ скота,—страшное бѣдствіе для путешественника среди пустынь Монголіи; оно часто угрожало нашимъ прежнимъ миссіямъ, едва не постигло и насъ на обратномъ пути.

Юрты попадались довольно часто, и мы нередко заходили въ нихъ отдохнуть и потолковать съ Монголами. Жаровъ мы не испытывали; скорѣе было холодно; на вершинахъ Гунту мы даже встрѣтили иней. Сухари еще не прѣлись, запахъ аргала не пропиталъ нашего платья и не закопчилъ собственной нашей кожи; неудачно приготовляемые обѣды казака-повара болѣе смѣшили, чѣмъ сердили насъ. Кстати объ этомъ поварѣ, о Воробьевѣ: онъ сопровождалъ четвертой миссіи въ Пекинъ; а извѣстно, что миссіи смѣняются черезъ десять лѣтъ,—сначала въ качествѣ коновала, потомъ повара; въ прошлую миссію его не хотѣли было взять за старостию лѣтъ; нынче онъ явился ко мнѣ съ предложеніемъ своихъ услугъ, увѣряя, что втеченіи десяти лѣтъ онъ вовсе не постарѣлъ, а только отдохнулъ. Во время пути, по его неутомимости, я убѣдился, что онъ точно не устарѣлъ; но или забылъ свое поварское искусство, или во все не зналъ его; по крайней мѣрѣ онъ полезнѣе былъ своими свѣдѣніями по части ветеринарной, чѣмъ поварской. Впрочемъ, и то сказать, что всѣ матеріалы для стола здѣсь ограничивались одною бараниною; баранина, и каждый день баранина, и цѣлыхъ десять недѣль баранина, какъ бы приготовлена ни была, а, право, надоѣстъ; у насъ же за столомъ она всегда являлась *au naturel* или вареная или жареная.

Лагерь нашъ пестрѣлъ народомъ. Монголы скакали взадъ и впередъ около каравана, тѣснились у юртъ тусулаки и дзангиновъ или, вмѣстѣ съ ними, пере-

ходили къ моей юртѣ; Монголки бродили около юртъ китайскихъ приставовъ и не рѣдко были зазываемы въ нихъ,—молоденькія особенно.

Многочисленность существуетъ въ нѣкоторой степени въ Монголіи, въ противность мнѣнію почтеннаго о. Іакинѣа, котораго сужденія я вполне уважаю и цѣню. Законъ ли, злоупотребленіе ли закона, только Монголы, подъ незначительными предлогами берутъ двухъ и даже трехъ побочныхъ женъ, не говоря о наложницахъ. Такъ-какъ брачныя обряды совершаются только при первомъ бракѣ, то Китайцы и называютъ это одноженствомъ. Впрочемъ, и это мнимое одноженство введено Маньчжурами, только въ половинѣ XVII вѣка. Оно имѣетъ значеніе въ примѣненіи къ гражданскимъ правамъ: такимъ образомъ, сынъ отъ законной жены наследуетъ всѣ права отца; только за неимѣніемъ законныхъ дѣтей дозволяется усыновить рожденнаго отъ побочной жены, и то съ дозволенія высшей власти. Къ чести монгольскаго семейнаго быта надо сказать, что жены живутъ большею частію въ мирѣ, обыкновенно повинуюсь старшей. И что за бракъ Монгола — первый бракъ! Ему выбираютъ жену отецъ и мать; по личнымъ видамъ, по предсказаніямъ ли ламъ, очень часто навязываютъ ему такую, которая уже перезрѣла, между тѣмъ какъ мужъ еще не вышелъ изъ юношескаго возраста и едва понимаетъ свое собственное состояніе, а не то что сложную систему супружеской жизни; жена по неволѣ дѣлается ему нянькой, пестуномъ, нередко злымъ и къ тому же старымъ и некрасивымъ. Со-

знавши свое достоинство мужа, — мужа на востокъ, т. е. мужа по преимуществу, онъ старается вымѣстить ей свое униженіе и нерѣдко отправляетъ ее назадъ къ родителямъ, не смотря на то, что лишается заплаченного калыма, или даровъ, сдѣланныхъ передъ свадьбой, какъ выражаются степные законы, что въ сущности одно и тоже. Къ этому, однако, не охотно прибѣгаетъ Монголъ, какъ бы ни былъ оскорбленъ женою, потому что, кромѣ калыма, лишается въ ней работницы. Однофамильцамъ, родственникамъ съ мужской стороны воспрещается вступать въ бракъ; но родство съ женской стороны не принимается въ расчетъ: такимъ образомъ, два родныхъ брата могутъ жениться на двухъ родныхъ сестрахъ; Монголъ можетъ взять за себя сначала одну сестру, а по смерти ея, другую и т. д. Странно, что въ Монголіи сохранился обычай, который существуетъ въ Киргизской Степи и во многихъ мѣстахъ на востокъ, а именно, когда поѣзжане жениха являются за невестой, то подруги уступаютъ ее только съ боя, и тутъ завязывается между ними схватка не-на-шутку. Вторую жену Монголъ беретъ уже по собственному выбору, хотя все еще спрашиваетъ родителей, по наружному уваженію къ нимъ, и ламъ — изъ страха: лама знаетъ все — и благопріятный день для свадьбы, и сходствуютъ ли между собою созвѣздія жениха и невесты. Удивительно, какъ эти люди, эти ламы, совершенно невѣжественные, могутъ держать народъ въ такомъ заблужденіи и пользоваться вліяніемъ на него. Въ самой сущности

дѣла, они отличаются отъ простаго народа только тѣмъ, что бръютъ себѣ головы, да остаются безбрачными, хотя и ведутъ жизнь не совсѣмъ безукоризненную. Образованіе ихъ ограничивается знаніемъ нѣсколькихъ буддійскихъ молитвъ, которыхъ смысла они не понимаютъ, или чтеніемъ юма, одной изъ ихъ священныхъ книгъ, больше на память, чѣмъ по печатному; чтеніе *ганжура* и *данжура* уже составляетъ высокое образованіе ламы, а толкованіе ихъ доступно развѣ высшему духовенству въ Тибетъ, да еще кое-кому изъ окружающихъ ургинскаго Кутухту-гегена; это впрочемъ и немудрено: *ганжуръ* состоитъ изъ 108 большихъ томовъ и составляетъ всю ученость буддизма.

Даръ краснорѣчія и особенно удачное употребленіе аллегорій, сравненій и афоризмовъ Будды считается высшею степенью образованности между Монголами; людей, обладающихъ такимъ талантомъ, они готовы признавать за существа высшей породы; впрочемъ, такихъ весьма и весьма мало. Я встрѣтился какъ-то съ ламой довольно бойкимъ, который считался между здѣшними ламами свѣтильникомъ вѣры. Желая съ разу изумить своею ученостью, онъ, послѣ обычныхъ привѣтствій, обратился ко мнѣ съ такою рѣчью. « Душа человѣческая, подобно ушамъ слона, въ вѣчномъ движеніи, произнесъ мудрый Будда. Дай же покой хоть тѣлу, не изнуряй его, отдохни между нами, дай время душѣ скрыться въ свою оболочку, подобно черепахѣ, скрывающейся при видѣ опасности подъ защиту своей крѣпкой коры, и успокоиться внутреннимъ созерцаніемъ. » — Бывшіе тутъ Монголы самодовольно глядяли, желая прочесть

на лицахъ нашихъ, какой эффектъ произвести эти звучащія и, вѣроятно, заранее приготовленныя слова. — «Душа моя здѣсь между друзьями, между мудрыми, отвѣчалъ я, намѣренія ея чисты, ей нечего скрываться, она вся наружи; согрѣтая солнцемъ дружбы и мудрыхъ сужденій вашихъ, она и отдыхаетъ и созерцаетъ.» И мой ученый лама, сбитый съ толку громкой фразой, не нашелся что отвѣчать, къ крайнему соблазну окружавшихъ его ламъ, и едва пробормоталъ нѣсколько не связанныхъ словъ для того, чтобы, по обычаю Востока, сказать свое слово послѣднему.

Хласса, въ Тибетѣ, для Монголовъ тоже, что Мека для Магомметанъ. Въ Хлассѣ ламы получаютъ высшее образованіе. Въ Монголіи, разумѣется, нѣтъ школъ. Свѣтскіе люди учатся у частныхъ учителей, а дѣти служащихъ въ Пекинѣ—въ тамошнихъ школахъ, изъ которыхъ, нѣкоторыя, учреждены собственно для Монголовъ.

Письмо въ Монголіи существуетъ съ 920 года (до того употребляли, вѣроятно, китайское письмо); оно извѣстно подъ названіемъ киданьскаго, и, судя по ничтожнымъ остаткамъ его, дошедшимъ до нашихъ временъ, было идеографическое, въ подражаніе китайскому. Родоначальникъ династіи Гань изобрѣлъ собственное письмо, хотя, по словамъ китайскихъ историковъ, заимствованное изъ киданьскаго и китайскаго, однако не представлявшее идеографическаго смысла, а выражавшее только звуки и слоги для составленія словъ. Чингисъ — ханъ, при сношеніяхъ своихъ съ разными народами тюркскаго племени, употреблялъ ойхорское письмо, которое усовершенствовано или измѣнено въ

нынѣшнемъ монгольскомъ письмѣ; оно изобрѣтено, вѣроятно, въ XII вѣкѣ, во время владычества Ойхоровъ въ Восточномъ Туркистанѣ, и потому напоминаетъ собою форму буквъ арабскихъ; что же касается до того, что оно пишется сверху внизъ, то это безъ сомнѣнія заимствовано съ китайскаго.

Упомянемъ въ заключеніе о письмѣ, изобрѣтенномъ знаменитымъ Пагсбой. Оно составлено по повелѣнію Хубилая, внука Чингисъ-ханова, воспитаннаго въ Китаѣ подъ руководствомъ тибетскихъ ламъ, и сильно отзывалось вліяніемъ санскритской и тибетской письменности.

На третьей станціи отъ Хоримту, на вершинѣ Гунту, было очень холодно: иней покрывалъ все темя горы. Казаки отчасти не домогали; но Урга, гдѣ мы намѣревались пробыть нѣсколько дней, была не далеко, и мы не безъ основанія надѣялись, что отдыхъ возобновитъ и поправитъ ихъ силы, что дѣйствительно и случилось.

На послѣднемъ переездѣ отъ Гунту къ Ургѣ встрѣтила насъ, высланная отъ Вана Монголіи, почетная стража; она сопровождала насъ до Урги, куда мы пріѣхали около полудня 2-го Августа.

ГЛАВА IV.

Ургинская долина.—Подворье для иностранцев.—Посещение чиновников и переговоры с ними; приемъ, сделанный намъ Амбанами.—Урга и ея капища; Шанцаба и Кутухта-гегенъ.—Куренскій Май-ма-ченъ.

Долина, на которой расположена Урга, съ ея кумирнями, съ ея загородными домами, кое-гдѣ окруженными яркою зеленью; долина, разсѣкаемая на нѣсколько отдѣльныхъ оазисовъ извилинами рѣкъ Тобы и Сельбы, окруженная горами, надъ которыми господствуетъ Ханъ-ола, Ханская гора, увѣнчанная лѣсомъ и изрытая темными буераками, гдѣ гнѣздятся дикіе звѣри, потому что никто не смѣетъ нарушить покоя заповѣдной горы,—Ургинская долина одна изъ прекраснѣйшихъ, какія мнѣ случалось видѣть, и напоминаетъ собою роскошныя долины Ломбардіи.

Такъ-называемое подворье для пріѣзжающихъ по казенной надобности, большею частію иностранцевъ, т. е. изрѣдка посылаемыхъ отъ нашихъ иркутскихъ губернаторовъ курьеровъ къ ургинскимъ правителямъ и посланцевъ изъ Тибета, съ которымъ сношенія бываютъ особенно дѣятельны каждый разъ послѣ смерти кутухты, по случаю отысканія новаго,—это подворье, подобно всѣмъ жилищамъ богатыхъ Китайцевъ, со-

стоитъ изъ нѣсколькихъ дворовъ. Въ каждый изъ нихъ ведутъ ворота, противъ воротъ другія, парадныя, всегда запертыя, кромѣ какъ при въѣздѣ высшаго почитателя или хозяина; онѣ составляютъ родъ щита, прикрывающаго главный входъ; по бокамъ, въ узкомъ корридорѣ, между воротами и щитомъ, два входа,—лѣвый для гостей, правый для слугъ; противъ воротъ, главный домъ, по краямъ два флигеля, — все въ симметрическомъ порядкѣ.

Таже таинственность при входѣ въ домъ, какъ и при входѣ во дворъ: думаете, что идете въ парадную комнату, а тутъ, подъ носомъ, стѣна; надо своротить вправо или влево, и вотъ вступаете въ другой тѣсной корридоръ, изъ котораго можете попасть въ кладовую, а можете и въ парадную пріемную. Но не бойтесь запутаться въ этомъ мелочномъ лабиринтѣ китайскихъ комнатокъ; если вы человѣкъ значительный, то хозяинъ, или, по крайней мѣрѣ, кто нибудь изъ близкихъ ему, встрѣтитъ васъ еще у втораго двора и уже во всякомъ случаѣ толпа слугъ, которая сторожитъ васъ у въѣзда, покажетъ и очиститъ вамъ дорогу отъ преслѣдованія любопытныхъ; визиты неожиданные не бываютъ. Здѣсь, невольно, вспомнишь тотъ же лабиринтъ двориковъ и комнатокъ въ арабскихъ жилищахъ.—Въ комнатѣ, на право, *канъ*, родъ дивана въ нишѣ, иногда украшенномъ драпировкой; на противъ—еще широкій диванъ, во всю стѣну, подобно какъ въ домахъ на Востокъ; это нѣчто въ родѣ нашихъ наръ, съ тюфяками и подушками, застланными краснымъ сукномъ или, просто, тикомъ; по срединѣ *кана* маленькой столикъ, у котораго

очень удобно пить чай, особенно если сидишь поджавши ноги. Вся передняя стѣна состоитъ изъ узорчатаго рѣшетника, довольно красиваго, оклееннаго тонкою бумагой: это окно. Воображаю, какъ хлещетъ въ него дождемъ и снѣгомъ; правда, передняя стѣна прикрыта широкою галлереей; но это плохая защита во время бури. За то видъ снаружи, вечеромъ, когда всѣ комнаты освѣщены, очень хорошъ; въ богатыхъ домахъ въ самой галлерей привѣшивается множество разноцвѣтныхъ фонарей.

Въ это жилище, парадными воротами, стоявшими настежь для нашего приѣма, ввели насъ различные тусулаччи, закирокшии и бошки; они были при насъ дорогой, очутились и здѣсь съ прибавкою другихъ, — кто въ качествѣ пристава подворья и для нашего приѣма, кто для исполненія нашихъ приказаній, и всѣ вмѣстѣ ровно ничего недѣлавшіе, не смотря на то, что разноцвѣтные, красные, бѣлые и синіе шарики, украшавшіе ихъ шапки, то и дѣлю мелькали и блистали на солнцѣ, а сами они то входили, то выходили изъ комнатъ съ различными посулами и комплиментами. Но это только присказка, а сказка впереди.

Явилась толпа нербъ, слугъ, предшествоваемыхъ двумя галдами, китайскими чиновниками: слуги несли на двухъ столахъ безконечное множество (кажется 95) тарелочекъ съ конфетами и различными китайскими сластями; чиновники привѣтствовали рѣчью, слаще самыхъ сластей, отъ имени амбаней, правителей, и собственного своего.

На первый разъ тѣмъ и обошлось; наговорили другъ

другу много любезностей и разошлись, хотя у каждого было на душѣ другое: у нихъ — выспросить, когда и какъ мы поѣдимъ амбаней? у насъ — какъ и на какихъ условіяхъ они насъ примутъ? На другой день явились два другіе чиновника, и такъ-какъ скорый визитъ амбанямъ съ нашей стороны выразилъ бы степень уваженія этимъ важнымъ лицамъ, то посланцы ихъ, какъ бы между разговорами, въ дружескомъ совѣтѣ отъ самихъ себя, высказались, наконецъ, о цѣли своего посѣщенія, которая и составила постоянный предметъ преній во время четырехъ-дневнаго нашего пребыванія въ Ургѣ. Съ этими мы не сошлись, и на третій день явились еще еще галды, — всегда по-парно, монгольскій и маньчжурскій, первый, какъ мѣстная власть, второй, какъ соглядатай здѣшняго правительства, назначаемый изъ Пекина, и всякая чета утверждала, что предшествовавшая ей ничего не знаетъ, ничего не смыслитъ, что, правда, и она не можетъ положительно знать мнѣнія амбаней; но все таки, какъ ближайшая къ нимъ, полагаетъ, что эти правители Монголіи гораздо умреннѣе въ требованіяхъ, и въ слѣдъ за тѣмъ дѣлала еще нѣкоторыя уступки, увѣряя, что амбани, какъ люди умные, непременно согласятся на нихъ. Наконецъ, послѣ долгихъ и жаркихъ споровъ, согласились въ главныхъ статьяхъ приѣма. Въ Пекинѣ, гдѣ вѣжливость доведена до утонченности, до самыхъ мелочныхъ и часто тяжелыхъ церемоній, знаніе которыхъ составляетъ предметъ гордости и славу образованнаго Китайца, — хозяинъ, какъ бы ни былъ высокъ саномъ, рѣшившись принять къ себѣ въ домъ посѣтителя, отдаетъ

ему первое мѣсто и всякій почетъ, хотя гость, знающій также приличія, съумѣетъ отказаться отъ нихъ; но мы были въ Монголіи...

Около полудня отправились мы, въ сопровожденіи казаковъ и Монголовъ, въ пріемную залу *яманя*, присутственнаго мѣста, гдѣ уже ожидали насъ амбани. Толпа чиновниковъ окружала ихъ, сидящихъ противъ дверей, на диванѣ; они подали руки, какъ было условлено прежде, мнѣ и начальнику миссіи, и просили насъ садиться на стульяхъ, поставленныхъ напротивъ нихъ не въ дальнемъ разстояніи, такъ что между нами и ими могли только помѣститься одни драгоманъ. Разговоръ шелъ обычнымъ порядкомъ о томъ, благополучно ли въ нашемъ табунѣ, довольны ли мы сопровождающими насъ чиновниками, хороши ли всходы хлѣбовъ въ Россіи, словомъ, о всемъ томъ, о чемъ ведется между людьми порядочными; мы напередъ знали его, и потому онъ нисколько не занималъ ни насъ, ни амбаней. Гораздо любопытнѣе были для нихъ—наши наряды и вооруженія казаковъ, для насъ—вся окружающая, пестрая и еще новая картина предметовъ и лицъ. Главный монгольскій правитель человѣкъ не старій, съ лицомъ умнымъ и пріятнымъ; рѣчь его плавная, медленная; манеры вкрадчивые; словомъ, во всемъ виденъ человѣкъ, не только вполне знающаго приличія, но и часто обращавшійся при дворѣ; красный, рѣзной шарикъ на шапкѣ свидѣтельствовалъ о его высокомъ санѣ; надъ нимъ висѣла похвальная доска, родъ диплома, писанная отъ лица богдохана, — милость очень рѣдкая въ Китаѣ. Лицо со-правителя его,

Маньчжура, тучное, не привѣтливое, очень не понравилось намъ; мы, впрочемъ, были предупреждены противъ него, Монголами, которые сказали, что онъ былъ пониженъ степенью въ Пекинѣ за взятки, и въ самой Монголіи не пользовался хорошей репутаціей, между тѣмъ какъ монгольскій правитель извѣстенъ былъ своею честностію, понимая это слово, не слишкомъ въ обширномъ смыслѣ.—Подали чай. Въ этомъ, повидимому, мелкомъ обстоятельствѣ, множество отбѣнокъ въѣзливости; если угощаютъ только гостя, значитъ хозяинъ жалуется его чашкой чаю изъ милости, а не расхищаетъ его съ нимъ, въ сообществѣ, и въ такомъ случаѣ порядочный человѣкъ откажется отъ этой чести. Отпивши чай, мы размѣнялись подарками, какъ равные съ равными, изъ рукъ въ руки. Монгольскому амбаню особенно понравилась массивная стеклянная накладка съ цвѣтами внутри; онъ сознался, что еще не видалъ подобной вещи; я отвѣчалъ ему, что это новое изобрѣтеніе, и потому я нарочно взялъ эту вещь для него, зная что онъ слѣдитъ за всѣми новостями и изобрѣтеніями въ свѣтѣ. Оба мы разумѣли подъ словомъ *свѣта* Китай и Россію по преимуществу. Мы вышли изъ пріемной комнаты и уѣхали домой въ томъ же порядкѣ, какъ и пріѣхали.

Урга—собственно названіе урочища, орошаемаго рѣчками Иге-сельбы и Бага-сельбы, впадающими въ Тѣлу: по-монгольски *урга* значитъ приплодъ; равнина, вѣроятно, названа такъ потому, что привольна для пастбища табуновъ, которые скоро размножаются здѣсь. Городъ называется, собственно, Курень, и Монголы и Китайцы

употребляютъ чаще это послѣднее слово. Урга есть палладіумъ Монголіи. Въ немъ пребываетъ глава ихъ вѣры, кутухта-гегенъ, въ немъ ихъ капища, въ которыхъ, по свидѣтельству сопутствовавшихъ намъ Монголовъ, до 10,000 ламъ.

Урга, какъ называемъ мы, или, правильнѣе, Курень, расположенъ на пригорьѣ и представляетъ довольно оригинальный видъ: позолоченныя маковки и шпицы кумирень, ярко зеленныя крыши зданій, зубчатая рѣшетки и пестрота юртъ, въ которыхъ помѣщаются ламы и многія капища, наконецъ, нѣсколько деревянныхъ не богатыхъ зданій, огромная школа, гдѣ обучается тибетскому чтенію и духовной музыкѣ до 1,000 чловѣкъ, общая трапезная и проч., — все это довольно красиво издали, но грязно внутри. Дома вана и амбана стоятъ особнякомъ и также довольно не върачны. Дѣлами духовенства управляетъ собственно шанцаба; самъ кутухта ни во что не входитъ. Не знаю, почему, но онъ то и дѣлю здѣсь перерождается, т. е. умираетъ, и тутъ начинается нескончаемая исторія отысканія души его, переселившейся, будто бы, въ другое тѣло; сношенія съ Пекиномъ, Ургой и Хлассой становятся самыя дѣятельныя; апатія монгольскихъ князей быстро исчезаетъ и уступаетъ мѣсто искательству и интригѣ: наконецъ, тибетскій Далай-лама указываетъ избранное монгольское семейство, и мальчикъ, родившійся въ тотъ день, когда померъ прежній кутухта, назначается его преемникомъ и продолжаетъ его жизнь. Новый кутухта всегда сказывается народу какимъ нибудь необыкновеннымъ образомъ; одинъ изъ нихъ, вошедши въ первый

разъ въ кумирню, отыскавъ въ немъ ламу, любимца прежняго кутухты, то-есть, своего любимца, хотя ни разу его не видалъ послѣ перерожденія; другому, во время служенія, подали колокольчики, употребляемые для подаванія разныхъ знаковъ, и онъ сейчасъ замѣтилъ, что не было одного колокольчика, который всего чаще употреблялъ его предшественникъ. Кутухты пользуются чрезвычайнымъ уваженіемъ Монголовъ и весьма значительными доходами; сами Китайцы оказываютъ имъ наружные знаки почтенія.

Мнѣ часто случалось заходить въ кумирни во время служенія ламъ; доступъ свободенъ для всѣхъ, не то что въ магомметанскія мечети. Въ кумирнѣ, противъ главнаго входа, который обыкновенно бываетъ обращенъ къ югу, стоятъ истуканы, большею частію деревянные, иногда позолоченные; посреди ихъ изображеніе самаго Шагя-муни. Главный лама сидитъ въ устроенной у дверей ложѣ, лицомъ къ кумирамъ; онъ отличается отъ другихъ богатою губерей, родъ шали, которую во время служенія то свиваетъ, то надѣваетъ какъ плащъ. Служащіе ламы стоятъ близъ ложи, въ мантияхъ, съ курильницами въ рукахъ, и читаютъ на распѣвъ свои священныя книги; другіе сидятъ полукружіемъ на полу и повторяютъ гимны, которые начинаетъ главный лама, безпрестанно позванивая серебрянымъ колокольчикомъ. Иногда служеніе ламъ сопровождается духовою музыкой, инструменты которой здѣсь замѣняютъ морскія раковины. Оно совершается на тибетскомъ языкѣ. Только одна кумирня въ Китаѣ имѣетъ право совершать служеніе на языкѣ монгольскомъ.

Близъ Урги, верстахъ въ трехъ отъ нея, находится куренскій Май-ма-ченъ, т. е. китайская торговая слобода. Онъ больше кяхтинскаго Май-ма-чена, но грязнѣе и бѣднѣе его. Жители, также какъ и въ нашемъ Май-ма-ченѣ—Шан-сійцы, числомъ до 4,000. Они снабжаютъ Монголовъ всеми предметами роскоши; кромѣ того, одинъ изъ главныхъ промысловъ ихъ, — доставка лѣса въ Пекинъ и Хухутонъ. По просьбѣ зургучея, нѣкоторые изъ нашихъ пили у него чай, а оттуда отправились въ лавки, но ничего не могли купить, потому что здѣшнюю ходячую монету, подобно какъ у насъ на линіи и между Монголами, составляетъ кирпичный чай, — монета слишкомъ громоздкая, что бы носить ее съ собою.

ГЛАВА V.

Выездъ изъ Урги. — Кочевья Тушету-хана. — Пространство и населеніе Монголіи; бѣглый очеркъ ея политическаго состоянія и исторіи.

Мы выѣхали изъ Урги 7-го Августа. Отъ самаго нашего подворья почва измѣняется: начинаются мергели и филладъ; но страна все еще представляетъ видъ гористый.

Не доѣзжая Толы, мы увидѣли вправѣ, на южной сторонѣ Ханъ-олы, сборище Монголовъ: это мѣсто сейма Тушету-ханова аймака. Тушету-ханъ, одинъ изъ четырехъ владѣтелей Халхи. Халха простирается отъ самой русской границы до Урги и гораздо далѣе, на пути нашемъ; кочевья Тушету-хана занимаютъ оба берега р. Толы и простираются—на востокъ до Гентея, на западъ до Онгинъ-гола и на югъ до Сунитовъ. — Но я убѣждаюсь болѣе и болѣе въ необходимости окинуть хотя бѣглымъ взглядомъ политическое и историческое положеніе страны, въ которую давно уже ввелъ читателя и по которой долго еще буду водить его; иначе многія частности останутся не понятыми и вообще развѣдненными отъ цѣлаго.

Монголія занимаетъ огромное пространство, которое могло бы поглотить все европейскія государства, за

исключеніемъ Россіи, — пространство отъ Маньчжуріи до Тибета, Туркистана и Киргизской степи на западъ, отъ границъ Россіи до Великой Китайской стѣны на югъ, или отъ 8 до 40° долготы по пекинскому меридіану и отъ 35 до 53° сѣверной широты. — Со времени ея зависимости отъ Китайской Имперіи, т. е. съ начала прошедшаго столѣтія, она раздѣлена въ политическомъ отношеніи на пять частей: Внутреннюю Монголію, Халху, Чжунгарію, Хухеноръ и Заордосъ. Кромѣ земель, совершенно присоединенныхъ къ Китаю, всѣ прочія во внутреннемъ своемъ порядкѣ слѣдуютъ особымъ законамъ, пополненнымъ и пересмотрѣннымъ изъ прежнихъ, китайскимъ правительствомъ, и приспособленныхъ къ настоящему политическому положенію страны. Законы эти, изданные на монгольскомъ, маньчжурскомъ и китайскомъ языкахъ, подъ названіемъ *Уложенія трибунала вѣншихъ сношеній*, переведены на русскій языкъ г. Липовцовымъ и напечатаны въ 1828 году.

Монголы, какъ военное сословіе Китайской имперіи, раздѣлены на знамена, сообразно раздѣленію маньчжурскаго народа; большіе аймаки содержатъ въ себѣ по нѣсколькѣ знаменъ; знамена соединены въ отдѣльныя управленія, называемыя по-маньчжурски *чуганъ*, т. е. сеймъ.

Въ Восточной или Внутренней Монголіи 24 аймака, а въ нихъ 49 знаменъ, въ которыхъ считается служилыхъ людей 193,950.

Въ Халхѣ четыре аймака, которые сохранили прежнее названіе ханствъ; въ нихъ 86 знаменъ, а служилыхъ людей 24,450.

Въ Хухенорѣ пять аймаковъ; знаменъ 29; служилыхъ людей 15,075.

Въ Заордоскихъ и Чжунгарскихъ знаменахъ считается 21,150 и въ пограничныхъ (отъ Бухтармы до Туики, въ Кобдо и др. мѣстахъ) 45,300 служилыхъ людей, и того 287,025 человекъ. Всего же народонаселенія Монголіи, по исчисленію о. Іакинфа, около 3,000,000, по показаніямъ самихъ Монголовъ — нѣсколько болѣе.

Управленіе знаменемъ возложено на *чжасака* — князя, а главное заведываніе нѣсколькими знаменами — на главу сейма. Не довольные и притѣсняемые *чжасаками* и главою сейма могутъ приносить свои жалобы въ «Палату вѣншихъ сношеній», которая доводитъ дѣла Монголовъ до свѣденія богдохана.

Важныя дѣла рѣшаетъ глава сейма вмѣстѣ и съ совѣтскаго всѣхъ *чжасаковъ*; а черезъ каждые два года *чжасаки* со всѣми войсками собираются на сеймовый сборъ, куда пріѣзжаетъ изъ Пекина особая коммисія, которая, вмѣстѣ съ главою сейма, повѣряетъ народныя переписи и занимается разсматриваніемъ спорныхъ дѣлъ.

Монголы не платятъ никакихъ податей Китаю. Китайцы все еще побиваютъ людей, которые столько вѣковъ грабили и разоряли ихъ и такъ долго властвовали надъ ними; но каждый Монголъ вноситъ въ пользу своихъ владѣтелей часть своего достоянія, почти въ томъ же размѣрѣ, какъ это было во времена Чингис-хана, и именно: у кого пять головъ рогатаго скота или 20 барановъ, тотъ даетъ одного барана, съ 40 барановъ — двухъ и т. д. Кромѣ того, въ Монголіи суще-

ствуется сборъ съ народа на случай съѣзда сейма, женитьбы сына владѣтеля и другіе поборы, весьма впрочемъ, незначительные.

Владѣтели аймаковъ, князья и родственники богдохана обязаны являться въ извѣстные сроки ко двору съ поздравленіями въ новый годъ; для этого между ними устроена очередь. Поѣздки къ богдоханскому двору для нихъ не очень пріятны: во-первыхъ, въ Пекинъ нельзя явиться съ пустыми руками; а во-вторыхъ, жизнь въ душной столицѣ и придворный этикетъ чрезвычайно тяжки для жителей степи. Не дешево обходятся эти посѣщенія и для китайскаго правительства: въ Пекинъ Монголѣ получаетъ содержаніе серебромъ и рисомъ не только для себя, но и на всю прислугу, смотря по званію и должности каждаго, кромѣ того, на путевые расходы, подарки и проч. Правда, изъ всего этого очень не многое попадаетъ въ руки Монгола, но большая часть остается у чиновниковъ палаты вѣдѣнія сношеній и дворцоваго управленія; отъ этого, однако, не легче китайскому правительству.

Страна, извѣстная на туземномъ языкѣ подъ именемъ *Монголъ*, по-китайски и маньчжурски *Мынь-гу*, на тюркскихъ нарѣчіяхъ *Калмакъ*,—въ прежнія времена носила названіе домовъ, или династій, которыя властвовали въ ней, какъ это ведется и по нынѣ въ Китаѣ и, вѣроятно, Китайцами же сообщено Монголіи. Частая переменѣна властвовавшихъ въ ней домовъ чрезвычайно запутала событія этой страны, которыя нерѣдко приписывали другой землѣ, другому народу.

Исторія Монголіи тѣсно соединена съ исторіей Китая,

и Китайцы первые сообщаютъ о ней свѣденія, разумѣется, на столько, сколько онѣ находятся въ связи съ событіями въ ихъ отечествѣ.

Первыя преданія о Монголахъ относятся къ тому времени, когда Хуан-ди, основатель Китайской имперіи, желая обезопасить свои сѣверные предѣлы, разбилъ и прогналъ отъ нихъ дикія племена Хань-юй, въ которыхъ нельзя не признать нынѣшнихъ Монголовъ. Событіе это случилось за двадцать семь вѣковъ до Р. Х. Подъ 1797 г. до Р. Х. Монголы уже занесены въ исторію Китая, а въ 1764 г. до Р. Х. они, вѣроятно, пользовались извѣстностью и вліяніемъ, потому что сынъ умершаго въ изгнаніи послѣдняго изъ династїи *Ся* императора Китая, Шунь-вей, съ частію своего народа ушелъ въ Монголію, отдавшись подъ ея покровительство.

Съ 1140 г. до Р. Х. Монголы упоминаются безпрестанно въ исторіи Китая, съ которыми ведутъ постоянную и оустошительную войну въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, являясь то побѣжденными, то побѣдителями, чаще проникая въ глубь Китая, чѣмъ допуская Китайцевъ въ свои пустынные степи. Въ IV вѣкѣ Китайцамъ удалось, наконецъ, прогнать Монголовъ изъ Чахара и Ордоса, и они оградилась отъ нихъ землянымъ валомъ, который лежалъ нѣсколько сѣвернѣе нынѣшней великой стѣны; но валъ не удержалъ Монголовъ и, два вѣка спустя, Китайцы замѣнили его настоящею стѣной. Домъ Хунну, владѣвшій въ то время Монголіей, прогнанный вторично изъ Ордоса, удалился въ Халху. Обыкновенно, когда въ Монголіи не было междоусобицы, то власти-

тель ея, отъ-нечего-дѣлать, занимался набѣгами на Китай; такимъ образомъ, спустя десять лѣтъ по окончаніи *великой стѣны*, стоившей столько издержекъ и еще болѣе поту и крови людей, Модо, глава дому Хунну, объявившій себя ханомъ и принявшій титулъ Тенгри-губунъ, сына неба, отнялъ обратно у Китайцевъ Ордосъ и Чахаръ, перешелъ черезъ великую стѣну, уничтожилъ высланныя противъ него войска и наложилъ дань на Серединное Государство. Китайскій дворъ, заботившійся и въ то время о наружности, о способъ выраженія, о формѣ, болѣе, чѣмъ о сущности дѣла, думалъ только о томъ, чтобы постыдное слово дань замѣнить другимъ, не такъ унижительнымъ для его тщеславія и, дѣйствительно, ловко придумалъ: онъ сталъ выдавать дочерей богдохана за монгольскихъ хановъ и посылалъ дань подъ предлогомъ подарковъ для принцессъ, назвавъ ее *хо-цинъ*, т. е. дружба, родство; однимъ словомъ, онъ платилъ дань и деньгами, и женщинами, потому что, конечно, не на радость отправлялась изнѣженная принцесса китайскаго двора въ войлочную юрту дикаго Монгола; тѣмъ не менѣе, однако, такой порядокъ вещей, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, существуетъ и теперь.

Ссоры монгольскихъ князей, раздуваемые и поддерживаемыя китайскою политикой, были причиною тому, что Китайцы, послѣ продолжительной и кровопролитной войны, сокрушили наконецъ домъ Хунну (въ 93 году по Р. Х.) Въ эту войну они заходили къ отраслямъ Алтайскаго хребта, въ предѣлы нынѣшняго нашего Эмѣиногорскаго горнаго округа. Но, по паденіи

дома Хунну, явились другіе удѣльные владѣтели, провозгласившіе себя ханами, которые, осиливъ одинъ другаго, начинали свои опустошительные набѣги на Китай. Сѣверные сосѣди Монголовъ, по бѣдности своей, не возбуждали ихъ алчности къ наживѣ и потому менѣе страдали отъ нихъ.

Описаніе этихъ набѣговъ, грабежей, кровопролитій не входитъ въ составъ моей книги; не знаю, можетъ ли оно быть любопытно и на своемъ мѣстѣ. Скажу только, что въ началѣ IV вѣка монгольская династія южныхъ Хунновъ, овладѣвъ Китаемъ, заняла его престолъ подъ именемъ династіи *Янъ* и потомъ *Чжао*. Нѣсколько разъ Монголы были изгоняемы, и опять воцарялись въ Китаѣ. Въ VIII вѣкѣ нашей эры они чрезвычайно усилились: дулгаскіе ханы владѣли,—восточные Китаемъ, а западные почти всею Среднею Азіей. Они, первоначально, кочевали у подошвы Алтайскихъ горъ и занимались добычею желѣза и, можетъ быть, другихъ металловъ, составляя побочную линію дома Хунновъ. Перейдемъ молчаніемъ періодъ владычества сильнаго нѣкогда поколѣнія Ойхоровъ, которые, подобно родственнымъ имъ Калмыкамъ, распространившимся по нынѣшнимъ губерніямъ Томской и Енисейской, произошли отъ дома Ган-гюй; упомянемъ только мимоходомъ о славномъ въ китайской исторіи домѣ Кидань и обратимся къ дому Монголь.

Еще въ началѣ IX вѣка, одно изъ 16 тунгузскихъ поколѣній, кочевавшихъ по Амуру отъ Аргуни до Сунгари-улы, вслѣдствіе междоусобій, отошло къ Ордосу, гдѣ и приняло названіе Татань. Татань—слово мань-

чжурское, и означает *привалъ, постоянный дворъ*. Вскорѣ потомъ это поколѣніе взяло верхъ надъ поколѣніями Монголь, Хере, Тайчуть и Татаръ; родъ Гинь властвовалъ надъ ними; но въ самомъ началѣ XIII столѣтія Темуцзинъ, глава поколѣнія Монголь, низвергъ его и, послѣ многихъ междоусобныхъ стычекъ, провозгласилъ себя ханомъ, подъ именемъ Чингисъ-хана. Тутъ побѣды его слѣдуютъ быстро одна за другою. Онъ покорилъ всю Монголію, Сѣверный Китай, Маньчжурію, Тангунтъ, Среднюю Азію и двинулся въ Европу. Исторія его подвиговъ извѣстна, и потому я не стану распространяться объ ней, но о частной его жизни я еще буду имѣть случаи говорить. Преемникъ его овладѣлъ бывшею столицею Сѣвернаго Китая, Гайфынь-фу, а Хобилей окончилъ завоеваніе остальной части Китая и положилъ начало династіи своей, извѣстной подъ именемъ Юань. Ханы кипчакскій, чигатайскій (Баши-бели) и другіе не признали надъ собою его власти; но въ Китаѣ династія его царствовала до половины XIV вѣка. Въ 1637 г. Китайцы возстали противъ Монголовъ, и послѣ кровопролитной войны, продолжавшейся около 30 лѣтъ, выгнали ихъ изъ Китая и возвели на престолъ свою династію. Потомки Чингисъ-хана еще нѣсколько времени сохраняли власть въ Монголіи, но потомъ были низвергнуты родомъ Татаръ. Тутъ начинается цѣлый рядъ кровопролитныхъ битвъ и пораженій для Монголовъ. Китайцы съ сѣвера и Маньчжуры съ востока, пользуясь междоусобіями Монголіи, распространяли въ ней далѣе и далѣе свои завоеванія. Въ 1632 году Маньчжуры овладѣли Чахарами, въ 1638

г. Халхой, въ 1642 Хухеноромъ и Тибетомъ. Одни Ойроты еще долго держались, защищая независимость свою противъ соединенныхъ силъ Китая и Маньчжуріи, а наконецъ, въ 1762 г., и они пали, или, правильнѣе сказать, были совершенно истреблены. Съ этого времени вся Монголія перешла подъ власть Маньчжурской династіи, царствующей въ Китаѣ.

ГЛАВА VI.

Последняя рѣка на пути въ Монголію. — Природа ску-
днѣть. — Начало Гоби. — Пѣсни и пляски Монголовъ. —
Преданія о Чингисъ-ханѣ. — Переговоры относительно
перевѣсы дороги. — Что такое Гоби и Шамо? — Китай-
скій караванъ, перешедшій Гоби. — Сухари.

Верстахъ въ осьми отъ Урги, мы перѣѣхали Толу въ бродъ; она тутъ довольно глубока, такъ, что мы черпали воду дномъ повозокъ. Это последняя рѣка на пути до самой *великой стѣны*! Горы мало-по-малу понижаются, являясь въ отдѣльныхъ группахъ, довольно округлен-ныхъ и покатыхъ; но растительность еще все та же. На первомъ привалѣ отъ Урги уже дурная вода, коло-дезная. Надо было доставать походныя корыта; не при-вычный скотъ съ трудомъ приближался къ нимъ и почти вовсе не пилъ тухлой воды. На второй станціи пе-реѣхали мы хребетъ горъ, довольно высокій, послѣдній на пути къ *Гоби*!.. Отъ него мы поднимались едва за-мѣтно, но съ каждымъ перѣѣздомъ выше и выше. На привалѣ, вмѣсто дровъ, явился аргаль (кизякъ). Тутъ, къ общей радости, нашли мы ключъ съ прекрасною водой.

Горы, казавшіяся впереди довольно возвышенными, понижились, по мѣрѣ нашего приближенія къ нимъ. Мы все восходили, непримѣтно, по прекрасной до-

рогъ, покрытой щебнемъ, словно шоссе, до ихъ уровня. Горизонтъ расширяется все болѣе и бо-лѣе; вмѣсто горъ и утесовъ, являются холмы, по-крытые яркою зеленью; трава еще густа и сочна, хотя не высока. Мы очутились довольно высоко отъ поверхности моря: это замѣтно по сухости воздуха (см. психрометрическія наблюденія). Въ числѣ первыхъ заботъ, даже первою заботою, по пріѣздѣ на станцію, является отысканіе воды. Какъ это напоминаетъ прежнія путешествія! И тутъ (на 3 станціи) Мон-голы поставили насъ у грязной лужи, на которую смотреть было гадко; но намъ опять удалось найти ключъ чудной, студеной воды; спутники мои приня-лись за работу, разчистили и выложили его камнемъ. Въ водѣ, пока, не чувствуется большаго недостатка: стасть и намъ и скоту при маленькой бережливости и осторожности; главное, не надобно пускать лоша-дей близко къ источнику, чтобы они не затоптали его и не разрушили работъ. Монголы, какъ сами гово-рятъ, потому не заботятся о пріисканіи воды и разчи-сткѣ родниковъ, что боятся оскорбить духовъ, обитаю-щихъ въ нихъ; а я думаю, просто, по лѣности, свой-ственной кочевому народу. Что ему трудиться, ра-скапывать, да укладывать камнемъ колодцы и ключи: сего дня Монголъ здѣсь, а завтра въ другомъ мѣстѣ; Богъ дастъ день, дастъ землю для кочки, а съ нею пищу и воду для себя и скота. Велика Монголія, ве-лика и хошунъ каждаго племени!

Тутъ ни гдѣ нѣтъ и признаковъ осѣдлости. На стан-ціи Гилтегентай почва развѣрывается, какъ вздутая

кое-гдѣ вѣтромъ пелена. Только еще на юго-восточномъ горизонтѣ виднѣлись не высокія горы, но погодите, дождемъ до этихъ горъ, и не увидимъ ихъ: стаіють, исчезнутъ, потому что мы все еще будемъ непримѣтно подыматься и подымаемся, до ихъ уровня.

Растительность тоже скудѣетъ: это уже начало Гоби; вода въ колодцахъ горьковатая, соленая, стоячая; почва покрыта мелкимъ гравіемъ, какъ рѣчные отмели; трава жидка, тоща; попадаетъ ковыль и кустоватая акація, напоминающая мимозу въ лучшихъ мѣстахъ пустыни Нубіи.

11-го числа былъ первый день довольно душный, хотя солнце рѣдко показывалось изъ-за облаковъ; къ вечеру тучи разразились дождемъ.

Я обыкновенно ѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи переводчика, тусулакчи, зангина и другихъ почетныхъ Монголовъ. Однажды, какъ-то разговоръ изсякъ, и я попросилъ Монгола спѣть. Монголъ запѣлъ:

«На берегахъ Керелуна, лѣтомъ, гулялъ буланый конь; хозяинъ замѣтилъ его горячій норовъ и крѣпкую стать и пустилъ въ бѣгъ на далекое разстояніе. При бѣгѣ у коня показывалась во рту кровавая пѣна,—такъ сильно бѣжалъ онъ, а когда узнавалъ на бѣгу своего хозяина, то становился еще прытче, — летѣлъ буланый конь! Хотя Тэнюль рѣка глубокая и покрывала водою всего верблюда; однако буланый конь пробѣгалъ черезъ рѣку только по колѣна въ водѣ. Его ноги не скользили по горамъ и скаламъ, и онъ догонялъ рысей и соболей. Происходилъ буланый изъ табуна Баин-ноина и былъ предметомъ удивленія всѣхъ

тѣлохранителей Вайданъ-вана. На праздникъ семи хошуновъ, буланый семь разъ былъ пущенъ въ бѣгъ, и каждый разъ опережалъ другихъ коней: еще онъ былъ молодъ; когда же достигъ совершеннаго возраста, былъ отправленъ въ Пекинъ къ самому богдохану. Тутъ коню были и холя, и пища, и пойло, только нѣжся конь буланый, да роскошничай, а конь не ѣстъ, не пьетъ, да все думаетъ, какъ-бы въ степь, да на волю.»

Напѣвъ унылый, тихій, монотонный, но пріятный, отзывающійся въ душѣ чѣмъ-то знакомымъ, чѣмъ-то близкимъ сердцу.

Пляски собственно нѣтъ у Монголовъ; у Чахаръ и даже у нашихъ Бурятъ есть какія-то штуки и кри-вянья; но, не знаю, можно ли ихъ признать за танцы? Вотъ что это такое: когда большое веселье, во время свадьбы, на-примѣръ, то двое изъ гостей выходятъ на сцену, и подъ напѣвъ другихъ, стоя на мѣстѣ, ударяютъ ногами въ тактъ, но не такъ, какъ это дѣлаетъ весь пляшущій людъ,—иначе я, не обинуясь, назвалъ бы это танцами, — нѣтъ, вся штука состоитъ въ томъ, чтобы приноровить ударъ правой ноги одного въ лѣвую ногу другаго, и непременно пяткой въ пятку. Можете себѣ вообразить, что изъ этого выходитъ! Какъ бы искусны ни были фокусники этого рода, но все же усилія ихъ ясно выражаются во всѣхъ движеніяхъ, потъ градомъ катится съ лицъ; это не пляска, не потѣха, а, просто, пытка; словно двое бѣснующихся бичуютъ другъ друга.

Провожатый мой все еще мурлыкалъ себѣ подъ носъ

пѣсенку, но уже на другой ладъ, про другаго коня, кажется, воронаго. Я сначала слушалъ, слушалъ, пѣсня эта перенесла меня куда-то далеко, къ другому, лучшему для меня времени; я призадумался; потомъ, пригрѣтый полуденнымъ солнцемъ, слегка вздремнулъ; конь мой, вѣроятно послѣдовавшій моему примѣру, также забылъ о дорогѣ, и вдругъ споткнулся; я едва не полетѣлъ черезъ голову его. Здѣсь надо быть какъ можно осторожнѣе и крѣпко держать поводья: все поле, вся дорога изрыта норами сурковъ и полевыхъ мышей, и какъ ни привычны степныя лошади, но то и дѣло попадаютъ ногою въ нору. Дорогою, отъ нечего дѣлать, мы часто наблюдали нравы полевыхъ мышей, у которыхъ, по видимому, общественная жизнь очень развита; подземныя ихъ норы изрѣзаны разными переходами, на поверхности протоптаны всюду отъ норы къ норѣ дорожки, и часто видѣли мы пять-шесть звѣрьковъ вмѣстѣ стоящихъ на заднихъ лапкахъ у одной какой нибудь норы и, при появленіи нашемъ, разбѣгавшихся по своимъ жилищамъ. Говорятъ, будто они любятъ корни ревеня, котораго въ здѣшнихъ краяхъ много.

Станція Мукотту (грязный, топкій) получила названіе свое, вѣроятно, отъ небольшихъ озеръ съ солоноватою водою, грязныхъ, съ такими топкими берегами, что трудно было подогнать къ нимъ скотъ, если бы даже онъ и сталъ пить эту воду.

На переѣздѣ отъ Мукотту къ Бумбату, мы встрѣтили огромное стадо дикихъ козъ, которыя, выскочивъ изъ-за холма, вдругъ наткнулись на обозъ; испуганныя, онѣ

кинулись въ сторону, и попали на табунъ нашихъ лошадей и верблюдовъ, и въ свою очередь испугали его; лошади шарахнулись; казакамъ и Монголамъ не легко было собрать ихъ. На бѣду, ни у кого изъ насъ не было наготовѣ ружей, а пока мы доставали ихъ, дикія козы уже умчались далеко.

На сѣверо-востокъ тинулась гряда возвышенностей Еркету и слилась съ горами Тоно, довольно скалистыми, оставшимися отъ насъ въ-лѣвъ. Гора Дарханъ третій день была передъ нашими глазами. Съ Бумбату она видѣлась уже яснѣе, ярко освѣщаемая восходящимъ солнцемъ.

Мы ѣхали молча, занятые каждый своею заботою или безпечно покачиваясь на лошади.

— Что за чудо эта гора Дарханъ: ѣдемъ не доѣдемъ до нея! сказалъ я своимъ неразлучнымъ спутникамъ кундую и тусулакчи.

— Такія ли чудеса бываютъ на ней самой!—отвѣчалъ съ важнымъ видомъ кундуй.

— А что такое? спросилъ я, обрадованный чудомъ тамъ, гдѣ кромѣ голой степи, да возвышающагося среди нея Дархана, ничего не видно; гдѣ ни о чемъ другомъ не слышишь, кромѣ какъ о благополучіи скота.

— А Чингисова кузница!

Старая пѣсня, подумалъ я. Всякая миссія слышитъ сказку про наковальню, которую, будто-бы, оставили Чингисовы кузнецы на Дарханѣ.

— Слышали мы про это, отвѣчалъ я равнодушно. И что жъ тутъ особеннаго? наковальня, какъ наковальня, — да еще и есть ли она тамъ? Всѣ говорятъ,

да говорятъ то розно: иные сказываютъ, что она желѣзная, еще будто-бы пополамъ съ мѣдью, а другіе—просто камень, похожій на наковальню, ну, а кто ее видѣлъ? Ужъ полно есть ли она тамъ?

— Есть ли она тамъ!.. Когда бы не было, такъ бы и не ковали на ней.

— Да кто же тамъ куетъ?

— А кто его знаетъ! Слышно только по ночамъ тукъ-тукъ-тукъ.

— Вотъ что! ты слышалъ?

— Слышалъ! отвѣчалъ онъ, замявшись; да и жертвы бы не стали приносить даромъ горъ, коли бы на ней не было этой наковальни.

Тусулакчи изъ-коса подмигивалъ, указывая на кундуя, и когда тотъ отъѣхалъ отъ насъ подогнать какого-то отсталого отъ стада верблюда, онъ, съ усмѣшкою, обратился ко мнѣ:

— Жертва! какая это жертва? Человѣкъ сотня изъ хошуна соберутся къ горъ, да заколютъ барана, а потомъ поскачутъ на лошадяхъ, другъ съ дружкой сцѣплятся въ борьбу, да и разойдутся. Вотъ у насъ, такъ другое дѣло!

— А что у васъ?

— А развѣ не слышали про гору Гентей?

— Слышалъ, да въ толкъ не возьму; какъ было-то дѣло?

Чингисъ-ханъ тутъ охотился, истомился, пить захотѣлъ, а чаши не было; людишки гдѣ-то поотстали или растерялись въ лѣсу; вотъ онъ и думаетъ, какъ

ему быть? смотреть, а чаша передъ нимъ, чаша какъ разъ по немъ: видно съ неба свалилась.

— Ты видѣлъ? спросилъ я.

Тусулакчи отвѣчалъ не замкнувшись: видѣлъ! и потомъ описалъ ее: будетъ ведеръ въ 15, сдѣлана изъ смѣси желтой и красной мѣди и чугуна. Когда въ ней приносятъ жертвы, такъ самъ Амбанъ-бейсѣ пріѣзжаетъ, а извѣстно, что только на Хан-олѣ присутствуетъ онъ при жертвоприношеніи. Да еще что говорятъ? не надо и жертвы нести, — придутъ на гору, а чаша уже полна и молока, и чаю, и сластей; а кто наполняетъ ее—не извѣстно! Только смотрятъ, на какую сторону перельется молоко, въ той сторонѣ и благодать въ тотъ годъ!

— Подлинно диво! замѣтилъ я.

Гентей — слово маньчжурское, означаетъ *удивительный*; рѣчка Харзиту, составляющая одинъ изъ притоковъ священной у Монголовъ Толы, беретъ начало изъ нея. Ононъ и Керелунъ, славный рожденіемъ и первыми подвигами на берегахъ его Чингисъ-хана, вытекаютъ изъ Гентейскаго хребта, изъ горъ Телерцзидаба. Обѣ рѣки, потомъ, уходятъ на востокъ и составляютъ вершины Амура; Керелунъ, подъ названіемъ Аргуня (Эргуня по-монгольски), соединяется съ Шилкой, и служитъ границей между Россіей и Китаемъ.

Степь еще не успѣла вполнѣ развернуться, разгуляться; туманная полоса, давно вырѣзавшаяся на ярко освѣщенномъ восточномъ горизонтѣ, мало-помалу опредѣлялась, принимала формы и образы отдѣльной горы по мѣрѣ того, какъ мы подымались все

выше и выше, приближаясь къ ней; караванъ нашъ расположился у подошвы, подъ ея затишьемъ, на ключѣ Боро-худжиръ. Кумирня, въ которой приносятъ молитвы и жертвы горъ, осталась не въ далеку, позади насъ.

Отъ самаго Дархана до Шара-шароту, дорога пересѣкается частыми увалами; почва все еще взволнована не большими горными отрогами; только у станціи Шара-шароту видъ болѣе степной: грунтъ земли хрящеватый, дорога—чуждое природное шоссе; трава плохая; возлѣ лежащее озеро солоновато и скудно водой; все это принадлежности Гоби.

У станціи Шара-шароту такіе бѣдняки нищіе, какихъ мы еще не видали; а что за юрты у нихъ, что за юрты!

Здѣсь пошли скучные, томительные переговоры съ китайскими приставами, напомнившіе горькіе переговоры у Ирб и не совсѣмъ пріятные въ Ургъ: шла рѣчь о дорогѣ. Надо сказать, что еще прежде отправленія миссіи, наше правительство сносило съ китайскимъ, относительно перемѣны дороги. *Трибуналъ вѣнскихъ сношеній* увѣдомилъ, что впредь миссіи наши будутъ отправляемы по *лучшей* дорогѣ; но когда мы пріѣхали на мѣсто, гдѣ дороги расходятся,—одна на аргалинскіе пески, почти непроходимая, другая, составляющая купеческій трактъ,—китайскіе пристава объявили, что станціи для насъ выставлены на первой, по примѣру прежнихъ лѣтъ, и когда я сослался на отзывъ *Трибунала*, пристава очень равнодушно отвѣчали, что эта-то дорога и есть *лучшая*. Послѣ про-

должительныхъ споровъ, я объявилъ, что скорѣе вернусь назадъ, чѣмъ поѣду по аргалинской дорогѣ; они должны были согласиться; впрочемъ, послали гонца въ Ургу, съ увѣдомленіемъ о всемъ случившемся. Мы жили на мѣстѣ двое сутокъ, пока распоряжались о переносѣ станцій съ одного пути на другой; казаки стрѣляли турпановъ и куликовъ на озерѣ, а мы собирали халцедоны и сердолики, которыхъ здѣсь много.

Лошадн наши могли также любоваться видомъ этихъ камней, за неимѣніемъ травы, и, конечно, отдали бы всѣ эти сокровища за нѣсколько саженой порядочнаго пастбища, да и сами мы дали бы нѣсколько мѣшковъ лучшихъ сердоликовъ за ведро хорошей, прѣсной воды. Вода, правда, не отвратительна, — бываетъ хуже,—но все таки достаточно солоня и горька.

На половинѣ дороги отъ Шара-шароту до Кесекъ-байшина, верстахъ въ девяти отъ перваго, въ-лѣвъ, поворотъ на аргалинскую дорогу, по которой ходили прежнія миссіи; это едва замѣтная тропа, ведущая прямо въ гору, по кочкамъ и скаламъ,—грустное предвѣстіе тяжелой, служившей предметомъ мученій для миссій дороги черезъ Дурму. Мы были рады-раде-хоньки поскорѣе миновать ее.

Въ Кесекъ-байшинѣ является гряда гранитовъ; издали увидѣли мы ее, но не могли распознать, что это такое? развалины ли нѣкогда существовавшаго города,—настоящаго города мы не могли предполагать въ Гоби, лѣса—также: словно иззубренные или покрытые кустарникомъ стѣны. Видъ этого гранита напоминаетъ

гряды горъ, которая обходитъ наше Колыванское озеро въ Южномъ Алтаѣ. У подошвы горъ стоятъ развалины какого-то зданія, которое, по словамъ Монголовъ, построено при Чингисъ-ханѣ и служило ему крѣпостью. Въ полу-горъ нашелъ я кусокъ мѣдной зелени. Полоса агатовъ и сердоликовъ не прерывается.

Тутъ открыли мы прислонившіеся къ горамъ, подъ ихъ защиту, три вяза, тощихъ, но довольно высокихъ. Для насъ, двѣ недѣли не видавшихъ зелени деревьевъ, это было пріятное явленіе. Я удивился, какъ уцѣлѣли эти деревья безъ всякой охраны въ степи, гдѣ дерево цѣнится такъ дорого и гдѣ оно не могло не соблазнять нуждающихся въ немъ. Послѣ узнали мы, что ихъ хранить не столько суевѣріе Монголовъ, которое обратило эти деревья въ жилища духовъ, сколько состраданіе, самое поэтическое. — «Ни кто не посмѣетъ обидѣть ихъ, отвѣчали мнѣ Монголы: онѣ сироты въ этой сторонѣ!»—Состраданіе къ сиротству, столь свойственное человеку, особенно замѣтно на Востоку; но какъ могли эти деревья укорениться здѣсь, какъ не вытоптавъ, не излодавъ ихъ скотъ, — это, дѣйствительно, непонятно.

Гранитная гряда идетъ далеко на востокъ и западъ, какъ видно потому, что ее встрѣчаютъ и на аргалинской дорогѣ и на западной, почтовой. За нею тянется непрерывная степь; но около станціи Санинь-кутуль показываются опять гребни.

Гдѣ же Гоби? Что такое, наконецъ, Гоби? Но сколько я ни спрашивалъ Монголовъ, они называютъ *гоби* всякое мѣсто, гдѣ есть трава сули и гдѣ солончаки; та-

кимъ образомъ одинъ перевздъ—Гоби, а далѣе—просто степь, тамъ опять Гоби, и опять степь. Если хотите, съ третьей станціи отъ Урги уже начинается довольно неплодная, глинистая, покрытая мелкимъ щебнемъ почва, сквозь которую едва пробивается тонкая трава, а мѣстами, какъ отъ станціи Кесекъ-байшинъ и до Санинь-кутула, и такой травы почти нѣтъ, но тутъ небольшая разница; воды проточной, кромѣ маленькихъ, во время дождей образовавшихся ключей, нѣтъ нигдѣ; лѣсу, за исключеніемъ кое-гдѣ торчащихъ вязовъ, тоже нѣтъ. И такъ, по этому общему характеру, можно, пожалуй, съ третьей станціи отъ Урги обозначить Гоби; но скажутъ: тутъ есть еще горы — Дарханъ съ его отрогами. Эти изолированныя горы разбросаны почти по всей Монголіи, болѣе или менѣе въ дальнемъ одна отъ другой разстояніи. Китайцы эту часть Монголіи, только въ обширнѣйшемъ значеніи (отъ Бойръ-нора и Далай-нора до западной части Ордоса), называютъ также въ разговорѣ Гоби; но въ географіи ихъ она извѣстна подъ названіемъ Ша-мо, что означаетъ: *Мо*—названіе мѣстности, а *ша*—песокъ, песчаный. Пространство отъ Ордоса до Восточнаго Туркистана и Хоръ-хара-усу, извѣстно подъ названіемъ: Да-цзи, т. е. великая песчаная степь, какое названіе она вполнѣ заслуживаетъ по ея сыпучимъ, глубокимъ пескамъ.

Монголы говорятъ, что отъ Шара-шарату можно считать Гоби. Но уже отъ гранитнаго хребта, гдѣ мы нашли три вяза, природа принимаетъ видъ непріязненный, тощій, угрюмый. Травы почти нѣтъ, воды

въ колодцахъ очень мало, степь необозримая кругомъ; только на Тугурикъ степь нѣсколько позеленѣе и не такъ печальна и суха.

Верстахъ въ трехъ отъ Цаганъ-тугурика, прекрасная кумирня въ тибетскомъ вкусѣ, съ терассою на верху и возвышающимся надъ нею усѣченнымъ вторымъ этажемъ. Эта кумирня напоминала мнѣ нѣсколько развалины нубійскихъ храмовъ; вѣроятно, видъ степи, окружающей ее отовсюду, навелъ на это сближеніе. Кумирня сама по себѣ далека отъ того, чтобы сравнивать ее съ нубійскими храмами; но все-таки очень красива; изпещренная яркими красками и рѣзьбой, она весело рисуется на ясномъ горизонтѣ.

Тутъ агаты исчезаютъ и появляются яшмы, очень разнообразныя.

Вскорѣ по выходѣ изъ Тугурика, мы встрѣтили китайскій караванъ, уже прошедшій большую часть Гоби; онъ походилъ на раненную птицу, которая, рѣя и разсѣвая воздухъ однимъ крыломъ, другимъ судорожно взмахиваетъ по временамъ, чтобы не упасть; такъ и видите, что если упадетъ она, то уже неподымется. Караванъ едва влачилъ: то облегчалъ одного верблюда, перекладывая ношу съ него на другаго, запаснаго, то оставляя совсѣмъ изнуреннаго на попеченіе Монголамъ, или вымѣнивая отъ нихъ за двухъ—трехъ слабыхъ одного свѣжаго; вошки съ нетерпѣніемъ спрашивали насъ, скоро ли начнетъ трава? — Мы, пока, шли бодро; скотъ былъ благополученъ, выражаясь по-монгольски. Сухари, правда, надоѣдали всѣмъ и мнѣ они были не по вкусу, не смотря на то,

что я зубы свои приѣлъ на сухаряхъ. Безъ увеличенія можно сказать, что я большую часть зубовъ изломалъ объ сухари.—Верблюды и сухари! Часто мнѣ слышится на яву ревъ перваго и чудится вкусъ прокислыхъ сухарей на языкѣ. Кстати, о сухаряхъ: это предметъ чрезвычайной важности для всякой экспедиціи въ пустынные края, и потому на него должно быть обращено все вниманіе начальниковъ экспедиціи. Всякому извѣстно, какъ вредны заплѣснѣвшіеся сухари; но можетъ быть не всѣмъ извѣстно, что если они дурно засушены, то, по времени, въ нихъ появляется родъ красноватой плѣсни, въ который ученый Псеенъ (Payen) открылъ присутствіе микроскопическихъ грибковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *oidium aurantiacum*; эти грибки чрезвычайно ядовиты, и только нагреваніе хлѣба до 140° можетъ совершенно и безвозвратно истребить зародышъ ихъ. Мы советуемъ всѣмъ путешествующимъ принять къ свѣденію замѣчаніе Псеена, не только какъ ученое открытіе, но какъ имѣющее важное практическое примѣненіе.

ГЛАВА VII.

Переходъ отъ Халхасцевъ къ Сунитамъ. — Деревья въ степи. — Ирень — привалъ и соляное озеро. — Урагапъ. — Въ Чахарахъ опять появляется трава. — Степь становится привольнѣй. — Посѣщеніе монгольской юрты.

Перевзъдъ отъ Чаганъ-тугурика до Удэ великъ — верстъ 45; къ тому же и дорога подъ-конецъ довольно холмиста; самое слово Удэ означаетъ ущелье, ворота, образовавшіеся между двумя горами. Это послѣдняя станція у Халхасцевъ. Тусулакчи, провожавшій насъ, зашелъ проститься, получить обычные подарки и сдать насъ на руки сунитскимъ провожатымъ; мы не очень о немъ жалѣли: онъ былъ далеко не такъ привѣтливъ, какъ ургинскій. Сунитскіе Монголы нѣсколько опрятнѣе, вѣроятно потому, что богаче; выставляемыя для насъ юрты — изъ бѣлыхъ кошмъ, одна или двѣ изъ нихъ даже довольно нарядныя.

Гошунъ — *горькій*, названіе урочища, гдѣ мы остановились. Гошуновъ много въ Монголіи, потому что множество колодцевъ съ горькою водой; этотъ, для отличія, называютъ Гензигенъ-гошунъ, т. е. *горькій у песчаной косы*.

Въ окрестностяхъ станціи есть еще нѣсколько язовъ; мы пошли посидѣть подъ тѣнью ихъ, полюбоваться зеленою деревьею, которыхъ такъ давно не видали и еще не скоро увидимъ, послушать, что говорятъ эти вязи здѣсь, въ безпредѣльной пустынѣ, они, столь шумящіе своими многолиственными, широколиственными вѣтвями на нашемъ сѣверѣ. Издали еще увидѣли мы, какъ жмутся они къ горамъ; вѣтви ихъ начинаютъ высоко отъ корня; корень выдался наружу, обложенъ верблюдами и торчитъ, словно обнаженный кости; онъ рвется внизъ, ища въ землѣ пищи и влаги, которой тщетно ожидаютъ изсохшія листья отъ воздуха, но каменистая почва не пропускаетъ его; пень корявый, грубый, ни чѣмъ не защищенный, протистоявшій натиску бурь и песковъ и сильно отъ нихъ пострадавшій, — пень почтенный, дающій жизнь многимъ вѣтвямъ, хотя, впрочемъ, жалкую жизнь. Не житье этимъ отшельникамъ лѣсовъ, этимъ уединеннымъ обитателямъ степей. Послушайте, какъ уныло шумятъ ихъ жидкіе, мелкіе, поблеклые листья! Сражаясь съ вѣтрами, они не знаютъ торжества побѣды, не въ силахъ отразить нападеніе непогоды отъ молодыхъ побѣговъ своихъ; нѣтъ, здѣшніе деревья дико гудятъ, хлопая полуобнаженными вѣтвями, какъ корабль безъ паруса своими веревками; вѣтеръ свищетъ сквозь нихъ; тутъ онъ вездѣ герой и побѣдитель, свободно разгуливающій по безбрежнымъ степямъ и дикимъ воплемъ торжествующій побѣду. Наслушался я его пѣсни; отдается она и теперь у меня въ ушахъ.

Монголы вполне сочувствуютъ грустному положенію

этихъ деревьевъ и не трогаютъ ихъ; кто срубить вѣтвь, да принесетъ домой, на того обрушатся всѣ печали, изъ каждаго листка разовьется бѣда, изъ каждаго прутика гибель. Монголы изпестрили ихъ разноцвѣтными лоскутками, изъ которыхъ иные съ молитвами, другіе, кажется, просто повѣшены для красы, и эти лоскутья перешептываются жалобой съ листьями, поражаемые вмѣстѣ съ ними пескомъ и вѣтромъ. Особенно два дерева, выросшіе изъ одного корня, которыя здѣсь, какъ и у насъ, въ Малороссіи, называются братьями, особенно эти пользуются ласками Монголовъ; отъ одного къ другому протянуть шнуръ, какъ-бы для того, чтобы связать ихъ еще больше между собою; на шнуркѣ навѣшаны хадаки, лоскутки, бараньи лопатки съ молитвами *ом-ма-ни-педъ-мехомъ* или заклинаніями, словомъ, всѣ свидѣтельства монгольскаго къ нимъ почтенія и любви. Еще съ десятокъ деревьевъ, ушедшихъ въ небольшое ущелье, образовавшееся отъ разрушившагося кварца, красиво окрашеннаго желѣзнымъ окисломъ,—еще таки эти живутъ нѣсколько порядочнѣе, подъ какимъ-нибудь пріютомъ, подъ чьей-нибудь охраной, а уже десятокъ другихъ, имѣвшихъ неосторожность выйти въ степь — самая жалкія; тутъ ихъ бичуютъ съ утра до ночи бури и нески. Непостижимо, какъ еще могли они взрости; хоть бы купюю росли, все бы общими силами противостояли непогодамъ и охраняли другъ друга; а то ихъ разбросало какъ бѣдныхъ странниковъ на безбрежномъ морѣ-океанѣ. Вотъ и теперь нѣсколько порослей думаютъ подняться вверхъ, но ихъ ломаетъ и коробитъ,

и торчатъ одни голые прутья или побѣги, состарѣвшіеся приземистыми кустами, между тѣмъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, они разрослись бы вѣтвистыми деревьями.

Бѣдныя деревья! Какъ не жалѣть о нихъ, и что мудренаго, что Монголы окружили ихъ такимъ состраданіемъ и почтеніемъ! Еще бы немилосердая рука человека коснулась ихъ, на которыхъ нѣпали всѣ стихіи. Почтенныя деревья, много выстрадавшія, много перенесшія, нельзя не уважать васъ.—Долго мы оставались здѣсь, прислушиваясь къ ихъ шуму и говору, но не то говорятъ онѣ здѣсь, что у насъ, растущія въ холѣ, среди роскошнаго сада, охраняя корни свои густою жимолостью и гордо возвышаясь надъ другими деревьями, или въ чащѣ малороссійскихъ дубравъ; впрочемъ, можетъ быть, и знакомое что шептали онѣ, но вѣтеръ разносилъ ихъ говоръ, или заглушалъ его, дико гудя въ открытой степи, какъ-бы грозясь, чтобы не нажаловались на него.

Озеро Ирень—у самой станціи. Оно въ окружности до осьми верстъ, и служитъ богатымъ источникомъ добычи соли. Мы протѣжали тутъ уже по-осени, послѣ сухаго лѣта, и въ озерѣ не было капли воды; дно блестяю кристаллическою солью, и издали казалось подъ льдомъ или снѣгомъ. Соль была и чиста; ее сгребаютъ вѣкучи маленькими деревянными лопатками: вотъ и вся операція. Сбыть соли—уже дѣло мелкихъ китайскихъ торгашей, которые забираютъ ее на мѣстѣ у Монголовъ; на наши деньги и вѣсь приходится копѣекъ по 10 и 12 серебромъ за пудъ. Когда въ озерѣ

стоитъ вода, тогда добыча труднѣе: соль ломаютъ подъ водою длинными шестами и она всплываетъ потомъ слоями на верхъ; въ то время Монголы не такъ охотно занимаются промысломъ, потому что надо ходить по поясъ въ водѣ, а это уже составляетъ большой трудъ для нихъ, и тогда соли бываетъ меньше въ продажѣ и слѣдовательно, она дороже. Обыкновенно же здѣсь, какъ и вездѣ, чѣмъ жарче лѣто, тѣмъ больше соли въ озерѣ.

Ирень — достояніе западныхъ Сунитовъ, и каждый изъ этого хошуна можетъ добывать столько соли, сколько хочетъ, для себя или для продажи; но никто изъ Монголовъ посторонняго вѣдомства не допускается къ добычѣ.

Вы, можетъ быть, подумаете, что этотъ источникъ промышленности, довольно значительный по запасу соли и по той цѣнѣ, которую берутъ за нее, даетъ средство къ значительному улучшенію быта, по крайней-мѣрѣ окрестныхъ жителей и небольшой части западныхъ Сунитовъ, — совсѣмъ нѣтъ! Монголы работаютъ на столько, сколько нужно для того, чтобы достать немного денегъ для необходимѣйшихъ потребностей.

Поднявшись съ Иреня вмѣстѣ съ солнцемъ, мы замѣтили, что оно, выходявшее краснымъ пятномъ изъ-за горизонта, не предвѣщало доброй погоды. Дѣйстви-тельно, вѣтеръ дулъ сильнѣе и сильнѣе, но это обыкновенное явленіе въ степи; къ нему мы привыкли и, бывало, сидимъ себѣ покойно въ юртѣ, когда на мѣстѣ, или верхомъ, въ пути, не обращая на него большого

вниманія, а иногда даже бродимъ въ полѣ, прислушиваясь къ его гулу. Былъ часъ шестой вечера; караванъ давно расположился на мѣстѣ (у Борольжи); табунъ уже напился и бродилъ въ степи, а степь кругомъ безбрежная; люди варили себѣ кашу; я спокойно лежалъ въ юртѣ; вдругъ, услышалъ сильный трескъ надъ головою и крикъ отовсюду; моя юрта покачнулася; средняя подпорка, установленная нарочно по случаю бури, пошатнулася въ сторону, повалилася и за что-то задыла. — «Держите юрты! палатки валятся!» Раздалось отовсюду; народъ сбѣжался, но ничего немогъ сдѣлать. Буря была такая, какой мнѣ давно не случалось видѣть, а я таки испыталъ довольно бурь на своемъ вѣку, — на морѣ и на сушѣ; цѣлыя массы песку неслись съ сѣверо-запада и бичевали и ломали что непопадалось имъ на-встрѣчу; тучи летали по небу туда и сюда, нища мѣста, гдѣ бы разрѣшиться, чѣмъ были полны, градомъ или дождемъ; но бури не давали имъ и минуты покоя, гоня все дальше. Одна палатка совсѣмъ покачнулася набокъ, ее хотѣли снять, но налетѣвшій ураганъ вырвалъ ее, смялъ и изорванную отбросилъ въ-сторону. Нельзя было оставаться въ юртѣ, потому что все валилось сверху и грозило окончательнымъ разрушеніемъ; нельзя было держаться и подъ открытымъ небомъ безъ какой-нибудь сильной точки опоры; повозки, стоявшія нѣсколько подъ-гору, вдругъ зашатались и сами собою двинулись, къ общему удивленію. Сбѣжавшіеся Монголы не знали, что имъ дѣлать, и безъ толку суетились около нашихъ юртъ. Мы отправили большую часть ихъ къ китайскимъ чиновникамъ и по-

томъ любовались, какъ они, вѣшавшіеся за веревки юртъ, повисли на нихъ, сдерживая собственною тяжестью утлую основу этихъ степныхъ жилищъ. Колокольчики на повозкахъ звенѣли, верблюды ревѣли, суета была страшная, и это продолжалось съ полъ часа и заключилось проливнымъ дождемъ, послѣ котораго вѣтеръ нѣсколько стихъ. Оставалось поправлять, что успѣлъ изломать и ниспровергнуть въ короткое время вѣтеръ. Пуще всего опасались мы, чтобъ не разметало вѣтромъ нашъ табунъ, и въ самомъ началѣ бури, не надѣясь на монгольскихъ пастуховъ, послали къ нимъ на помощь своихъ казаковъ. Къ счастью, лошади нашли небольшое затишье въ ложбинѣ и, сбившись въ кучу, стояли на одномъ мѣстѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ и фыркая.

На станціи Мингень мы нашли порядочную воду, но травы были все также плохи. Мингень значитъ *тысячу*, — тысячу ли (нѣсколько болѣе 500 верстъ) или около этого оставалось до Пекина; это западная Мингень; есть еще восточная, по аргалинской дорогѣ, верстахъ въ 15 отъ этой.

Отъ Мингень до Кобура двѣ станціи песковъ, которые служатъ продолженіемъ дурминскихъ песковъ, идущихъ отъ востока на западъ, уклоняясь нѣсколько къ сѣверу, и составляющихъ полосу верстъ на 200 въ длину и верстъ на 50 въ ширину; главная масса ихъ, образующая цѣлыя горы сыпучихъ песковъ, находится у Дурминской станціи, по аргалинской дорогѣ.

Отсюда, отъ Кобура, природа уже измѣняется; степь зеленѣетъ, и если гдѣ растительность прерывается опять песками, какъ, на-примѣръ, на долинѣ Цангаръ,

которую нѣкоторые принимаютъ за окончаніе Гоби, то не на далекое разстояніе, верстъ на 10,—на 15 рѣдко. На слѣдующей уже станціи, Хашату-габцалъ, составляющей границу между Сунитами и Чахарами, природа развѣтывается разнообразіемъ и веселіемъ; начинаются возвышенности, похожія на горы, а не на увалы; травы густы и высоки; повсюду зелено и свѣжо.

Видъ въ Хашату-габцалъ тѣшитъ взоръ, утомленный единообразіемъ пустыни. Это долина, окруженная горами, нѣсколько похожая на одну изъ горныхъ долинъ между Кяхтою и Ургою, довольно оживленная кочевьями и стадами; только горы не такъ высоки; стада не собственные, монгольскія, а казенныя; эти юрты — юрты военныхъ поселеній. Живої воды и тутъ нѣтъ: были два озера, да повисохли.

Восточные Суниты, вмѣстѣ съ западными и 8 другими хошунами, составляютъ одинъ сеймъ; главою его Ванъ восточныхъ Сунитовъ, который потому называется да-Ванъ (старшій Ванъ.)

Довольные видомъ зелени и пробудившейся отъ изнурительнаго покоя природы, оживленные общимъ движеніемъ и вновь показавшеюся жизнію, а, главное, спокойные насчетъ корма для лошадей, мы пошли бродить по изгорьямъ, на которыхъ тамъ и сямъ торчали юрты. На встрѣчу попался Монголъ, какъ водится, верхомъ, въ красномъ нарядномъ кафтанѣ, правый бокъ котораго онъ тщательно прикрывалъ, чтобы мы незамѣтили прорѣхи.

— Амұръ-мендү !

— Мендү! Откуда идете?

— А что ?

— Вѣрно отъ Цаганъ-Кереня ?

— Почему ты знаешь ?

— Еще бы ! Я вчера зналъ , что у него савраска окалѣчился и что сегодня онъ хотѣлъ приколоть его ; я вѣдь тоже къ Цаганъ-Кереню.

— Вотъ что !

— А жиренъ конь ? и Монголъ посмотрѣлъ на насъ такъ лукаво, какъ будто онъ насквозь проникалъ , и это наблюденіе привело его, конечно, на мысль о жирномъ конѣ и тѣхъ лакомыхъ кускахъ, которые мы съѣли, потому что онъ облизался такъ аппетитно, такъ самодовольно, что я не могъ долѣе удержаться отъ смѣха.

— Что, развѣ не было угощенія, развѣ непотчивали васъ кониной ? не ужъ ли вы отъ него съ *пустымъ сердцемъ* и сухимъ языкомъ !

— Съ такимъ пустымъ сердцемъ , что и сказать нельзя ; ну, совсѣмъ безъ лица идемъ.

— Ахъ, онъ собака, ахъ, онъ волкъ, ахъ, онъ старая лисица, скупецъ этакой ! Конь совсѣмъ околѣваетъ, онъ и тутъ не хочетъ приколоть. А я еще и новый кафтанъ надѣлъ ! — и онъ торопливо прикрылъ дыру на кафтанѣ, которую было выказалъ въ пылу досады. — Вы куда ? спросилъ онъ насъ, видя, что мы уходили, и вѣроятно желая увлечь насъ съ собою на поиски жирной конины въ какую-нибудь болѣе радушную юрту ! Мы указали наудачу одно изъ сосѣднихъ жилищъ. Монголъ съ презрѣніемъ поглядѣлъ на юрту : — Тамъ и куска сыру недобудете, не то—что мяса— и онъ взмахнулъ нагайкой и вихремъ унесся отъ насъ.

ГЛАВА VIII.

Монгольскія сказанія.—Гесеръ-ханъ. — Чингисъ-ханъ. — О происхожденіи одного изъ предковъ его. — Происхожденіе Монголовъ. — Мѣсто рожденія, смерти и погребенія Чингисъ-хана. — Бесѣды съ Монголами. — Удобства и неудобства раннихъ выѣздовъ.

Монгольскія пустыни почти вовсе не представляютъ ни памятниковъ, ни мѣстъ, освященныхъ воспоминаніемъ. Даже въ Киргизской степи вы часто встрѣчаете могилы, такъ называемыя мазарки, съ которыми связано чье-нибудь имя, какое-нибудь происшествіе или народная сказка. Въ Монголіи, на пространствѣ пяти сотъ верстъ, вы едва найдете развалины зданія, укрѣпленія, или наконецъ памятникъ китайскаго тщеславія, начертанную на утесѣ надпись, свидѣтельствующую, что «въ эти неприступныя и никѣмъ непроходимыя мѣста проникло всесокрушающее китайское войско, на пути къ завоеванію Чжунгаріи, которой дикія и непокорныя орды истреблены непобѣдимымъ Сыномъ Неба.» Не много славныхъ именъ осталось въ народной памяти. Герой Гесеръ-ханъ принадлежитъ къ исторіи собственно по имени ; дѣла его составляютъ часть обширной миѳологіи буддѣйской : это Геркулесъ Монголіи. Бурханъ, избравшій тѣло его своимъ жилищемъ, пере-

селится потомъ въ Далай-ламу тибетскаго, въ которомъ и по нынѣ пребываетъ. Гесеръ-хана изображаютъ въ буддійскихъ кумирняхъ верхомъ на небываломъ конѣ, въ сопровожденіи своего сына и оруженосца съ чернымъ лицомъ.

Имя Чингисъ-хана скоро также превратится въ мифъ; уже оно окружено такимъ туманомъ вымысловъ, столько баснословныхъ сказаній приплетено къ исторіи, что сквозь нихъ едва можно отличить настоящій очеркъ этого необыкновеннаго человѣка, которымъ гордится Монголія и о которомъ съ ужасомъ вспоминаетъ остальное человѣчество.

Говоря о монгольскихъ сказаніяхъ, нельзя не разсказать здѣсь о происхожденіи одного изъ предковъ Чингисъ-хана; оно очень напоминаетъ собою исторію родоначальника царствующаго нынѣ въ Китаѣ маньчжурскаго дома, которую въ подробности разсказалъ нашъ русскій синологъ, къ несчастію, такъ рано умершій, Горскій. — Исторія китайская сохранила подобное же сказаніе о происхожденіи А-по-си, основателя имперіи Хитань (*). Но, прежде чѣмъ разскажемъ о предкѣ Чингисъ-хана, мы должны передать вамъ повѣсть о происхожденіи или сохраненіи монгольскаго племени. Сказки и народныя преданія то же, что лепетъ ребенка, который понятенъ только людямъ, близкимъ ему. Въ устахъ моихъ вамъ, конечно, покажутся сухи и холодны эти разсказы, но послушали бы вы Монгола, и

(*) Visdelou, въ своей исторіи Тартаріи, на стр. 81, разсказываетъ, что мать А-по-си увидѣла солнце, испавшее въ грудь ея.

при этой восточной обстановкѣ окрестной природы, и при этомъ безусловномъ отчужденіи отъ всякой положительности и цивилизаціи, и при этомъ совершенномъ уединеніи, — вы вѣрно увлеклись бы имъ, подобно мнѣ.

Тысячи за двѣ лѣтъ до Чингисъ-хана, народъ монгольскій былъ истребленъ другими кочевыми племенами; осталось только два человѣка — Тугузъ и Гіюнъ и двѣ женщины, которыхъ именъ я не помню: они спаслись бѣгствомъ въ неприступныя горы Эргене-кунъ. Въ этихъ, обильныхъ травою и водою, привольныхъ для кочевья мѣстахъ, потомство двухъ семействъ размножилось быстро, и вскорѣ надо было искать средствъ выйти изъ тѣсинъ Эргене, которыя, замѣтимъ мимоходомъ, вовсе не такъ неприступны и заперты, какъ говоритъ о нихъ сказаніе. — Потомки Тугуза и Гіюна коротко были знакомы съ горнымъ и чугуно-плавильнымъ дѣломъ, занимаясь издревле добычею желѣза; а потому, на общемъ совѣтѣ, положено было расплавить гору и тѣмъ проложить себѣ путь изъ этого ущелья. Навалили огромные костры лѣса и стали раздувать огонь сотнями, а можетъ и тысячами мѣховъ — и *железная* гора расплавилась и потекла, образовавъ свободный проходъ. Въ воспоминаніе-то этого событія, въ старыя времена, въ первый часъ перваго дня новаго года, кузнецы ковали желѣзную полюсу въ присутствіи самыхъ хановъ, а не въ ознаменованіе памяти Чингисъ-хана, который, будто бы, былъ въ началѣ кузнецомъ, какъ полагаютъ нѣкоторые. Изъ того, что я уже выше сказалъ о Дарханѣ и наковальнѣ Чингиса, видно, что Монголы смѣшали эти преданія.

Одинъ изъ эргенинскихъ выходцевъ поселился, съ своимъ племенемъ, на берегахъ Онона и Керелуна. — Потомокъ его, Дунбунъ-базянъ, оставилъ по смерти своей молодую вдову, Алунъ-гою, происходившую изъ племени Курласть, и двоихъ сыновей. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти своего супруга, Алунъ-гоя родила трехъ сыновей. Когда родственники Дунбуна стали укорять вдову, она старалась отдѣлаться отъ нихъ баснею, будто бы родила сыновей своихъ отъ луча свѣта. Отъ одного-то изъ этихъ трехъ сыновей, по имени Буданчара, произошелъ въ осьмомъ колѣнѣ Чингисъ-ханъ (*).

Исугай-Багадуръ былъ главою племени *киатъ* и *наругъ*, которое въ послѣдствіи къ нему присоединилось. Возвратившись однажды домой изъ своего опустошительнаго набѣга, онъ нашелъ у себя сына, котораго родила одна изъ женъ его, Улунъ-эке (*Улунъ*—облако, *эке* мать). Исугай называлъ сына Темушинъ, иные говорятъ, въ воспоминаніе убитаго имъ въ этомъ набѣгѣ начальника племени, Темушинъ-ога, другіе—въ означеніе крѣпости силъ младенца; Темушинъ, по-монгольски, значитъ лучшее желѣзо.

Темушинъ, принявшій въ послѣдствіи столь грозное имя Чингисъ-хана, родился у горы Дилунъ-буданъ (**), которая находится между Онономъ и Керелуномъ. Онъ

(*) Mailla, t. IX, p. 3; Hist. de Mong. par le baron d'Ohsson. О. Іакинѣвъ выводитъ нѣсколько иначе родословную Чингисъ-хана въ своей исторіи.

(**) Это показаніе Монголовъ подтверждаетъ и Рашидъ, стр. 106.

явился на свѣтъ съ кускомъ запекшейся крови въ правой рукѣ.

Дорогою, хотя я и вѣхалъ окруженный словоохотливыми Монголами, однако говорилъ съ ними мало: какъ то лѣнь было говорить; при покойной и мѣрной поступи лошади, подъ небомъ, отъ котораго непышетъ раскаленнымъ жаромъ, а вѣетъ прохладой, невольно увлекаешься мыслию, которая работаетъ чрезвычайно дѣлательно, пока, наконецъ, усталая, не спадетъ на какойнибудь слишкомъ прозаическій предметъ, гдѣ ей трудно поразгуляться. За то, какъ скоро мы приходили на мѣсто и разбивали и меблировали мою юрту, что обыкновенно продолжалось съ четверть часа, ко мнѣ сходились Монголы—проводившіе во время предшествовавшаго переезда для того, чтобы проститься и получить обычные подарки, новые провожатые, — чтобы поклониться и поднести молочныя пѣнки или даже ходаки, узенькіе и тонкіе платки, приготовляемые, преимущественно, въ Тибетѣ; часто приходилъ и тусулакчи со своею свитою. Простые Монголы садились кружкомъ, на разостланномъ на землѣ коврѣ, а чиновные на складныхъ стульяхъ, на которыхъ боялись пошевелиться и, конечно, весьма охотно опустили бы долу, если бы не удерживало ихъ на этомъ шаткомъ возвышеніи чувство своего достоинства. Тутъ-то, послѣ чашки другой чаю, освѣжался умъ, разнѣживалось тѣло, и разговоръ текъ свободный и непринужденный.

Многимъ, можетъ быть, покажется страннымъ, дикимъ, положеніе Европейца, которому подобное общество можетъ доставить удовольствіе; но я во все не скрываю,

что оно дѣйствительно было мнѣ пріятно. Случается, что люди рады сообществу паука, растилающаго свою ткань въ углу ихъ одинокой комнаты. Правда, Монголы всегда вносили съ собою въ юрту особую, довольно непріятную атмосферу; но, во-первыхъ, при посѣщеніи ихъ обыкновенно открывали верхъ, что значительно освѣжало воздухъ; во-вторыхъ, нечистоплотность Монголовъ имѣла въ глазахъ моихъ историческое значеніе, и я безъ труда узнавалъ въ нихъ тѣхъ же самыхъ, нисколько неизмѣнившихся людей, о которыхъ еще Карпинъ говоритъ: (*) *Vestes suas non lavant, nec lavari premittunt, et maxime a tempore quo tonitrua ineipiunt, usque quo desinat illud tempus.* Рубруквисъ, въ своемъ путешествіи, (**) говоритъ тоже самое о нечистотѣ и неопрятности Монголовъ.

Я не могъ передать вамъ всѣхъ варіантовъ преданій, рассказываемыхъ чуть не каждымъ Монголомъ на свой ладъ, о происхожденіи героя Монголіи; впрочемъ, мѣсто рожденія Чингисъ-хана почти всѣми показывается одинаково; но о мѣстѣ погребенія его устные показанія туземцевъ и письменныя историковъ разногласятъ между собою.

Мелла, (***) Гобиль (****) и другіе согласуются въ томъ, что Чингисъ-ханъ померъ, во время похода своего въ Тангутъ, въ нынѣшней Шан-сійской губерніи Сѣвернаго Китая, въ укрѣпленномъ лагерѣ, на берегахъ

(*) Vimentius, spec. Hist. lib. XXXI, cap. 4.

(**) Voyage en Tartarie, chap. IX.

(***) Исторія Китая, Т. IX.

(****) Исторія Чингисъ-хана, стр. 23—63.

Сицзяня, въ округѣ Чинъ-шу-ченъ (по Данвиллю между 34° 42" широты и 10° 18' долготы по пекинскому меридіану).

Еще за годъ до смерти своей Чингисъ-ханъ, которому въпцій сонъ предсказалъ скорую смерть, назначилъ послѣ себя преемникомъ Оготая, завѣщавъ дѣтямъ своимъ пуще всего жить въ мирѣ и дружбѣ между собою. Чувствуя приближеніе смерти, онъ позвалъ своего сына Тулуя, единственнаго, который въ то время находился при немъ и своихъ полководцевъ и начерталъ имъ планъ завоеванія остальной части Китая. Онъ умеръ, послѣ осьми-дневной болѣзни, 18-го августа 1227 года, по инымъ на 66, по другимъ на 63 году своей жизни, на 22-мъ году правленія (*). Тѣло его было вывезено изъ лагеря тайно, чтобы непріятель не узналъ о кончинѣ человѣка, котораго одно имя стоило цѣлой арміи; всякій, кто встрѣчался на пути, былъ предаваемъ смерти, по словамъ иныхъ, для того, чтобы не распространялъ роковой вѣсти, по словамъ другихъ для того, чтобы отправлялся вслѣдъ за своимъ повелителемъ на службу его. — Чингисъ-ханъ былъ погребенъ, по сказанію историковъ, на одной изъ горъ Бурханъ-Калдуна, изъ отроговъ которыхъ выходятъ Олонъ, Керелунъ и Тола (**). Говорятъ, онъ самъ указалъ это мѣсто, попавъ сюда однажды, во время охоты,

(*) Исторія Юаньскаго дома о. Іакифа, Джамі-утъ-Теварикъ и другіе.

(**) Марко-Поло (изд. Бержерона. кн. I, гл. XIII и слѣд.) говоритъ — на Алхаѣ, что довольно близко сходится съ показаніемъ другихъ.

случайно и пораженный величественнымъ видомъ его. Гора въпослѣдствіи заросла густымъ лѣсомъ и самый слѣдъ могилы Чингиса исчезъ, и показывается Монголами совершенно различно. Но не такъ намъ рассказывалъ одинъ изъ благородныхъ потомковъ его, нашъ умный тусулакчи:—Не въ горахъ, а въ широкой степи похоронили его. На три дни пути кругомъ стояли войска и сторожили, чтобъ никто неподсмотрѣлъ, гдѣ положили тѣло героя; убили и тѣхъ, кто рылъ его могилу, и тѣхъ, кто провожалъ его; на мѣстѣ ея пустили тысячу лошадей, чтобы притоптали и сгладили равнину, и самый слѣдъ могилы исчезъ бы навсегда отъ потомства, которое, въ озлобленіи, восторжествовавъ, наконецъ, надъ побѣдителями, могло бы поругаться надъ прахомъ Чингиса.

Во всякомъ случаѣ, цѣль достигнута и, конечно, никто въ Монголіи не можетъ указать, гдѣ именно схоронено тѣло Чингиса?

Тусулакчи, окончивъ рассказъ свой, закурилъ еще разъ свою маленькую трубочку, граціозно подавъ ее мнѣ — обыкновенная вѣжливость кочевого народа, подобно тому, какъ Китаецъ подаетъ вамъ свою табакерку, изъ которой вы никакъ не сѣумѣете достать табакъ, если неознакомились уже коротко съ обычаями Китая. Я потянулъ разъ-другой крѣпкаго маньчжурскаго табаку и поднесъ въ свою очередь Монголу папиросу, которая составляла для него болѣе предметъ любопытства, чѣмъ куренія.—За тѣмъ приходили сказать, что нашъ поздній обѣдъ готовъ, и мы разставались.

Мы подымались обыкновенно часа въ три утра. Ло-

шадей сгоняли въ устраиваемый съ вечера изъ одного-двухъ дворянъ и тутъ, на тѣсномъ пространствѣ, происходила страшная борьба между людьми и лошадьми, болѣею частію дикими. У насъ былъ силачъ, которому стоило только добратъ до ушей лошади, и лошадь мигомъ покорялась ему; тѣмъ не менѣе съ иными лошадьми мы немогли совладать и непрягли ихъ до самаго Пекина. Нерѣдко лошадь вырывалась и уносила въ степь; до десятка Монголовъ вихремъ налетали на нее и ловили укрюкомъ: это петля, навязанная на длинномъ шестѣ. Укрюкъ составлялъ предметъ постоянныхъ споровъ между Монголами и казаками за право обладанія этимъ сокровищемъ, котораго нельзя добыть въ безлѣсной Монголіи. Чрезвычайно граціозно положеніе Монгола, вытянувшася во всю длину и вихремъ несущася за дикою лошадью; лошадь тысячу изгибами и поворотами старается увернуться отъ укрюка, который, наконецъ, змѣей обвивается вокругъ ея шеи, и задохнувшаяся на минуту лошадь останавливается на мѣстѣ, какъ вкопанная.

Сборы продолжались часу до пятиго. Иные находятъ неудобнымъ ранніе выѣзды съ мѣстаноcheга, утверждая, что лошадь на зарѣ охотнѣе наѣдается; но я во всѣхъ своихъ экспедиціяхъ пуще всего старался избѣжать полуденнаго жара. Мы приходили на мѣсто часу во второмъ, кромѣ, разумѣется, очень трудныхъ переѣздовъ,—когда сильный жаръ только что начинался.—За тѣмъ, нужно много времени, чтобы выстояться лошадямъ, управиться людямъ около себя и сбруи, напоить табуны, черпая воду изъ колодцевъ, изготовить

для себя объѣдъ и наконецъ отдохнуть: все это они едва успѣвали сдѣлать при раннихъ пріѣздахъ на мѣсто.

Мы отправлялись обыкновенно послѣ обоза и вьючныхъ верблюдовъ, и почти каждый день были свидѣтелями очень забавной сцены, какъ снимались съ мѣста китайскіе пристава. Старшій изъ нихъ ѣхалъ въ китайской одноколкѣ; но монгольскія лошади ни за что не поддадутся упряжи съ-разу, вслѣдствіе чего его везли совершенно необыкновеннымъ образомъ: подъ оглобли подвязывали жердь, концы которой лежали на колѣняхъ двухъ вершниковъ, нерѣдко женщинъ, ѣхавшихъ по сторонамъ; нагайка звивалась и лошади неслись во весь духъ. Очень часто, на всемъ скаку, жердь соскользала съ колѣнъ всадниковъ, одноколка съ-размаху уларялась оглоблями о-земь, и изъ нея кубаремъ катилась изумленная, испуганная фигура толстаго Маньчжура, которая и въ спокойномъ своемъ положеніи была чрезвычайно оригинальна; особенно глаза его были поразительны, точно не собственные, а взятые имъ на прокатъ и даже отъ разныхъ лицъ, потому что одинъ глазъ вовсе не походилъ на другой и ни въ чемъ несогласовался съ нимъ: если правой смотрѣлъ вверхъ, то лѣвый непременно устремлялся внизъ. Богъ знаетъ, что это за глаза: я никогда не видалъ подобныхъ.

ГЛАВА IX.

ЕДИНООБРАЗІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ.—Непріятности, причиняемыя аргаломъ.—Похороны у Монголовъ.—Буддизмъ и шаманство.—Приближеніе къ Цаганъ-Балгасу.—Могилы русскаго.—Цаганъ-Балгасъ и Хара-Балгасъ.—Привязанность Монголовъ къ кочевой жизни.

Я далекъ отъ мысли вести читателя день за днемъ, переѣздъ за переѣздомъ, во весь путь отъ границы до Пекина, описывать направленіе дороги, разстояніе между привалами и другія подробности, слишкомъ единообразныя и для читателя и для путешественника. Болѣе любопытные могутъ обратиться къ приложенному въ концѣ книги путевому журналу, который особенно можетъ пригодиться путешествующимъ по Монголіи.

Благо путешественнику, если онъ сочувствуетъ природѣ, понимаетъ ея величіе и красоту и въ состояніи увлечься ими, путешественнику, для котораго скудное здѣшнее растеніе или обломокъ камня представляетъ предметъ любопытства, котораго тѣшитъ гряда облаковъ, яркое освѣщеніе зелени, или красиво брошенная тѣнь отъ набѣжавшей на небо тучи, — иначе, скучно будетъ бѣдному ему въ этой обширной пустынѣ; каждый день все тоже и тоже: сидишь себѣ,

покачиваясь верхомъ на лошади или между двухъ горбовъ верблюда. Нельзя также сказать, чтобъ было вовсе безъ лишеній при подобномъ путешествіи: правда, баранины и сухарей у насъ было вдоволь, но за то воды мало и куда какъ нехороша, большею частію, эта вода! Наконецъ, самая баранина и сухари пріѣдаются, особенно когда первая приготовлена на аргалѣ, часть котораго всегда наноситъ вѣтромъ въ кушанье и придаетъ ему сѣроватый, довольно грязный видъ. — Конечно, проповѣдникъ французскаго короля Лудовика IX, Рубрукъ, въ 1255 г. видѣлъ горѣвшій аргалъ въ ставкѣ самаго могущественнаго монгольскаго повелителя Мынге (*Voyage en Asie* p. Bergeron, 1735); но у всякаго свой вкусъ. Я и самъ нахожу огонь аргала довольно яркимъ и пріятнымъ, но дымъ его рѣжетъ глаза, а запахъ до того пропитываетъ ваше платье, ваши книги, ваши вещи, наконецъ васъ самихъ, что вамъ слышится онъ еще долго, долго, по пріѣздѣ на мѣсто.

Отъ Хошоту до Цацынъ-Тологой повсюду встрѣчали мы огромныя стада богдоханскихъ лошадей и овецъ, которыя пасутъ Чахары, такъ сказать присяжные пастухи китайскаго императора, подобно тому, какъ Булгары — пастухи султана турецкаго, только въ обширнѣйшемъ значеніи. Юрты попадались все чаще и чаще, и уже не по двѣ, по три, уединенно стоящія среди степи, но цѣлыми десятками. Около одной изъ юртъ было особенное движеніе; Монголъ отдѣлился отъ толпы, тѣснившейся у дверей ея, отвязалъ стоявшую у коновязи лошадь, быстро вскочилъ на нее и

понесся. — Чтобы это значило? спросилъ я провожавшаго меня закирокчія.

«Покойникъ» — отвѣчалъ онъ пасмурно, глядя въ землю. Я зналъ, что Монголы неохотно говорятъ объ этихъ предметахъ и не расширявалъ его; еще менѣе любопытствовалъ я поглядѣть на печальную церемонію, потому что уже нѣсколько разъ видѣлъ ее. Похороны совершаются довольно просто, особенно у бѣдныхъ. Покойника одѣваютъ въ лучшее платье, потомъ обвертываютъ войлокомъ, какъ пеленками, иногда зашиваютъ въ мѣшокъ, за тѣмъ призываютъ ламу, который, по сличеніи дня рожденія съ днемъ смерти умершаго и по разнымъ другимъ условнымъ признакамъ опредѣляетъ, какимъ образомъ поступить съ трупомъ: положить ли его на сучья дерева, если вблизи есть деревья, какъ, на-примѣръ, въ сѣверной части Монголіи, или оставить на поверхности земли, или немного прикрыть ею, или наконецъ обложить камнями. Во всякомъ случаѣ, трупъ въ скоромъ времени дѣлается добычею птицъ и звѣрей. Важные ламы, подобно какъ въ Тибетѣ, сжигаются на кострѣ; при этомъ употребляютъ разныя благовонія, иногда канфарное и другія дорогія деревья; пепелъ кладутъ въ субаргу, похожую на небольшой улей, только сдѣланный изъ камня, и ставятъ на проѣзжихъ мѣстахъ, чтобы каждый могъ помолиться объ усопшемъ или принести жертву. При тѣлѣ умершаго и послѣ погребенія его ламы читаютъ молитвы; у богатыхъ это продолжается въ теченіи семи недѣль.

Очень страннымъ покажется всякому, что при по-

гребеніи не только китайскихъ принцессъ, выданныхъ замужъ за владѣтельныхъ князей въ Монголію, но и самыхъ князей соблюдаются китайскіе обряды и церемоніи, и Монголы вовсе не сѣтуютъ на такое нарушеніе правилъ своей религіи и даже гордятся этимъ. Такимъ образомъ, покойника, облаченнаго въ полную парадную одежду, кладутъ въ гробъ и выставляютъ на фамильномъ кладбищѣ до пріѣзда особо назначаемаго чиновника отъ пекинскаго двора, который приноситъ ему жертвы и совершаетъ колѣноприклоненіе, по китайскому обычаю, вмѣстѣ съ сыновьями и внуками покойнаго.

При погребеніи Монголовъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, еще соблюдаются нѣкоторые шаманскіе обычаи, которые не совсѣмъ вывелись, не смотря на все преслѣдованіе ихъ вводителемъ буддизма. Во многихъ юртахъ вы и теперь увидите *онгонъ*, нѣчто въ родѣ домашняго покровителя, лара. *Онгонъ* сшитъ изъ нѣсколькихъ лоскутковъ краснаго холста, надъ которымъ тайный шаманъ, бэгъ, или шаманка, гругунъ, или наконецъ опытная старуха совершила извѣстныя заклинанія. Къ этому хранителю юрты и стада обращаются съ молитвою въ случаѣ какой нибудь бѣды и приносятъ ему жертвы. Монголы никакъ не признаютъ въ тайномъ соблюденіи обрядовъ прежней своей вѣры и самое шаманство называютъ *черною вѣрою* (хара шаджинъ), въ противоположность настоящаго ученія, которое называютъ *желтою вѣрою* (шара шаджинъ). Желтый цвѣтъ здѣсь придаютъ всему, что есть священнаго и заветнаго.

Слово шаманъ — маньчжурское и выговаривается саманъ; оно значить мутить, возмущать.

О происхожденіи шаманства много было толковъ и споровъ и, по обыкновенію, рѣшили тѣмъ, что оно, какъ и большая часть ложныхъ ученій, какъ все темное и таинственное, происходитъ изъ Индіи. Какъ бы то ни было, но мы находимъ его въ Монголіи за долго до Р. Х.

Буддизмъ введенъ сюда Тобо-ханомъ, изъ династіи Тугю, подъ конецъ VI вѣка; въ это по крайней мѣрѣ время, онъ признанъ народною религіей, хотя, вѣроятно, еще прежде знали его. Буддизмъ перешелъ въ Монголію изъ нынѣшняго Восточнаго Туркистана; въ Туркистанъ же пропикъ изъ Тибета.

Буддійское ученіе особенно покровительствовало пекинскій дворъ; а потому, послѣ изгнанія монгольской династіи, при Тоюнь-Темурѣ, изъ Китая, Монголія впала въ прежнее шаманство, которое опять начало брать верхъ; но это колебаніе продолжалось не долго. При Даянь-ханѣ буддизмъ опять возникъ въ Монголіи и Чжунгаріи; явились знаменитые въ исторіи буддизма Нейджи-Тоинъ и Дзая-бандида, которые распространили и окончательно утвердили его въ Монголіи, предавъ проклятію шаманство. На западѣ Азіи ислаимъ еще прежде сразилъ его своимъ всеокрушающимъ мечемъ, а съ сѣвера шла съ мпромъ и любовію христіанская вѣра, ниспровергая мало-по-малу *черную вѣру* между инородцами Сибири.

Мы продолжали путь свой скорѣе прежняго; лошади наши, наконецъ, могли наѣдаться досыта на приволь-

ныхъ чахарскихъ степяхъ, и переходъ до Цацынь-Тологая, въ сорокъ осемь верстъ, мы сдѣлали безостановочно. Цацынь-Тологай—*священные холмы*; не знаю, откуда произошло это названіе, но знаю, что это одна изъ прекраснѣйшихъ равнинъ, какую мы только видѣли, покинувъ Ургу.

Природа становилась разнообразнѣе, оживленнѣе; являлись озера, которыя избавляли нашихъ казаковъ отъ утомительнаго труда черпать воду изъ колодцевъ для водопоя лошадей; показались птицы и дичь у озеръ, которая, по временамъ, разнообразила нашъ обѣдъ; отъ главнаго пути иногда отбивались побочныя дороги въ аулы или къ городу, лежащему гдѣ нибудь у Великой стѣны; такимъ образомъ, верстахъ въ 15 отъ Цзымынь-жу, мы оставили въ-сторонѣ большую дорогу, идущую отъ Кукухото въ Дала-норъ.

Гурбунъ-Тулга значитъ по-монгольски три тагана и названо такъ потому, что тутъ, среди лощины, стоятъ отдѣльно одинъ отъ другаго три холма, по соображенію Монголовъ, имѣющіе видъ тагановъ. Не далеко отсюда, какъ замѣчаютъ китайскіе историки, была одна изъ кровопролитнѣйшихъ въ мірѣ битвъ. Ухонцы — самое значительное монгольское племя, усилившееся по паденіи племени Хунновъ, пораженное на голову китайскимъ войскомъ, потеряло одними убитыми будто бы болѣе 200,000 человекъ, окончивъ этой битвой свое политическое существованіе.

Привалъ у Гурбунъ-Тулги очень приволенъ. Не большой ручей тѣшилъ насъ своимъ журчаньемъ: мы такъ давно не видали проточной воды. Видъ на гряды

горъ, которая тянулась по направленію къ Цаганъ-балгасу, горъ, уставленныхъ *обѣ*, очень хороши. — Берегъ близко!.. Отъ Гурбунъ-Тулги до Цаганъ-балгасу верстъ 25. Цаганъ-балгасу! Сколько радостныхъ воспоминаній въ этомъ словѣ для миссіи, которая оканчивается здѣсь свое странствованіе по Монголіи; сколько помысловъ во время длиннаго пути объ этомъ уединенномъ мѣстѣ, сколько самыхъ пламенныхъ стремлений достигнуть его! За нимъ путешествіе по Китаю представляется въ видъ пріятной прогулки. Па-канунъ шелъ дождь, и такъ какъ здѣсь почва земли измѣнилась и не составляетъ болѣе природнаго шоссе, сквозь которое съ трудомъ пробивается топкая трава, но тучна и плодородна, то переездъ нашъ былъ затруднителенъ: лошади грузли въ грязи, верблюды скользили и падали. Наконецъ, часу во второмъ по полудни, показались передъ нами бѣлѣющіяся развалины зданій: это и есть Цаганъ-балгасу — бѣлый городъ.

Мы остановились у небольшого кургана, съ камнемъ на верху; на камнѣ—изстѣченный крестъ! Каждый перекрестился, обратившись къ кресту: это могила христіанина, русскаго, казака, умершаго мѣтъ 30 тому назадъ, изъ числа людей, оставленныхъ здѣсь миссіею на зимовку. Сколько мыслей наводитъ эта могила съ знаменіемъ Вѣры Христовой, здѣсь, среди степи, на чужой, далекой сторонѣ! Куда не заносилось имя русскаго, гдѣ не складывалъ онъ на вѣчный покой свои кости!

Мы расположились подъ затишьемъ землянаго вала, которымъ обнесены развалины, чтобы хотя сколько—

нибудь предохранить нашъ бивакъ на зиму отъ сѣвернаго вѣтра.

Цаганъ-балгасу-хота, или Цаганъ-балгасу, по замѣчаніямъ о. Іакинфа, предназначался для столицы Китайской имперіи, во время царствованія потомковъ Чингиса. Городъ начали строить въ 1310 г., но по случаю встрѣтившихся затрудненій въ Китаѣ, не окончили и предали запустѣнію. Это замѣчаніе не совсѣмъ согласуется съ мѣстностію. Цаганъ-балгасу окруженъ землянымъ валомъ не болѣе какъ въ полторы версты въ окружности и представляетъ, кажется, развалины одного огромнаго зданія съ принадлежащими къ нему пристройками; на бѣлыхъ мраморныхъ колоннахъ его дѣйствительно видны изображенія драконовъ, эмблемы китайской власти. Это, можетъ быть, былъ укрѣпленный замокъ потомковъ Чингиса, но едва ли городъ, столица государя, царствовавшего въ Китаѣ и вполне знакомаго съ роскошью и великолѣпіемъ Серединнаго Государства. Не должно забывать, что столица Хубилая, внука Чингисъ-хана, Ханбалу—нынѣшній Пекинъ, во время посѣщенія ея Марко-Поло (въ XIII вѣкѣ) была, по описанію его, также обширна, какъ и теперь, имѣла около 30 нашихъ верстъ въ окружности, (24 мили) и стѣны до 20 футовъ высоты и 10 толщины, и вообще была едва ли не великолѣпнѣе нынѣшняго Пекина.

Верстахъ въ 12 отсюда, за Хара-усу, лежатъ развалины большаго города Хара-балгасу. Припомнимъ здѣсь, что нѣкоторыя изъ монгольскихъ династій, царствовавшихъ въ Китаѣ, увлеченныя примѣромъ этой

имперіи, заботились о введеніи осѣдности въ Монголіи. Особенно домъ Ляо, (царствовавшій вначалѣ XII вѣка), стремился къ просвѣщенію своей родины. Для ближайшаго надзора мѣстныхъ властей, онъ раздѣлилъ ее на губерніи, области и округа, подъ китайскими названіями, построилъ въ Южной Монголіи нѣсколько городовъ, населилъ ихъ плѣнными Корейцами и Китайцами. Потомки Чингисъ-хана стремились къ тому же, и неудивительно, что въ Монголіи встрѣчаются развалины городовъ, едва замѣтные слѣды водопроводовъ, свидѣтельствующіе, что всѣ мѣры принятія для осѣдности Монголовъ, были насильственны и не могли привиться къ народу, который, по собственнымъ его словамъ, не любитъ пускать корней своихъ въ землю глубже вбитаго передъ юртой шеста, служащаго ему коновязью.

Однажды, спросилъ я богатаго Монгола, бывшаго въ Россіи и Китаѣ, слѣдовательно, знакомаго съ удобствами осѣдой жизни: отчего онъ не заведетъ себѣ домъ и не приметъ подобный нашему образъ жизни?

— Еще належусь на одномъ мѣстѣ, когда умру; и то уже намъ запретили кочевать изъ одного хопуна въ другой, сказалъ онъ гнѣвно и съ досадой, какъ будто я былъ причиною этого запрещенія и угрожалъ приковать его къ осѣдой жизни. Попробуйте довести Монгола до того, чтобы онъ разговорился съ вами искренно, безъ притворства, и онъ напишетъ вамъ изображеніе кочевой жизни такими яркими красками, представитъ ее въ такомъ радужномъ свѣтѣ, будетъ говорить такъ краснорѣчиво, что невольно увлечетъ

вась и сообщить вамъ частичку того юношескаго восторга, которымъ самъ преисполненъ. И не одни Монголы разсуждаютъ такимъ образомъ о прелестяхъ кочевой жизни! Помнится мнѣ, Гафизъ, или кто другой, только изъ восточныхъ поэтовъ, сравниваетъ кочевой народъ съ тучами, безопасно гуляющими по небу, пока судьба, въ лицѣ какого-нибудь Чингисъ-хана, не сольетъ ихъ во-едино и не разразитъ ураганомъ надъ землею.

Литогр. А. Ивановича въ Москвѣ.

гравир. Бекеръ.

ГЛАВА X.

Обозъ располагается на зимнюю кочевку.—Паппихида.
—Мы отправляемся далѣе.—Китайская деревня.—Вели-
кая стѣна въ различные периоды ея существованія.—
Калганъ, городъ и крепость Великой стѣны.

У Цаганъ-балгасу миссии оставляютъ на зиму весь скоть, обозъ и часть припасовъ и матеріаловъ для обратнаго пути; присмотръ за всѣмъ этимъ поручается отъ китайскаго правительства — чахарскимъ Монголамъ, а отъ насъ—казакамъ, которые смѣняются въ полу-зиму другими, высылаемыми изъ Пекина. Я не хотѣлъ заживаться здѣсь, а потому немедленно принялся за разборъ вещей и разныя распоряженія относительно сохраненія сухарей и другихъ припасовъ во время зимы, починки одноколокъ, продажи излишнихъ и пр.; всѣ тяжести, предназначаемыя для Пекина, надо было перебрать въ верблюжьи вьюки. Намъ оставалось сдѣлать еще два перѣзда до Калгана на своихъ лошадяхъ, и перѣзда очень трудныхъ; такъ какъ нельзя было вести съ собою всего табуна, потому что содержаніе его за Великою стѣною обошлось бы дорого, то я выслалъ одну перемѣну лошадей къ подошвѣ стѣны, въ предѣлы Монголіи, гдѣ скоть могъ продовольствоваться подножнымъ кормомъ.

На другой день, 16 Сентября, вставши съ разсвѣтомъ, мы увидѣли всю равнину, покрытую инеемъ. Хороша была она подъ блестками снѣга и каплями росы, когда солнце пригрѣло ее; но еще лучше, когда явилась потомъ, къ полудню, волнующаяся своими густыми, высокими травами, изъ которыхъ инья поблекли подъ осеннею стужей, другія ярко зеленѣли или пестрѣли увядшими цвѣтами и маковками сѣмениковъ. Какъ роскошны и привольны здѣшнія мѣста! Мудрено ли, что Монголы избирали ихъ по преимуществу сборнымъ пунктомъ, откуда налетали опустошительнымъ вихремъ на Китай и Маньчжурію.

Никогда не казались мнѣ столь торжественными торжественныя слова паннихиды, которую совершало наше почтенное духовенство надъ заглохшею могилой казака, какъ здѣсь, какъ въ эту минуту; каждая десять лѣтъ повторяется она, и, я увѣренъ, будетъ повторяться, пока русскій слѣдъ не исчезнетъ навсегда отсюда. Нигдѣ, какъ на чужбинѣ, ни гдѣ, какъ въ далекомъ и пустынномъ краѣ, не бываетъ такъ близокъ и дорогъ для русскаго сердца самый прахъ давно покинутой могилы.

Мы пробыли еще день у Цаганъ-балгасу, и потомъ отправились далѣе, въ Китай!.. Равнина продолжается еще верстъ 20, роскошная, привольная, перестѣкаемая небольшою извилистою рѣчкой Наринъ. Рѣка!.. Отъ Толы мы не видѣли рѣки, и Наринъ журчалъ для насъ такъ весело, такъ пріятно, какъ журчить для васъ рѣка, на берегахъ которой вы родились и которую увидѣли послѣ долгихъ странствованій и

испытаній на пути жизни. Верстахъ въ 7 отъ мѣста, влѣвъ, мы оставили красивую кумирню Урбунъ-тогай; далѣе, влѣвъ же, видѣлся Хара-балгасу, о которомъ я уже писалъ. Тутъ въ первый разъ увидѣлъ я насыпный курганъ. Странно! Курганы, которые такъ часто встрѣчаются у насъ въ Россіи, и особенно въ Малороссіи, въ Киргизской степи, въ самомъ Китаѣ, во все не попадаются въ Монголіи; причиною этому вѣроятно то, что Монголы не имѣютъ обыкновенія погребать своихъ покойниковъ.—Наконецъ, горы мало-помалу стѣсняются, и вотъ передъ нами великолѣпная кумирня Бороцечжи и возлѣ первая китайская деревушка!..

Мы подымались все выше и выше. Горы становились утесистѣй, неприступнѣй. Мелкій, кропившій насъ съ полудня дождь превратился въ снѣжную мятель. Мы едва могли держаться на высотахъ, обнаженныхъ, скалистыхъ; верблюды то-и-дѣло падали; лошади отказывались служить; мы продолжали путь пѣшкомъ, и съ трудомъ передвигали ноги; но, поднявшись на высоту, были вполне вознаграждены представившимся оттуда видомъ. Грозные утесы и отдѣльные, неприступные пики тянулись отъ востока на западъ, и по нимъ, переходя съ одного на другой и служа продолженіемъ или укрѣпленіемъ ихъ, иногда, гдѣ утесы совершенно не приступны, огибая ихъ, проходила Великая стѣна; на темъ горъ волновались озера; кое-гдѣ, прильнувъ къ скалѣ, лѣпилась изба, и возлѣ чернѣлась снятая нива: по ней вы видите, что здѣсь позволено, хотя со многими ограниченіями, селиться

Китайцамъ; никто, кромѣ Китайца, этаго по преимуществу труженника земледѣлія, не съумѣетъ воздѣлать нивы на самомъ обрывѣ скалы. Эта картина, выходя изъ тумана на мгновеніе, когда сильный порывъ вѣтра прогонялъ тучи съ неба, съ тѣмъ, чтобы нагнать новыя, эта картина, незапно освѣщенная солнцемъ, была поразительно хороша и мы забывали усталость, любуясь разнообразіемъ, пестротою, величіемъ предметовъ.

Мы едва дотащились къ вечеру до Нордяна, китайской деревни, гдѣ остановились въ жалкой деревенской харчевнѣ.

По срединѣ, въ очагъ, пылалъ огонь, на которомъ готовились разныя китайскія яства; запахъ кунжутнаго масла и каменнаго угля наполнялъ комнату, весьма похожую на сарай. На-лѣво возвышалась просторная галлерей, или, правильнѣе, палаты, и такъ какъ надъ ними не было потолка и только кровля дома защищала ихъ отъ непогоды, то мы могли ходить по этимъ палатамъ довольно свободно, не много пригнувшись. Съ верху представились намъ весьма любопытныя группы, окружавшія очагъ: тутъ были Монголы въ своихъ мохнатыхъ шапкахъ, Китайцы, посинѣвшіе и дрожавшіе отъ холода, маньчжурскіе солдаты и наконецъ русскіе казаки; группы эти безпрестанно увеличивались вновь приходящими, которые вносили съ собою новые элементы разнообразія и цѣлую струю холоднаго воздуха; вѣтеръ врывался къ намъ и хлопалъ бумажными окнами, угрожая разрушить ихъ.

Когда солнце стало склоняться къ горизонту, вѣтеръ нѣсколько стихъ, и мы отправились осмотрѣть Великую

стѣну, которая лежала саженьхъ въ 50 отъ нашей харчевни: это была внѣшняя стѣна.

Мысль—ограждать свои владѣнія отъ набѣговъ сосѣднихъ кочевыхъ народовъ стѣною и валомъ принадлежитъ къ самымъ древнимъ кореннымъ убѣжденіямъ Китая, и совершенно согласуется со средоточенностію духа его жителей и нетерпимостію чужестраннаго вліянія. Остатки земляныхъ насыпей и сбитыхъ изъ глины стѣнъ, замѣтные во многихъ мѣстахъ, показываютъ, что еще гораздо ранѣе построенія нынѣ уцѣлѣвшей Великой стѣны, удѣльные князья Китая ограждались стѣнами отъ сосѣдей, а исторія Китая упоминаетъ о нихъ за пять вѣковъ до Р. Х.

Великая стѣна, извѣстная въ Китаѣ подъ именемъ Вань-ли-чань-чень, т. е. стѣною въ 10,000 ли (5,000 верстъ), и пользующаяся такою громкою славой во всей Европѣ, построена первоначально въ 214 г. до Р. Х. государемъ Шы-хуанъ, утвердившемъ въ разрозненномъ на удѣлы государствѣ монархическое правленіе и основателемъ династіи Цинъ. Великая стѣна шла отъ крѣпости Шань-хай-гуань, при Корейскомъ заливѣ, на западъ до Желтой рѣки, въ области Нинъ-шо-фу; а оттуда, прямо на юго-западъ, до города Минь-чжеу, въ губ. Гань-су. На сѣверо-западѣ за стѣною, въ то время, находились еще непокорные народы тюркскаго, монгольскаго и тангутскаго племени, отъ набѣговъ которыхъ она и защищала Китай. Но напрасно думаютъ въ Европѣ, что эта именно стѣна и уцѣлѣла по нынѣшнее время, въ теченіи слишкомъ 2,000 лѣтъ. Стѣна, воздвигнутая Ши-хуа-

номъ, по всей вѣроятности изъ насыпи земли и камней, была возобновляема и поправляема нѣсколько разъ; такимъ образомъ, мы находимъ историческія свидетельства, что въ V и VI столѣтіи по Р. Х., она совсѣмъ перестроена и распространена въ царствованіе нѣсколькихъ императоровъ. Уже въ XV вѣкѣ Великая стѣна была частію передѣлана, частію вновь построена и на всемъ своемъ протяженіи одѣта камнемъ, словомъ, приведена въ то положеніе, въ какомъ еще и теперь во многихъ мѣстахъ сохранилась; это событіе послѣдовало именно въ 1445 г. и имѣло цѣлю удержаніе Монголовъ въ ихъ границахъ. Первое звено построено отъ Да-тхунь-фу на западъ до Бянъ-тхеу-гуанъ на 300 верстъ; въ 1546 г. еще прибавлено на 150 верстъ; потомъ еще построили стѣну въ области Да-тунъ-фу, въ губ. Сань-си, именно, гдѣ идетъ нынѣшняя Великая стѣна, о перестройкѣ стѣны, идущей на востокъ до Корейскаго-залива, ничего неупоминается въ исторіи; тѣмъ не менѣе однако, способъ построенія ея, большею частію изъ кирпича и камня, а не изъ глины или земли, свидѣтельству о ея позднѣйшемъ сооруженіи. Начало построенія стѣны изъ кирпича и камня, по свидѣтельству о. Іакинфа, относится къ царствованію минской династіи, къ концу XIV столѣтія. Трудно предположить, чтобы такое огромное протяженіе стѣны изъ камня, вновь было построено въ-теченіи полутора вѣка; а потому, кажется, гораздо правдоподобнѣе предположить, что она во многихъ мѣстахъ оставлена въ прежнемъ видѣ и только одѣта кирпичемъ и камнемъ,

если не отнести время подобнаго рода постройки гораздо далѣе, въ противность показанія нашего почтеннаго ориенталиста.

Внѣшняя, или собственно такъ называемая Великая стѣна, имѣетъ до 3,000 верстъ протяженія; она сбита изъ земли и глины и одѣта кирпичемъ; высота ея отъ 20 до 25 футовъ. Вдоль ея расположено нѣсколько крепостей, защищающихъ входъ въ Китай; въ губ. Чжили, она оторочена зубцами, но далѣе на западъ, въ губ. Сань-си, безъ зубцовъ и очень не высока. Между губ. Шань-си и Сань-си она прерывается; вмѣсто ея, Желтая рѣка съ своими береговыми укрѣпленіями служитъ обороною границы собственнаго Китая; еще далѣе, на западъ—стѣна, сбита изъ земли и глины, во многихъ мѣстахъ совсѣмъ развалившаяся.

Барровъ, сопутствовавшій Макартнею въ его посольствѣ, вычислилъ, что на постройку Великой стѣны пошло кирпича и камня больше, чѣмъ на постройку всѣхъ зданій, находящихся въ Великобританіи. Другой, не менѣе досужій Англичанинъ, рассчиталъ, что изъ матеріала, употребленнаго на Великую стѣну, можно бы построить двойную стѣну во кругъ земнаго шара, вышиною въ шесть футовъ и въ два толщиною, и еще былъ бы остатокъ,—вѣроятно, земли, потому что только принимая въ расчетъ этотъ матеріалъ, входящій преимущественно въ составъ стѣны съ примѣсью глины, можно дѣлать подобныя предположенія, во всякомъ случаѣ представляющія большія неудобства къ повѣркѣ и значительныя затрудненія къ приведенію въ исполненіе.

Наши лошади и верблюды, привыкшіе къ подножному корму, на первый разъ упорно отказывались отъ соломы, которую мы покупали для нихъ, по китайскому обычаю, не большими связанными пучками, и сильно тосковали своимъ заточеніемъ въ стойлахъ, и потому, на другой день, отправились весьма въ дурномъ расположеніи въ дальнѣйшій путь. Было довольно холодно; озеро въ Нордянь замерзло.

Мы поднялись не въ лучшемъ настроеніи духа послѣ ночи, проведенной въ удушливой комнатной атмосферѣ. Къ довершенію мелкихъ непріятностей, казаки, которые весьма удобно и дружелюбно объяснялись съ Монголами, въ сношеніяхъ и расчетахъ съ Китайцами вступали въ нескончаемыя объясненія и споры, часто оканчивавшіеся ссорой и даже взаимной потасовкой или, правильнѣе, оносторонней потасовкой, потому что битой, собственно, была одна сторона—китайская. Причины такихъ недоразумѣній были всегда одни и тѣже—совершенное незнаніе Китайцами русскаго языка и Русскими китайскаго; надо было безпрерывно прибѣгать къ посредству почтеннѣйшаго о. архимандрита, единственнаго чловѣка между нами, который вполнѣ владѣлъ китайскимъ языкомъ.

Отъ Нордяня до Калгана верстъ 25. Спускъ едва ли не круче, чѣмъ подъемъ къ Нордяню, который стоитъ весьма высоко надъ уровнемъ моря. Виды, если не такъ величественны, какъ у Нордяня, то не менѣе разнообразны и живописны. Домики являлись соединенными въ группы, въ цѣлыя деревни, осѣненные ивами; утесы безпрерывно сходились, и издали, казалось, совсѣмъ

преграждали путь; но подходя къ нимъ, мы сворачивали въ сторону и шли тѣснымъ ущельемъ; быстрая рѣчка неслась за нами съ шумомъ и грохотомъ; цѣлый потокъ осыпи, по которой ступали лошади, катился по слѣдамъ ихъ. Одна скала глядитъ особенно сурово чернымъ отверстіемъ пещеры; Монголы увѣряютъ, будто Чингисъ-ханъ прошибъ ее своею стрѣлою: по стрѣлку и ударъ! Не доѣзжая до Калгана, мы видѣли деревеньку какихъ-то бѣдняковъ, кажется, промышляющихъ ломкою камня; ихъ приземистыя мазанки напоминали мнѣ жилища Арабовъ. Наконецъ, въѣхали мы въ предмѣстье Калгана, которое, надо признаться, показалося намъ далеко не такъ прекраснымъ на обратномъ пути, какъ теперь, когда мы въѣзжали въ него изъ Монголіи. Впрочемъ, въ предмѣстьи есть дѣйствительно красивые дома и лавки, которые поражали насъ новостью архитектуры и пестротой—особенно лавки.

Я было засмотрѣлся на эти зданія, на роскошныя, вѣтвистыя ивы, на народъ, сбѣгавшійся отовсюду смотреть на нашу поѣздъ, какъ вдругъ услышалъ позади себя возгласы казаковъ: «гу! гу! га! смотри! смотри!» словно они были еще въ Монголіи и завидѣли звѣря, и вслѣдъ за тѣмъ раздался цѣлый взрывъ хохота. — Я оглянулся; влѣво стояла группа женщинъ на такихъ ножкахъ, которыя всего менѣе можно было назвать ногами: это гусиныя лапы, оконечности билліарднаго кія, или что другое, но ни какъ не чловѣческія ноги; безъ преувеличенія можно сказать, что онѣ не больше какъ у годоваго ребенка. Женщины съ трудомъ могутъ ходить, и въ тридцать лѣтъ уже употребляютъ костыли:

это простыя женщины; знатныя почти никогда не ходятъ; ихъ, нерѣдко, няни переносятъ изъ комнаты въ комнату. Когда онѣ сидятъ, и иногда, какъ бы нечаянно, покажутъ ногу, то эта нога, прекрасно обута, еще довольно красива; но когда стоятъ или ходятъ, по неволѣ переваливаясь съ боку на бокъ, какъ утка, то это, просто безобразіе: словно не на своихъ ногахъ, а на ходуляхъ ходятъ онѣ. Впрочемъ, на все сила привычки, которая заставляетъ глядѣть равнодушно на самыя странныя вещи. Китайцы, видѣвшіе нашихъ дамъ въ Кяхтѣ, не могутъ безъ смѣха вспомнить о ихъ перетянутыхъ таліяхъ, какъ у осы. Если смотрѣть на вопросъ съ гигиенической точки зрѣнія; то, конечно, стягиваніе таліи вреднѣе стягиванія ноги, хотя послѣднее, можетъ быть, мучительнѣе. Обыкновенно начинаютъ коверкать ногу лѣтъ съ семи — осми: моложе трудно вынести эту операцію; пальцы ноги, кромѣ большаго, подгибаютъ къ подошвѣ, самую ногу крѣпко на-крѣпко пеленаютъ; бѣдное дитя долгое время не въ состояніи ходить и терпитъ страшныя муки, пока привыкнетъ къ своему положенію.

Китайское правительство нѣсколько разъ пыталось остановить подобное истязаніе; но всѣ принятыя имъ мѣры, всѣ распоряженія и преслѣдованія виновныхъ оказались тщетными: Китайки готовы были перенести всевозможныя наказанія, но ни какъ не соглашались отказаться отъ того, что, по мнѣнію ихъ, составляетъ красоту женщины. Правительство ограничилось тѣмъ, что подъ самымъ строгимъ наказаніемъ воспретило этотъ обычай Маньчжуркамъ, и во дворцѣ никто не мо-

жетъ быть принять съ изуродованной маленькой ножкой. Маньчжурки не смѣютъ нарушить запрета; но, желая щегольнуть ножкой въ частныхъ домахъ, подвизываютъ себя нарочно для этого приготовляемыя фальшивыя маленькія ножки, совсѣмъ обутыя, на которыхъ, однако, надо ходить не иначе, какъ на цыпочкахъ, потому что только одинъ палецъ ногъ вмѣщаются въ нихъ.

Двѣ скалы, соединенныя толстою стѣною, служатъ воротами въ Калганъ. У воротъ, обыкновенно, кромѣ важныхъ лицъ, всѣ сходятъ съ лошадей; но мы рѣшились не подвергать себя этой унижительной мѣрѣ и, на сладкое предложеніе Китайцевъ, отвѣчали очень вѣжливо и серьезно, что мы уже слишкомъ давно въ пути, устали и безъ того, и не можемъ надивиться, что Китайцы еще болѣе затрудняютъ нашъ путь вмѣсто того, что бы облегчить его; забыли они развѣ что мы здѣсь гости. Пускай хорошенько размыслятъ о нашихъ словахъ, и вѣрно согласятся съ нами. Говорившій со мною Маньчжуръ отправился въ караульню къ своимъ товарищамъ и, вѣроятно, они хорошо размыслили, а еще болѣе толковали о нашихъ словахъ, потому что прошло довольно таки времени, пока вышелъ другой чиновникъ, выдававшій себя за старшаго, и объявилъ, что предшествовавшій ему ничего не смыслить, и что мы, дѣйствительно, здѣсь дорогіе гости и довольно уже потрудились въ пути, а потому можемъ вѣзхать въ ворота верхомъ. Впослѣдствіи, мы узнали, что это обыкновенная уловка Китайцевъ, когда они принуждены уступить въ чемъ нибудь: является новое лицо, которое будто и не знаетъ ни о чемъ происходившемъ

прежде и порываетъ вопросъ, говоря, что всѣ другіе, отиковавшіе объ немъ, дураки и ничего не разумѣютъ въ спорномъ дѣлѣ.

Вѣхавши въ Калганъ, мы убѣдились вполнѣ, что мы за Великою стѣною, въ Китаѣ: народъ толпился на улицахъ, какъ муравейникъ; гвалтъ, шумъ и пестрота кружили мнѣ голову; въ глазахъ, привыкшихъ къ простору и зелени монгольскихъ степей, рябило, и я былъ радъ-радехонекъ, когда мы протиснулись наконецъ сквозь эту толпу и достигли отведенной для насъ гостиницы. Но толпы народа хлынули за нами во дворъ; полиція не въ силахъ была удержать ихъ; Китайцы заглядывали къ намъ въ дверь, цѣплялись у оконъ; надо было принять свои мѣры. Негръ, выѣхавшій со мною изъ Внутренней Африки и пока всюду сопутствующій мнѣ, особенно привлекалъ вниманіе Китайцевъ, которые здѣсь, въ Сѣверномъ Китаѣ, никогда не видали чернаго человека; вооруженный курбачемъ, онъ кидался въ толпу любопытныхъ, и Китайцы, испуганные болѣе его видомъ, чѣмъ курбачемъ, разметывались по сторонамъ, какъ всполохнутые воробы, къ общей потѣхѣ казаковъ и собственной своей. Наконецъ, очистивъ дворъ отъ постороннихъ, мы заперли ворота и поставили своихъ часовыхъ по формѣ, которыхъ серьезный видъ держалъ въ невольномъ страхѣ приближающихся къ нимъ.

Я почувствовалъ себя очень легко, оставшись наконецъ одинъ.

ГЛАВА XI.

КАЛГАНЪ; разительный переходъ отъ холода къ теплу, отъ лишеній къ изобилію. — Торгъ на перевозку тяжестей отъ Калгана въ Пекинъ и всѣ продѣлки Китайцевъ. — Встрѣча съ Христіанами. — Христіанская вѣра въ Китаѣ. — Выѣздъ изъ Калгана. — Китайская благотворительность. — Китайскіе трактиры и обѣды. — Сянь-хуа-фу.

Въ Нордьянъ мы оставили снѣгъ, покрывавшій землю, и стужу, проникавшую до костей; въ Калганъ застали прекрасный, теплый осенній день и видѣли поля, покрытыя зеленью. Калганъ показался намъ Капуой. Казаки съ жадностію накинулись на фрукты, изъ которыхъ большей части никогда и не видали; персиковъ, винограду, яблокъ, грушъ, фигъ, арбузовъ — здѣсь изобиліе; всякой живности много и она дешева; разнообразіе огородныхъ овощей удивительное: мы часто становились въ тупикъ, рассматривая какое нибудь невиданное дотошъ огородное растеніе; хлѣбное вино, хлѣбная водка — ни почему, но послѣдняя очень крѣпка и непріятна на запахъ.

Калганъ довольно большой городъ: въ немъ, по словамъ чиновниковъ, посѣщавшихъ насъ, около 37,000

жителей. Онъ составляетъ пограничную крѣпость, въ которой живетъ начальникъ корпуса Чахаровъ. Рядъ домиковъ, расположенныхъ недалеко отъ нашей гостиницы, служить казармою для маньчжурскихъ солдатъ. Кромѣ того, въ Калганѣ таможня для всѣхъ товаровъ, отправляемыхъ въ Кяхту, и особый обширный дворъ, съ лавками для склада русскихъ товаровъ и чашъ, отправляемыхъ въ Россію; самый курсъ серебра здѣсь не тотъ, что въ Пекинѣ, а сообразенъ съ существующимъ въ Кяхтѣ и Ургѣ; словно, Калганъ продолженіе и дополненіе этихъ мѣстъ. Здѣсь, какъ и тамъ, тѣже купцы, Шанъ-сійцы, тѣже нескончаемые толки о выдаваемыхъ изъ *трибунала* билетахъ на пропускъ чашъ, о цѣнахъ на верверетъ и мизирицкія сукна. Есть много купцовъ, говорящихъ по русски, за то такимъ нарѣчіемъ, которое можетъ понимать только жившій долго въ Кяхтѣ. Здѣсь, наконецъ, я видѣлъ во-очію, въ лицахъ, столь прославившихся въ Россіи Маюкона и комп., Мауфына и другихъ, не менѣе извѣстныхъ чайныхъ знаменитостей.

Халга — слово монгольское, означаетъ *ворота, заставу*; мы переняли это слово отъ Монголовъ, переименовавъ его въ Калганъ; по-китайски онъ называется Цзянь-цзя-кеу. — Городъ раздѣляется на двѣ части — верхнюю и нижнюю: послѣдняя имѣетъ свою особенную крѣпостцу, въ которой живетъ Фу-ду-тунъ, помощникъ чахарскаго корпуснаго командира.

Въ самый день пріѣзда нашего въ Калганъ явился къ намъ Сю, подрядчикъ для перевозки тяжестей и насъ самихъ, присланный изъ Пекина отъ начальника

миссіи. Онъ кинулся къ о. архимандриту, котораго зналъ еще въ Пекинѣ, съ выраженіемъ живѣйшаго восторга. Слѣшая его, можно было подумать, что онъ выѣхалъ къ намъ на встрѣчу просто по влеченію дружбы, а не для коммерческой сдѣлки. Когда я сталъ спрашивать его о цѣнахъ за перевозку, онъ отвѣчалъ, что объ этомъ и говорить не стоитъ, что онъ поставитъ намъ верблюдовъ и лошадей, по чѣмъ я самъ назначу, хоть даромъ, если хочу, что для него важнѣе всего на свѣтѣ довѣренность русскихъ, а радость видѣть насъ, благополучно прибывшихъ изъ такихъ далекихъ странъ, превыше всякой корысти, о которой онъ вовсе не думаетъ; въ заключеніе всего, припомнилъ, что и его отецъ нѣсколько разъ перевозилъ уже русскія миссіи и не явился теперь въ Калганъ, потому что старъ и слабъ. Я хорошо зналъ азіатскихъ купцовъ и довольно таки понаслышался о китайскихъ; но Сю говорилъ такъ убѣдительно, съ такимъ безпечнымъ и веселымъ видомъ отзывался о торгѣ, о барышахъ, что я, дѣйствительно, былъ пораженъ его безкорыстіемъ, и тѣмъ охотнѣе вѣрилъ ему, что онъ христіанинъ (католич. испов.); хотя, правда, онъ не принадлежалъ къ тому старому поколѣнію христіанъ, которые нѣкогда обращены были въ католическую вѣру и воспитаны пекинскими іезуитами, и отличались, при всемъ своемъ фанатизмѣ и нетерпимости, строгою нравственностью; однако я не думалъ, чтобы дѣти ихъ такъ далеко отстали отъ отцовъ, и чтобы сѣмена, посѣянные ревностными духовными пахарями, такъ скоро заглохли и поросли сорными травами на этой нивѣ, которая все перерабатываетъ:

оставьте ее на время во власти Китайцевъ, и вы не узнаете ее потомъ.

Каково же было удивленіе мое, когда, при заключеніи контракта, Сю заломилъ не слыханныя цѣны! Напрасно мы призывали калганскихъ возчиковъ: всѣ дѣйствовали за-одно; напрасно прибѣгнули бы мы къ нашему китайскому приставу или къ защитѣ мѣстной власти: каждый рассчитывалъ, какъ бы извлечь изъ насъ побольше выгоды для себя, и потому предоставлялъ другимъ пользоваться сколько угодно, лишь бы не мѣшали ему: это общая система взяточничества въ Китаѣ, отъ высшаго къ низшему и обратно. Къ счастью, я удержалъ въ Калганѣ своихъ верблюдовъ, какъ ни дорого было содержаніе ихъ здѣсь, и объявилъ, что рѣшаюсь продолжать путь на своемъ скотѣ. Я очень хорошо зналъ, какимъ обманамъ и плутовствамъ подвергнемся мы на каждомъ привалѣ отъ Калгана до Пекина и, признаюсь, употребилъ это средство, какъ угрозу, которую съ трудомъ рѣшился бы привести въ исполненіе. Какъ бы то ни было, но мои слова и приготовленія къ отъѣзду сильно подѣйствовали на подрядчика: онъ сбавилъ цѣны болѣе, чѣмъ на половину, и, именно, взялъ съ пуда по 50 к. сер. на наши деньги, съ каждой верховой лошади по 3 руб. 50 коп. и съ большой телеги по 5 руб., отъ Калгана до Пекина: цѣны, судя по разстоянію, довольно умѣренные.

Всѣ эти торги и мытарства при заключеніи контракта поставили насъ въ сношеніе съ разными лицами, и мы невольно столкнулись съ нѣсколькими христіанами, которыхъ довольно по деревнямъ въ окрест-

ностяхъ Калгана. Теперь, по последнему трактату, заключенному французскимъ уполномоченнымъ съ Китаемъ, миссіонеры римско-католической вѣры, въ случаѣ, если попадутся внутри Китая, *только* высылаются китайскимъ правительствомъ въ одинъ изъ пяти портовъ, открытыхъ для Европейцевъ, и выдаются европейскому консулу, а потому они стали появляться довольно часто, хотя, конечно, тайно въ Китаѣ. Изъ Калгана, или, правильнѣе, изъ деревень, лежащихъ между Сянь-хуа-фу и Калганомъ, пробираются они въ Монголію, Маньчжурію, Корею, а иные проникаютъ до Тибета; только въ Пекинѣ и нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ, они пока не смѣютъ показываться.

Христіанская вѣра введена въ Китай въ XVII вѣкѣ. Правда, Іезуиты доказывали, что она существовала здѣсь съ древнихъ временъ, и вотъ что подало поводъ къ такому заключенію: въ 1626 г. открыли въ Чанъ-инянь (что нынче Си-янь-фу), древней столицѣ Китая, надпись, которой снимокъ, посланный миссіонерами въ парижскую королевскую библіотеку, возбудилъ многіе толки о томъ, что христіанская вѣра существовала съ древнихъ временъ въ Китаѣ.

Изъ надписи этой (*) видно, что нѣкто О-ло-пень, будто бы служитель христіанской вѣры, прибывъ въ Китай въ числѣ буддійскихъ проповѣдниковъ, въ правленіе императора Тай-чжуна (царствовавшего отъ 627

(*) L'Histoire universelle de la Chine de p. Alvarez Semedo; Lyon, 1667. ст. 230.

до 650 года нашей эры), представилъ ему истину христіанской религіи и получилъ торжественное разрѣшеніе не только проповѣдывать ее, но даже выстроить храмъ и при немъ содержать двадцать одного священнослужителя.

Въ надписи этой, весьма длинной, переведенной Веделу (*), нигдѣ неупомянуто названіе вѣры христіанской, но съ нѣкоторою натяжкой можно вывести заключеніе, что рѣчь идетъ именно о ней, а не о другой религіи. Въ исторіи китайской, современной той эпохѣ, къ которой относится эта надпись, какъ и сами Іезуиты (**) говорятъ, нигдѣ неупоминается о вѣрѣ христіанской, хотя въ подробности перечислены всѣ религіи, введенныя въ то время въ Китай терпимостію императора, оставившаго по себѣ славное имя въ исторіи; другихъ подтвержденій или памятниковъ, которые бы свидѣтельствовали объ этомъ важномъ событіи христіанской исторіи также не находится. Напротивъ того, изслѣдователи буддійскаго ученія утверждаютъ, что въ чанъ-нянской надписи говорится о буддійской вѣрѣ, бывшей подъ особеннымъ покровительствомъ Тай-чжуна.—Вообще этотъ предметъ остался довольно темнымъ, какъ бы ни была доказана подлинность самой надписи.

Впрочемъ, если опровергающіе дѣло и увѣряютъ, что О-ло-пенъ не могъ пріѣхать въ Китай изъ Европы, Та-тсаки, какъ называли Китайцы въ то время Гре-

(*) Supplement à la bibliothèque universelle d'Herbelot, par le p. Visdelou, стр. 373 и слѣд.

(**) О. Гобиль: Abrégé de l'histoire de la dinastie des Thangs.

ковъ и Римлянъ, потому что подобное событіе не могло остаться не занесеннымъ въ исторію Китая и не отмѣченнымъ въ нашей христіанской исторіи; то, замѣтимъ, что онъ могъ проникнуть туда изъ Туркестана или другихъ западныхъ, нынче магометанскихъ владѣній Китая, гдѣ, какъ извѣстно, въ то время были христіане.

Трудно опредѣлить число христіанъ въ Китаѣ; вообще, по изгнаніи Іезуитовъ и ниспроверженіи епископства и католическихъ церквей въ Пекинѣ, оно значительно уменьшилось, и не вездѣ поддерживается въ той строгой формѣ, какую умѣли ему придать первые католическіе миссіонеры. Приблизительно можно положить число христіанъ до четырехъ милліоновъ.

Калганъ въ прекрасномъ мѣстоположеніи; быстрая рѣчка, слѣдовавшая за нами на пути, вторгается въ самый городъ и съ шумомъ катитъ по немъ свои чистыя воды, освѣжая окрестности и орошая множество огородовъ. Квартира наша была очень удобна; но мы все таки ради были, когда покончили съ подрядчикомъ, и, послѣ четырехдневнаго пребыванія, отправились въ дальнѣйшій путь.

Мы ѣхали версты двѣ городомъ, потомъ, переѣхавъ черезъ мостъ, вступили въ довольно обширную долину. Надо удивляться, какъ на этихъ зыбучихъ, глубокихъ пескахъ Китайцы сдумали что нибудь вырастить, а между тѣмъ, тутъ повсюду ивы, сдерживающія песчаныя насыпи, и мѣстами поля, уже убраныя.

Нельзя не упомянуть здѣсь объ одномъ прекрасномъ обычаѣ Китайцевъ: помнится мнѣ, я его встрѣчалъ

уже гдѣ-то на Востокъ; во всякомъ случаѣ, онъ чисто въ духѣ Востока, гдѣ покровительство нищихъ, уваженіе къ старикамъ и любовь къ дѣтямъ составляютъ отличительныя и лучшія черты народнаго характера. Этотъ обычай состоитъ въ томъ, что при уборкѣ поля, всегда оставляютъ часть колосьевъ помятыхъ, надломленныхъ или недозрѣлыхъ въ пользу нищихъ, стариковъ и увѣчныхъ своей деревни, которые всегда собираются при полевыхъ работахъ и, по мѣрѣ силъ, услуживаютъ работающимъ.

Вотъ еще одно преимущество въ пользу нищихъ. Извѣстно, что при погребальной процессіи, особенно богатыхъ людей, въ Китаѣ, участвуетъ множество народа: иные идутъ у гроба съ факелами, другіе несутъ знамена и разныя регалии, третіе — любимыя вещи покойника и т. д.; иногда бываетъ до ста человѣкъ носильщиковъ разнаго рода, и всѣ эти люди — нищіе; они пользуются исключительнымъ на то правомъ. Ихъ одѣваютъ въ траурное платье, кормятъ, поятъ, даютъ условленную плату, такимъ образомъ, тщеславіе людей богатыхъ выкупается добрымъ дѣломъ, и послѣдняя память о покойникѣ сопровождается искреннею благодарностію людей, которые, можетъ быть, двое сутокъ до того ничего не ѣли.

На полъ-пути между Калганомъ и Сянь-хуа-фу, мы остановились въ дрянномъ трактирѣ, чтобы дать не много отдохнуть лошадямъ и что-нибудь перекусить самимъ. На первыхъ порахъ мы съ большимъ подозрѣніемъ поглядывали на откормленныхъ собаченокъ, бродившихъ или привязанныхъ около трактировъ, и часто

спрашивались не изъ падшаго ли верблюда или кошки было приготовлено какое нибудь блюдо; но потомъ менѣе стали обращать вниманіе на эти вещи, и узнавали о нихъ только тогда, когда чистоплотные сибирскіе казаки съ ужасомъ рассказывали, что они своими глазами видѣли, какъ китайскій поваръ рѣзалъ собаку. Впрочемъ, въ Китаѣ есть лавки, — въ Пекинѣ цѣлый рядъ лавокъ, гдѣ мясо падшаго скота, а равно животныхъ, несъѣдомыхъ у насъ, продается, завѣдомо, бѣдному классу людей; а потому только въ случаѣ подлога, который, впрочемъ, здѣсь встрѣчается чаще, чѣмъ гдѣ-либо, вы рискуете купить мясо одного животного вмѣсто другаго.

Верстахъ въ пяти отъ трактира, мы поднялись на голую, скалистую гору и продолжали путь почти до самаго Сянь-хуа-фу безплодною, каменистою, дикою страшною, которую сами Китайцы не могутъ воздѣлать; только у города природа улыбнулась: прекрасная ивовая роща, возлѣ которой протекаетъ одинъ изъ рукавовъ Янъ-хе, какъ бы осыняетъ городъ. По широкимъ, довольно чистымъ улицамъ Сянь-хуа достигли мы гостиницы, которую отвели намъ въ предмѣстьи; помѣщеніе чистое, даже роскошное. По пріѣздѣ нашемъ, въ комнаты внесли казенное красное сукно, которымъ застлали столы и диваны, — это дѣлалось почти вездѣ, гдѣ мы останавливались въ частныхъ домахъ; въ казенныхъ же — красное сукно неизбежная и всегдашняя принадлежность.

ГЛАВА XII.

Значение Сянь-хуа-фу въ настоящее и прежнее время. — Поражающая путешественника населенность Китая. — Раздѣленіе на области или губерніи. — Число жителей. — Ошибочность показаній. — Несоразмѣрность народонаселенія съ количествомъ земли. — Названіе Китая.

Сянь-хуа-фу, основанный за тысячу лѣтъ до нашего времени, главный городъ въ области; онъ великъ: около 12 верстъ въ окружности, и обнесенъ высокими стѣнами и бойницами. Во время частыхъ въ старину нападений Монголовъ на Китай, здѣсь были сосредоточены главные военныя силы, а теперь стѣны его до того занесены песками, особенно съ сѣверной стороны, что черезъ нихъ преспокойно переходятъ пѣшкомъ; огромная плотина изъ обломковъ гранита, служащая щитомъ отъ напора песковъ, недерживаетъ ихъ. Въ городъ ведутъ семь воротъ, которыя, послѣ выстрѣла вѣстовой пушки, запираются, и тогда уже никто не можетъ выходить изъ дому, кромѣ лекаря и повивальной бабки, — особенно послѣдняя вездѣ и во всякое время имѣетъ свободный пропускъ.

Сянь-хуа-фу по-монгольски называется Баинъ-сумѣ, богатая капища. Монголы еще въ Калганѣ съ особен-

ною нѣжностію говорили о Баинъ-сумѣ, и надо признаться, что не капища и кумирни манили ихъ сюда, но войлоки! — Тамъ Китайцы дѣлаютъ такіе войлоки, говорили намъ Монголы, что самому богдохану не стыдно нѣжиться на нихъ, и чего не дѣлаетъ этотъ хитрый народъ изъ верблюжьей шерсти: только каши не варить! Дѣйствительно, если у насъ въ послѣднее время войлочные издѣлія приняли такое развитіе и разнообразіе; то въ Китаѣ, и по преимуществу въ Сянь-хуа-фу, онѣ далеко оставило за собою наши: мягкость, нѣжность и цвѣтъ войлока замѣчательны, словно шолкъ, а не верблюжья шерсть. Подобно тому, какъ у насъ гдѣ-нибудь, въ Торжкѣ, на-примѣръ, предлагаютъ вамъ на самой станціи, вмѣсто обѣда, спальныя сапоги, такъ и здѣсь всюду суютъ вамъ въ руки войлочные шапки различнаго вида и цвѣта, и по цѣнѣ очень дешевой.

На другой день намъ нелегко было оторвать нашихъ Монголовъ отъ предмета ихъ нѣжностей, войлоковъ, которые покупали они или только созерцали, за неимѣніемъ денегъ.

Населенность Китая поражаетъ путешественника; здѣсь вы никогда не теряете изъ виду человека, его жилища и его могилу; деревни не прерываются. Весь Китай, кажется, составляетъ одинъ городъ съ его форштатами, загородными домами, кладбищами, нивами и садами. Дерево сберегается, какъ драгоценность, и каждая деревенька, каждый колодезь осыненъ прекрасными ивами или тополями, а надъ могилами вы увидите роскошный бѣлоснежный кедръ, кипарисъ и можжевельникъ.

Народонаселение Китая составляет вопросъ спорный въ Европѣ. О. Іакинфъ, Біо, Клапротъ и въ послѣдствіи Захаровъ разсматривали этотъ предметъ критически и опровергали одинъ другаго. Дѣло въ томъ, что народныя переписи, которыя ведутся въ Китаѣ съ незапамятныхъ временъ, такъ рѣзко отличаются между собою въ различные періоды исторіи Китая, что наводятъ невольное сомнѣніе въ точности ихъ. Такимъ образомъ, по первой извѣстной переписи, во 2-мъ году по Р. Х., было 59,594,978, а въ 220 — 242 г. всего 7,632,881; въ 703 году по Р. Х. значилось уже 37,140,000, а въ 764 г. 16,900,009 жителей. — Положимъ, войны могли имѣть вліяніе на уменьшеніе числа жителей, но конечно не въ такой несоизмѣрной пропорціи. Въ 1381 году, при минской (китайской) династіи, по паденіи ея, въ теченіи 200 лѣтъ, не смотря на частыя и кровопролитныя войны, голодъ и наводненія, населенность Китая, по нѣсколькимъ изданнымъ въ различное время перечнямъ, держалась довольно близко около одного и того же числа, именно около 60 милліоновъ. Но со времени вступленія на престолъ маньчжурской династіи, она начала возрастать чрезвычайно быстро. Правда, это было время мира, тишины и даже благосостоянія, сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ; но все таки, мы не можемъ дать полной вѣры такому несоразмѣрному преумноженію народа, по причинамъ, которыя изложимъ ниже.

Въ 1749 году въ Китаѣ уже считалось 177,493,339 жителей, а въ послѣдне-изданной въ 1812 г. народ-

ной переписи 361,693,179!.. Г. Захаровъ достагъ, частнымъ образомъ, свѣденіе за послѣднее время изъ Финансовой Палаты, гдѣ сосредоточиваются ежегодно списки, составляемые о числѣ жителей въ Китаѣ. По этимъ свѣденіямъ оказывается, что въ 18 губерніяхъ или вице-королевствахъ, какъ называли прежде, и въ Маньчжуріи было въ 1842 г. слѣдующее число жителей:

Названіе губерніи:	Число душъ.
Чжи-ли.	36,879,838.
Шань-дунъ	29,529,877.
Сань-си.	17,056,925.
Хэ-нань.	29,069,771.
Цзянь-су	39,646,924.
Ань-хой	36,596,988.
Фу-цзянь	25,799,556.
Чжэ-цзянь	30,437,974.
Ху-бэй	28,584,564.
Ху-нань	20,048,969.
Шань-си	10,309,769.
Гань-су.	19,512,716.
Сы-чуань	22,256,964.
Гуань-дунъ	21,152,603.
Гуань-си	8,121,327.
Юнь-нань	5,823,670.
Гой-чжоу	5,679,128.
Цзянь-си	26,513,889.
Маньчжурія	1,665,542.
Итого	414,686,994.

Припомнимъ читателямъ, что весь Китай заключается между 18° и 40° сѣверной широты и между

7° и 23° долготы по пекинскому меридиану, и на этомъ пространствѣ считаютъ 414,686,994 жителей!!

Бывшій въ Китаѣ англійскій посланникъ Макартней, сословъ состоявшихъ при немъ китайскихъ чиновниковъ, полагалъ населенность его въ 330,000,000; но въ то время (1792 г.), число это признали преувеличеннымъ. Католическіе миссіонеры считали 200,000,000; а они, конечно, могли судить объ этомъ предметѣ правильнѣе, чѣмъ кто либо изъ Европейцевъ, потому что не только имѣли подъ рукою всѣ переписи китайскаго народонаселенія, но обращались между народомъ и нѣкоторые изъ нихъ были приняты при дворѣ; если это число было вѣрно около полутора ста лѣтъ тому назадъ, когда впервые появилось въ письмахъ іезуитовъ, то въ настоящее время, послѣ продолжительнаго покоя и тишины въ Китаѣ, оно по всѣмъ вѣроятіямъ должно было возрасти на половину, если не болѣе. Откуда же почерпалъ свои свѣдѣнія Клапротъ, утверждавшій, что въ Китаѣ число жителей не простирается выше 146 милліоновъ?—Изъ китайскаго гражданскаго календаря, источника вѣрнаго и положительнаго!— Но дѣло въ томъ, что, по словамъ нашего синолога, о. Іакинфа, онъ взялъ безъ разбора цифры, заключающіяся въ этой книгѣ: въ ней были помѣщены свѣдѣнія, какъ получались отъ генералъ-губернаторовъ, изъ которыхъ иные обозначали только число душъ, платящихъ подати; другіе—всѣхъ безъ исключенія, мужскаго и женскаго пола, дѣтей и стариковъ; отъ этого, на-примѣръ, въ губерніи Шань-дунъ оказалось 25 милліоновъ жителей, а въ губерніи Чжи-ли, смежной съ

нею и еще болѣе населенной, всего 3 милліона жителей.

Хотя пытливыя народныя переписи производятся, по видимому, точно и основательно; однако имъ также нельзя вполнѣ довѣрять. Обыкновенно десятки, сотни и деревенскіе старшины составляютъ ежегодно списки жителей, въ ихъ вѣдѣніи находящихся, и доставляютъ ихъ для повѣрки въ Окружное Правленіе, а оттуда они поступаютъ на разсмотрѣніе въ Областное Правленіе. Всѣ эти вѣдомости сосредоточиваются, наконецъ, въ Пекинской Палатѣ Финансовъ, которая и представляетъ богдохану краткій отчетъ о ежегодной прибыли и убыли людей, для донесенія Небу. Но при этомъ замѣтимъ, что всѣ казенныя повинности выполняются въ Китаѣ, только тѣмъ числомъ жителей, которое опредѣлено ревизією 1711 года, т. е. 24,621,334 душами. Все приращеніе народонаселенія послѣдующихъ лѣтъ изъято отъ налоговъ и податей, и эта правительственная мѣра, опредѣлена однажды на всегда. Кажется, основаніемъ ей послужило то, что остальное населеніе, по количеству земли, едва можетъ пропитывать себя, не только помогать правительству своимъ избыткомъ. — Слѣдовательно, мѣстнымъ властямъ нѣтъ необходимости слишкомъ строго повѣрять списки о народонаселеніи ввѣренныхъ имъ странъ; а между тѣмъ, по духу китайскаго ученія, уменьшеніе народа доказываетъ дурное управленіе, а увеличеніе—его благосостояніе, и въ послѣднемъ случаѣ, мѣстныя власти получаютъ похвальные отмѣтки въ своихъ формулярахъ и даже болѣе важныя

награды. Самъ богдоханъ, въ отчетъ своемъ Небу, выставляетъ, какъ свидѣтельство мудраго управленія, значительное ежегодное приращеніе народа. Въ древнія времена, китайскіе государи всячески покровительствовали многочисленнымъ семействамъ и поощряли браки: такимъ образомъ, нѣкогда существовалъ законъ, чтобы всякой женицѣ, носящей подвязку въ послѣдней степени беременности, выдавать изъ казны по три мѣшка крупы, а мужа ея избавлять на одинъ годъ отъ казенной повинности. Нынче перѣдко случается, что одно и тоже лицо показывается въ спискахъ того вѣдомства, гдѣ имѣетъ домъ или другую оспѣлость, и тамъ, гдѣ застаётъ его послѣдняя перепись; а Китайцы, торгующіе и промышленные, очень часто перемѣняютъ свое мѣсто, и потому одинъ человекъ можетъ быть показанъ нѣсколько разъ.

О. Іакинфъ, основываясь на изданной въ 1812 году народной переписи и прибавляя ежегодно гадательное приращеніе народа, вычислилъ, что въ 1842 году населеніе Китая состояло изъ 400 мил. душъ. Предположеніе его оказалось довольно близкимъ съ послѣднимъ показаніемъ китайскаго правительства. Но, по моему мнѣнію, необходимо сбавить нѣсколько процентовъ на тѣ ошибки, умышленныя и неумышленныя, которыя мы выставили выше, на которыя самое китайское правительство нѣсколько разъ указывало своимъ чиновникамъ; а потому, если мы опредѣлимъ число жителей въ Китаѣ въ 350 мил., какъ обыкновенно отзывались намъ многіе ученые Китайцы, то, можетъ быть, будемъ довольно близки къ истинѣ; но и тогда

покажется не понятнымъ, какъ и гдѣ можетъ помѣститься такое не сообразное съ количествомъ земли народонаселеніе!

Китаю въ настоящее время имѣетъ пахатныхъ земель 792,037,852 му, слѣдовательно, на каждого человека приходится около двухъ му; каждый му, при хорошемъ урожаѣ, дастъ два мѣшка рису, а другого хлѣба гораздо меньше; въ мѣшкѣ пуда 4; и такъ, на каждого человека придется около 8 пудъ рису въ годъ, и это при благоприятныхъ условіяхъ! Привозъ хлѣба съ острововъ и изъ-за границы — самый ничтожный. Правда, за то и нищета въ Китаѣ поразительная: народъ ѣстъ все, что ни попадетъ! Почти и листья нѣкоторыхъ деревьевъ, какъ напр. вяза, считаются самымъ правительствомъ средствомъ народнаго продовольствія. — Не должно еще забывать, что Китаецъ живетъ *вездѣ*, и значительное число жителей помѣщается на водѣ!

Въ Китаѣ, какъ увидимъ ниже, существуетъ обыкновеніе придавать особое названіе каждому правленію своего государя; государство же свое Китайцы называютъ Чжунъ-го, Серединное государство, и Хань-го, по имени династїи Хань, царствовавшей за два вѣка до Р. Х. Маньчжуръ называютъ его Никанъ-гурунъ, Монголы — Китатъ-улуй, Туркестанцы — Хытай. Жителямъ его очень не нравится, когда мы называемъ ихъ Китайцами.

ГЛАВА XIII.

Дальнѣйшее путешествіе по Китаю. — Посилки. — Рѣка Янь-хе. — Цзи-минъ-и, Цзи-минъ-шань и разсказъ о построеніи на ней кумирни. — Сторожевыя башни. — Ущелье Гуань-гоу и его неприступныя укрѣпленія. — Крѣпость Нань-коу, замыкающая ущелье. — Пекинскій бассейнъ.

Въ первые дни путешествія по Китаю, мы ѣхали робко, держались кучкой. Масса народа, по всюду тѣснившаяся, давила, пугала насъ; незнаніе языка довершало наше смущеніе; но мало-по-малу мы по обжились въ этой чудной намъ сферѣ, попривыкли къ китайцамъ, и хотя насъ никто не понималъ, однако мы все таки говорили на языкѣ, который называли китайскимъ. Наскучивъ тихой ѣздой, мы смѣло отправлялись впередъ на станцію. Я и многіе другіе предпочли ѣхать лучше верхомъ чѣмъ въ тряскихъ китайскихъ одноколкахъ, или въ качкихъ носилкахъ, несомыхъ двумя мулами; упряжь эта весьма похожа на качалки, употребляемыя въ сибирскихъ тайгахъ, на частныхъ золотыхъ промыслахъ, ихъ богатыми владѣльцами, которые не любятъ трястись верхомъ; разница состоитъ въ томъ, что въ качалку влѣзаютъ съ боку, а въ носилки — спереди, такъ сказать изъ-подъ хвоста мула. Качалки висятъ на зыбкихъ рябиновыхъ, а носилки на толстыхъ сухихъ жердяхъ.

Само собою разумѣется, что въ качалки впрягаютъ не муловъ, а лошадей. — Дорогою мы бѣгло предлагали встрѣчавшимся людямъ заученные вопросы: далеко ли до станціи? Куда идетъ такая то дорога? и проч. Китайцы или смотрѣли на насъ съ-высока, иногда съ улыбкою состраданія и ничего не отвѣчали, или запутывали свой отвѣтъ во множествѣ шипящихъ звуковъ, въ которыхъ мы не могли добраться никакого смысла. Дѣло въ томъ, что предложить Китайцу вопросъ, просто и категорически выраженный, считается большою невѣжливостію, какъ послѣ мы узнали. Надо сначала хорошенько поздороваться съ нимъ, назвать его по крайней мѣрѣ почтенимъ дядюшкой, сказать приличную вѣжливость, попросить позволенія *позаниматься отъ него свѣтлою*, даже слѣзть съ лошади, и тогда уже предложить вопросъ; иначе, Китаецъ или промолчитъ, или отвѣтитъ грубостью; только болѣе смышленные, видя въ насъ иностранцевъ, не знакомыхъ съ обычаями страны, извиняли намъ подобную невѣжливость, или, не понимая предложеннаго вопроса, вступали въ объясненія, въ которыхъ мы въ свою очередь ничего не понимали и обмѣнивались съ ними сладкими улыбками, многозначительнымъ покачиваніемъ головы и односложными, ничего не значущими звуками, которые шипѣли, подобно кипящему самовару.

Оставя Сянь-хуа-фу, мы нѣсколько времени ѣхали по направленію Янь-хе (хе—значить рѣка), которая съ шумомъ катитъ свои быстрыя и мутныя воды. Въ настоящее время она мелка; но во время періодическихъ дождей разливается на большое пространство, потоп-

ляетъ окрестныя поля и иногда разрушаетъ утлыя жилища земледельцевъ. Отъ нея проведено множество канавъ для орошенія полей. Нѣсколько мостовъ, громадной, циклонической работы, на аркахъ, перекинуто черезъ Янъ-хе; но эти мосты, сооруженные въ давнія времена, остаются безъ поправки; огромные камни, скрѣпленные желѣзными шипами, осями, другіе торчатъ стоймя; спускъ и подъемъ круты, ухабисты; во время мелководія рѣки, ихъ объѣзжаютъ бродомъ. Въ Китаѣ духъ разрушенія парить повсюду; время осиливаетъ челоуѣка, ослабѣваго, обѣдѣваго, который кое-какъ живетъ со-дня на-день.

Замѣчательнъ способъ спуска тяжелыхъ повозокъ съ этихъ мостовъ: муловъ отпрягаютъ и одного изъ нихъ прицѣпляютъ сзади, къ оси; мулъ упирается, пятится слегка, и повозка спускается благополучно; но для этого надо привычнаго мула. Помню, какъ однажды, въ Сибири, мой лакей, нѣмецъ, за неимѣніемъ тормазы, который сломался на предшествовавшей станціи, вздумалъ употребить этотъ новый способъ спуска экипажа; ямщикъ равнодушно глядѣлъ на китайскую штуку, приводимую въ исполненіе нѣмцемъ; но штука плохо удалась: экипажъ стремглавъ полетѣлъ съ горы; лошадь только ускоряла его бѣгъ, безпрестанно ударяясь объ заднія рессоры, пока наконецъ не сшибло ее съ ногъ. И лошадь и экипажъ сильно пострадали отъ этого китайскаго нововведенія. Съ тѣхъ поръ, нѣмецъ мой знать не хотѣлъ ничего китайскаго, даже сталъ готовить рисъ, не по-китайски, на парахъ, въ коробкѣ, а просто по-нѣмецки, въ кострюлѣ, доводя его до жал-

каго раствора каши. Объ одной китайской водкѣ вспоминалъ онъ еще съ удовольствіемъ, да и какъ не вспоминать объ ней: на гривну выпьешь,—и пьянъ.

Съ половины дороги, отъ Сянь-хуа, начинаются горы; дорога обрывиста, камениста, пробита съ величайшимъ усиліемъ въ утесахъ и въ иныхъ мѣстахъ до того тѣсна, что съ трудомъ можно разминуться съ безконечными рядами навьюченныхъ каменнымъ утѣмъ ословъ, которые шли сами собою, никѣмъ не управляемые. Наконецъ, мы достигли крѣпости Цзи-минъ-и, лежащей у подношья высокой, скалистой горы Цзи-минъ-шань. Отсюда начинается каменноугольная формация, которая особенно развита въ окрестностяхъ Пекина.

На высотахъ, едва доступныхъ Цзи-минъ-шани стоитъ буддійская кумирня, очень красивая, по крайней мѣрѣ издали; желтая черепица кровли со вздернутыми къ верху краями, ярко блестѣла на солнцѣ, словно позолоченная. Надо сказать, что здѣсь на все есть правило, порядокъ, отъ котораго никто не отступитъ: такимъ образомъ, желтую, покрытую глазурью черепицу можно видѣть только на дворцахъ Хуанъ-ди и кумирняхъ; знатные Китайцы, князья и министры употребляютъ для своихъ жилищъ зеленую черепицу, а всѣ остальные обыкновенную, некрашеную, сѣраго цвѣта.

Опостроеніи Цзи-минъ-шаньской кумирни Китайцы рассказываютъ слѣдующее: давно когда-то, Китайка, знаменитаго происхожденія, славившаяся богатствомъ, умомъ и красотою, была осаждаема съ утра до ночи,

искателями ея руки и сердца; наскучивъ, наконецъ, своими женихами, она объявила, что выйдетъ замужъ за того, кто построитъ черезъ рѣку Янъ, у Цзи-минъ-шани, каменный мостъ во столько времени, сколько она употребитъ на постройку кумирни, на вершинѣ горы; а для предупрежденія всякаго недоумѣнія, прибавила, что она окончитъ свой трудъ въ одну ночь. Послѣ такихъ неудобноисполнимыхъ условій, женихамъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ откланяться неговорчивой нѣвѣстѣ и убраться во-свояси; но нашелся одинъ, блаженный, конечно не Китаецъ, а иноземецъ, который принявъ предложенный вызовъ и въ одно время съ гордою красавицею принялся за дѣло. Несчастный не зналъ, что передъ нею преклоняются сами духи, не только смертные, между тѣмъ, какъ онъ долженъ былъ разсчитывать только на собственныя, человѣческія средства. Неровное состязаніе кончилось, какъ должно было ожидать. Къ утру слѣдующаго дня кумирня была готова и красовалась, озлащенная ярко восходящимъ солнцемъ, какъ въ ту минуту, когда мы любовались ею, а на Янъ выведены были только арки моста, которыя и теперь еще видны, и торчатъ изъ-подъ воды во время мелководія. Несчастный кинулся съ отчаянія въ воду, а непреклонная Китайка обрекла себя одиночеству, поселилась на Цзи-минъ-шанѣ и кончила жизнь свою въ уединеніи. Кумирня эта, съ принадлежащими къ ней домами для отшельниковъ, извѣстна подъ названіемъ Юнъ-нинъ-сы, жилище вѣчной тишины—и вполнѣ соответствуетъ своему названію: только звонъ колокола, призываю-

щій къ молитвѣ, слышится оттуда, да крикъ фазана, отъ котораго и Цзи минъ-и получило свое названіе.

По дорогѣ, отъ самаго Калгана, черезъ каждыя пять ли, (около 2½ верстѣ), стоятъ не большія башенки, съ изображеніемъ разныхъ чудицъ на дверяхъ; при нихъ еще валяются кое-гдѣ заржавленные пушечки, и есть сторожа; другія совсѣмъ заброшены. Въ прежнее время это были сторожевыя башни для подаванія сигналовъ въ случаѣ набѣга Монголовъ, Тунгузовъ или Манчжуровъ.

До Хоай-мэй перевѣздъ очень великъ, верстѣ 45. На пути мы миновали чистенькій городъ Ша-чень, куда затѣжали отдохнуть и закусить. Утесы грознаго ущелья Гуанъ-гоу видѣлись въ дали, въ туманѣ. Поля повсюду представляли для насъ предметъ удивленія: до сихъ поръ мы не могли себя представить, что бы можно было ихъ воздѣлать до такого совершенства и на такой неблагодарной почвѣ.

Не доѣзжая до Ча-дао, мы перебрались черезъ полуразрушившійся мостъ на широкой и грязной рѣчкѣ, которая какъ-то лѣниво катитъ свои воды въ Янъ-хе.

Ча-дао—крѣпость Внутренней Великой стѣны, защищающая ущелье Гуанъ-гоу, само-по-себѣ, повидимому, непроходимое для непріятели. Здѣсь мы наняли людей для переноски нѣкоторыхъ вещей, болѣе хрупкихъ. Не многіе изъ моихъ спутниковъ отправились въ носилкахъ, я же съ прочими пустился въ путь пѣшкомъ, приказавъ, однако, вести за собою лошадей, на тотъ случай, что можетъ-быть гдѣ-нибудь дорога и позволить присѣсть на лошадь; но случая этого не предста-

вилось. Весь переходъ ущельемъ, до Нань-коу, около 23 верстъ.

Прошедши городскія ворота подъ сводами гигантской башни, мы поднялись по отлогимъ и широкимъ всходамъ на Великую стѣну. Здѣсь она сохранилась очень хорошо. Въ толщину она будетъ нѣсколько болѣе двухъ сажень; черезъ каждые сто шаговъ устроены башни, въ которыхъ въ безпорядкѣ навалены всякаго рода пушки; никто нестережетъ ихъ, никто не поддерживаетъ этихъ башень, во многихъ мѣстахъ обвалившихся; мы безпрепятственно провели здѣсь около часу, снимая видъ окрестности, который поразительно хорошъ. Трудно вообразить себѣ что-нибудь недоступнѣй ущелья Гуань-гоу. Дорога, извивающаяся на днѣ его, дотога изрыта стремящимися по немъ ручьями и завалена обломками камней, что лошадь безъ сѣдока едва можетъ ступать по ней, и ужъ конечно не сохранить цѣлыми своихъ копытъ. По сторонамъ отовсюду сбѣгаются утесы, какъ бы на защиту Китая отъ нападенія кочевыхъ народовъ. И здѣсь видны усилія положить дорогу; но эти усилія оказались бесполезными, потому что безпрестанные обвалы отовсюду нависшихъ камней, уничтожаютъ трудъ человѣка. Въ ущельѣ есть нѣсколько полуразвалившихся укрѣпленій; Цзюй-инъ, одно изъ неприступнѣйшихъ. Самъ Чингисъ-ханъ, въ своемъ всеокрушительномъ походѣ на Китай, не могъ взять его и возвратился въ Монголію, откуда уже черезъ Куку-норъ, съ западной стороны, проникъ въ китайскія владѣнія. А между тѣмъ, Китаецъ пріютился и на здѣшнихъ обрывистыхъ скалахъ. Воздѣлать ниву

нѣтъ никакой возможности; но онъ насадилъ орѣховыя и каштановыя деревья въ щеляхъ камней, которыя забилъ привезенною издалека землею, и пропитывается плодами этихъ деревьевъ. Природа является повсюду въ грозномъ, враждебномъ челоѣку видѣ. Особенно красива, изсѣченная въ утесъ, буддійская кумирня; на стѣнахъ ея видно нѣсколько русскихъ именъ предшествовавшихъ миссій, члены которыхъ, вѣроятно, совершали этотъ переходъ также пѣшкомъ и взбирались сюда отдохнуть.

Нань-коу, довольно хорошо сохранившаяся крѣпость, замыкаетъ ущелье. Мы пришли усталые, избитые объ камни, изнеможенные. Тутъ нашли мы выѣхавшаго къ намъ навстрѣчу, изъ Пекина, одного изъ членовъ миссій, и самое радушное русское угощенье ожидало насъ.

На другой день мы едва могли подняться отъ боли ногъ; но близокъ, близокъ конецъ пути! Уже мы слышали русскія привѣтствія, и наши китайскіе пристава стали особенно внимательны, въ надеждѣ на подарки и въ страхъ, что бы кое-чего не пересказали о нихъ въ Трибуналъ Внѣшнихъ Сношеній. Отъ Нань-коу, мы ѣхали версты три-четыре по каменистой дорогѣ и наконецъ вступили въ обширную равнину, простирающуюся до самаго Пекина.

Мы не надолго остановились, на перепутьѣ, въ небольшомъ городкѣ Ша-хе, и къ вечеру достигли Цин-хе, этого, такъ сказать, предверія Пекина!..

Прежде, чѣмъ вступимъ въ столицу Серединнаго Государства, окинемъ хотя бѣглымъ взоромъ геологи-

ческое строение пекинского бассейна и каменно-угольную формацию, залегающую въ немъ.

Нордьянь составляетъ высшій пунктъ постепенно поднимающейся съ юга обширной Монгольской равнины; отсюда почва быстро склоняется къ Пекинской долинь, лежащей верстъ за 250 отъ Нордьяня и на нѣсколько тысячъ футовъ ниже ея. Эта Пекинская долина, съ многочисленными отрогами Тай-Ханскихъ горъ, составляетъ богатое вмѣстилище каменнаго угля, продовольствующее жителей Пекина и его окрестностей.

На всемъ протяженіи огромной каменно-угольной формации основная почва состоитъ изъ известняковъ, которыхъ толщи начинаются отъ Сянь-хуа-фу. Главный и нижній известнякъ, по своему свѣтло-сѣрому цвѣту, огромности пласта и положенію, можетъ быть отчасти сравненъ съ нашимъ известнякомъ по Кальміусу, или *scar limestone* англійскихъ геологовъ. Дале на югъ, нечистые известняки и грубые песчаники, покоющіеся надъ нижнимъ известнякомъ, продолжаютъ почти до самой Пекинской долины и перемежаются желтымъ слюдистымъ песчаникомъ, не рѣдко окрашеннымъ углистымъ веществомъ. На югъ отъ Пекина каменно-угольные пласты лежатъ на песчаникахъ и известнякахъ, изрѣдка заключающихъ въ себѣ растенія каменно-угольнаго періода; надъ ними же поконятся известнякъ, заключающій въ себѣ нѣкоторые виды *productus*. Пласты склоняются почти подъ сороковымъ градусомъ къ юго-востоку; уголь южныхъ и восточныхъ отроговъ блестящаго вида и исполненъ колчадана, а потому дурнаго качества. На востокъ отъ Пе-

кина, къ горамъ Нью-ланъ-шанъ, каменно-угольные пласты скрываются подъ красноватыми и бѣлыми песчаниками, иногда имѣющими видъ конгломерата, въ которомъ зерна кварца связаны полевошпатовою массою; далѣе слѣдуютъ темно-сѣрыя сланцеватыя глины, прикрытыя прослойкомъ известняка, въ которомъ попадаются энкриниты; слои отвердѣлой глины синяго и желтаго цвѣтовъ съ обломками глинистаго желѣзняка не рѣдко проходятъ надъ известнякомъ и смѣняются тонкимъ слоемъ каменнаго угля, который весьма рѣдко разрабатывается; наконецъ, надъ прослойками угля и глинъ лежитъ пластъ известняка, довольно значительной толщины, въ которомъ попадаются нѣкоторыя окаменѣлости. На западъ отъ Пекина лежатъ невысокія горы, состоящія предпочтительно изъ песчаника крупнозернистаго, сѣраго и красноватаго; онъ, по видимому, вздымается изъ-подъ каменно-угольныхъ пластовъ.

Песчаники, по мѣрѣ приближенія своего къ Пекинской долинь, принимаютъ сложеніе конгломерата; обломки его состоятъ изъ полевошпатовыхъ и кварцеватыхъ валуновъ и, иногда, изъ порфира; тамъ же, гдѣ начинаются обнаженія горъ, въ нихъ виднѣтъ грубый, сѣраго цвѣта, песчаникъ, перемежающійся отвердѣлою глиною; а въ ней проходятъ слоями кварцеватые песчаники, имѣющіе отчасти галечное сложеніе; надъ всеми этими породами лежитъ угольный известнякъ.

Главнѣйшія каменно-угольныя копи въ окрестностяхъ Пекина находятся въ западныхъ горахъ, въ

ущелья, называемомъ Мынь-тоу-гоу, близъ горы Ма-я-шань, въ ущелья Вань-пинь-коу, въ ущелья Чанъ-юй-гоу и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣзда Фань-шанъ-сянь. Здѣсь толщина пласта доходитъ до трехъ и болѣе футовъ; всѣ другіе тонкіе слои его, которыхъ до 10, подчинены крупно-зернистому песчаннику и известняку, изрѣдка сланцамъ; въ известнякѣ встрѣчаются окаменѣлости *spirifer mosquensis*, что можетъ служить доказательствомъ, что уголь заключается въ среднемъ ярусѣ угольнаго известняка и новѣе огромнаго образованія Сянь-хуа-фускаго известняка. Уголь смолистъ, спекается въ огнѣ и отдѣляетъ много пламени и дыму. Лучшій каменный уголь получается изъ горъ, лежащихъ болѣе на югъ, въ 300 ли отъ Пекина (150 верстъ); худшій — изъ горъ, ближе къ Пекину. Самая большая разработка угля производится въ ущелья Мынь-тоу-гоу, гдѣ считается четыре большихъ копи.

Работы во всѣхъ копяхъ производятся продольными ортами, которые бываютъ до двухъ верстъ длины; крѣпи въ ортахъ чрезвычайно рѣдки, по случаю дороговизны лѣсу; отъ этого часто цѣлыя партіи рабочихъ погибаютъ подъ обвалами. Разработка производится болѣею частію по направленію самаго пласта, и, по мѣрѣ выклиниванія его, съуживается до того, что едва можно ползти по орту. Никакія, даже самыя простыя механическія усовершенствованія, для подъема угля или откачиванія воды, неизвѣстны. Нашелся было кто-то изъ Китайцевъ, католическій христіанинъ, устроившій на одной изъ копей воротъ

и даже порядочный насосъ; но это нововведеніе, которое могло замѣнить руки нѣсколькихъ десятковъ людей, возмутило всѣхъ рабочихъ, немедленно уничтожившихъ и воротъ и насосъ, и угрожавшихъ самому изобрѣтателю.

Добыча угля въ копяхъ, уже по самому способу разработки ихъ, составляетъ самое трудное занятіе въ Китаѣ; работникъ здѣсь можетъ получить до 45 коп. въ день, смотря по количеству доставленнаго имъ на поверхность угля; между тѣмъ, какъ обыкновенная задѣльная плата чернорабочему не превышаетъ 15 коп. въ день. Правда, за ту же плату рабочій въ копяхъ долженъ имѣть свои горные инструменты и масло для освѣщенія работы; масло это обыкновенно горитъ въ закрытомъ ночникѣ, привязанномъ къ его головѣ. Уголь вывозятъ на поверхность по орту въ маленькихъ салазкахъ, которыхъ веревка перекидывается чрезъ плечо; во многихъ мѣстахъ, какъ мы уже сказали, надо пробираться ползкомъ.

Работы производятся только въ зимніе и осенніе мѣсяцы; на лѣто же оставляются, какъ потому, что работники заняты въ это время земледѣліемъ, такъ и потому, что верблюды, употребляемые для перевозки добытаго угля, угоняются на лѣто въ Монголію для откормленія.

Разработка каменнаго угля производится исключительно частными людьми, на земляхъ, принадлежащихъ не рѣдко кумирнямъ. По принятому правилу раздѣленія работъ въ Китаѣ, каменный уголь

продается въ Пекинѣ не рѣдко изъ третьихъ уже рукъ. Владѣтели копей занимаются продажей угля только на мѣстѣ. Есть особый классъ людей, преимущественно изъ губерніи Сань-си, который скупаетъ известное количество угля въ копияхъ и привозитъ его въ свои лавки въ городъ на продажу.

По тому-ли, что задѣльная плата работникамъ на копияхъ не такъ дешева, или потому, что уголь продается не изъ первыхъ рукъ, цѣнность этого важнаго матеріала въ Пекинѣ довольно значительна: пудъ хорошаго угля обходится около 17 коп. сер.; лучший же, такъ называемый кузнечный уголь, продаваемый небольшими кусками, нарочно приготовляемыми, стоитъ отъ 20 до 25 коп. сер. Но не все жители Пекина въ состояніи употреблять хорошій уголь; для бѣдныхъ нарочно приготовляются изъ мусора съ примѣсью нѣкоторой части глины и большой половины золы, остающейся при горѣніи каменнаго угля, куски, которые продаются отъ 7 до 8 коп. сер. за пудъ.

ГЛАВА XIV.

Цин-хе.—Окрестности Пекина и видъ на него.—Въездъ въ столицу Китая и первое впечатлѣніе, произведенное ею.—Албазинцы.—Русскія подворья и церкви.—Кладбища русскихъ и португальскихъ миссіонеровъ.

Цин-хе — небольшое селеніе, торжокъ, состоящій преимущественно изъ лавокъ и харчевень: лавокъ мелочныхъ, харчевень очень плохихъ. Въ одной изъ этихъ харчевень пристають Русскіе проѣздомъ, и такъ-какъ въ Цин-хе обыкновенно встрѣчаютъ новую миссію и до Цин-хе провожаютъ старую изъ Пекина, то содержатель харчевни очень дорожитъ этою честью; комнаты, для такого торжественнаго случая, обклеиваютъ новыми бумажками, вычищаютъ, вымываютъ, придаютъ имъ праздничный видъ и ужь никого не впускаютъ сюда изъ постороннихъ. Когда мы въѣхали во дворъ, онъ былъ до-того загроможденъ экипажами, людьми и лошадьми, приведенными для нашего параднаго въѣзда въ Пекинъ, что мы едва могли пробраться до жилыхъ комнатъ. Двое русскихъ миссіонеровъ, и изъ Албазинцевъ—командиръ русской роты и родовой старшина — встрѣтили насъ. Мы во всю ночь не могли наговориться съ нашими соотечественни-

ками. Если мы были рады, что окончили трудное странствование черезъ Монголію и часть Китая, продолжавшееся слишкомъ два мѣсяца, то какова же должна быть радость русскихъ миссіонеровъ, видѣвшихъ въ насъ своихъ путеводителей въ отечество послѣ десятилѣтняго пребыванія въ Китаѣ!

На другой день мы поднялись рано, зная, что насъ ожидаютъ въ Пекинѣ; но не скоро собрались, какъ ни торопились. Надо было достать мундиры и всю аммуницію изъ тюковъ, прилично одѣться и вычиститься, а казакамъ, привыкшимъ къ простору монгольскихъ степей, рѣшительно негдѣ было развернуться на тѣсномъ дворѣ китайской харчевни; притомъ же, у нихъ пошли новыя знакомства со слугами нашего подворья и Албазинцами, хотя казаки *еще* не говорили по-китайски, а послѣдніе ни слова не понимали по-русски: все это замедляло наши сборы. Наконецъ, часу въ десятомъ, послѣ роскошнаго завтрака, двинулись въ путь. Отъ Цин-хе до стѣнъ Пекина десять верстъ разстоянія; дорога тянется по обширной равнинѣ, въ глубинѣ которой лежитъ столица Китая. Вездѣ поля и поля! Но хлѣбъ уже былъ убранъ. Здѣсь не то, что у насъ, гдѣ нива сдаетъ земледѣльцу только хлѣбъ и оставляетъ себѣ часть зелени, подъ которою еще красуется во весь остатокъ осени — нѣтъ: здѣсь она отдаетъ своему господину все, что произвела въ-теченіе лѣта; малѣйшая травка, даже хлѣбные корни вырываются — что для корма скота, что для топлива; Китайцы ничего не оставляютъ, и осенью поля представляютъ видъ жалкій, сухой, сѣроватый и, сливаясь съ могилами кладбищъ,

разсѣянныхъ повсюду, дополняютъ грустное впечатлѣніе окрестной картины. Только вѣтвистыя ивы, прекрасныя здѣшнія ивы, окружающія кладбища, нѣсколько оживляютъ ее. Близость столицы ни чѣмъ не обозначалась, ничто не напоминало о ней. Мы плутали между кучами деревьевъ, домиками, пашнями и кладбищами, сворачивая съ одной дурной дороги на другую, еще худшую; всѣ онѣ намъ казались проселочными, весьма проселочными, и мы опасались сбиться съ пути въ этомъ лабиринтѣ дорожекъ; но оказалось, что это большая и прямая дорога къ Пекину, и извозчикъ, на всѣ наши спросы, отвѣчалъ флегматически: «Пріѣдемъ».

Десять верстъ показались довольно длинными для нашего нетерпѣнья. Наконецъ, равнина сдѣлалась обширнѣе и пустыннѣе; могилы окружали насъ тѣснѣе и тѣснѣе, — иныя осыпанныя кучами деревьевъ, другія — разбросанныя въ безпорядкѣ по равнинѣ; дорога становилась хуже и хуже; выстрѣлы, которые мы ужъ слышали, раздавались громче; не вдалекѣ возвышалась какая-то темная, огромная масса, и еще выше — узорчатая кровля съ приподнятыми краями; показалась толпа людей, въ обыкновенныхъ китайскихъ курмахъ:

— Это что за люди?

— Солдаты, отвѣчалъ неохотно извозчикъ.

— Это солдаты?

— Да!

Надо было вѣрить.

— Что жъ они тутъ дѣлаютъ?

— Развѣ не видите — ученѣе!

Дѣйствительно, я увидѣлъ, что человѣкъ за чело-
вѣкомъ подходилъ къ купцѣ ружьевъ, прилосенныхъ
къ стѣнѣ какого-то домика, бралъ одно ружье, выстрѣ-
ливалъ и уходилъ своею дорогою, — это называется
ученѣе.

— Да что жъ они хоть ружей-то не берутъ съ собою?
спросилъ кто-то изъ насъ.

— Ружья казенныя; онѣ хранятся въ арсеналѣ.

— Такъ солдатъ въ Китаѣ безъ ружья?

— Да.

— Странно. — А гдѣ же Пекинъ?

— Да передъ вами Пекинъ, за этою стѣной.

Передъ нами, дѣйствительно, возвышалась гигант-
ская стѣна, съ огромною башнею надъ воротами; изъ
амбразуръ башни чернѣлись какія-то пятна. Мы было
приняли ихъ за жерла пушекъ, но вскорѣ убѣдились,
что это пушки нарисованныя; настоящія же хранятся
въ арсеналѣ или только числятся въ арсеналѣ, а въ-
сущности, можетъ-быть, проданы арсенальными чи-
новниками для разныхъ подѣлокъ.

Мы приостановились у воротъ, чтобъ нѣсколько опра-
виться. Казаки выстроились, выровнялись, и поѣздъ
двинулся впередъ. Въ воротахъ ужъ нельзя было сом-
нѣваться, что мы въѣзжали въ городъ и городъ огром-
ный, многолюднѣйшій, а главное, самый шумный, ка-
кой когда-либо случалось мнѣ видѣть.

Не знаю, какъ бы мы протиснулись сквозь толпу
народа, совершенно запрудившаго улицу, безъ благо-
дѣтельнаго вмѣшательства какихъ-то оборванцовъ, ко-

торые словно выросли изъ земли передъ нами и, дѣя-
тельно размахивая длинными плетями, расшескивали
волны народа по сторонамъ. Впослѣдствіи мы узнали,
что это были полицейскіе служители.

Сначала эта уличная жизнь, эта толпа, шумъ, тре-
скотня напоминаютъ вамъ нѣсколько другіе восточные
города; но, взглянувъ и вслушавшись хорошенько,
вы видите, что это нѣчто иное. Вамъ представляются
совсѣмъ другія движущіяся картины; до слуха вашего
доходятъ отрывистые звуки языка, котораго вы еще не
слышали, и они рѣзко отличаются отъ всѣхъ, которые
когда-либо поражали ухо ваше.

Между-тѣмъ, какъ толпа народа глухо шумѣла и гу-
дѣла, продавцы разныхъ разностей, какъ-будто сили-
лись заглушить и ее, и другъ друга, и ревъ верблю-
довъ, и пронзительное ржаніе муловъ. Кто звенѣлъ
въ тазъ, кто гудѣлъ въ рогъ, кто щелкалъ желѣзными
плитками, кто ревѣлъ своимъ да не своимъ голосомъ;
наконецъ, нагой нищій, растянувшись во всё тѣло на
улицѣ, стоналъ, что есть силъ, желая обратить на себя
вниманіе. И все это тѣснилось, шумѣло, сталкива-
лось съ экипажами, путалось въ стадѣ прогоняемыхъ
свиней или утокъ; собаки шныряли между народомъ, го-
лодные, изнуренныя, понуривъ голову; гусь, высунув-
шись изъ-за спины носильщика, кричалъ ему черезъ го-
лову. Всего занимательнѣе было видѣть, какъ два встрѣ-
чавшіеся въ этой толпѣ экипажа вдругъ останавлива-
лись, изъ нихъ выскакивали торопливо, какъ-будто
вспомнивъ о чемъ-то важномъ, что совсѣмъ-было за-
были, двое Китайцевъ и принимались отвѣшивать другъ

другу поклонны; кланялись долго, такъ что ихъ можно было почесть за механическія куклы, поставленныя среди дороги, если бы онѣ не заграждали пути для проѣзжающихъ, что совершенно уничтожало подобную мысль. Поѣздъ, тянувшійся нескончаемыми нитями экипажей — одной впередъ, другой назадъ — останавливался; кучера равнодушно закуривали свои маленькія трубочки; проѣзжающіе терпѣливо ожидали, пока двое Китайцевъ наклоняются другъ другу въ волю, потому что не было возможности объѣхать ихъ за толпою; наконецъ, они садились и волны народа лились за ними до новой преграды.

Главная улица, по которой мы ѣхали, широка и длинна: въ длину она, до нашего южнаго подворья, верстѣ осемь почти безъ поворотовъ; въ ширину — какъ Невскій Проспектъ, если не шире: это ужъ не Востокъ! Но она до-того загромождена разными балаганами и прилавками, что кажется тѣсною. Посрединѣ возвышеніе, насыпь, замѣняющая шоссе; тутъ постоянно тянутся два ряда повозочекъ, каждая въ одно животное — мула или осла, повозочекъ крытыхъ, довольно красивыхъ съ виду, двухколесныхъ, составляющихъ здѣсь обычные экипажи; дороги направо и налево оставлены для телегъ съ тяжестями и пѣшеходовъ; онѣ-то, за неимѣніемъ площадей въ городѣ, служатъ мѣстомъ всѣхъ сходбищъ, представленій и всякихъ временныхъ выставокъ. Съ насыпной дороги, верхомъ съ лошади, я могъ видѣть, что дѣлается въ полуоткрытыхъ балаганахъ, оборванныхъ и закопченныхъ подстатахъ китійскимъ нищимъ: въ одномъ — странствующие

комедіанты распѣвали драматическія представленія, при оглушительномъ шумѣ музыки; въ другомъ — сказочники; въ третьемъ — ворожей или странствующій докторъ, объяснявшій собравшейся около него толпѣ анатомію челоѣка; тамъ, далѣе, нараспѣвъ перекликались другъ съ другомъ продавцы платьевъ, выхватывая доброту и дешевизну своего товара. Были представленія, открытыя со всѣхъ сторонъ и огороженныя только тростниковою рѣшеткой, за которою собирали по *чоу*, то-есть, по одной пятой копейки ассиг. за входъ съ челоѣка. Чохъ — для насъ монета неизмѣримой ничтожности, которая не существуетъ, которая не можетъ существовать, потому что за нее ничего нельзя купить; въ Китаѣ чоухъ — деньги, и за него можно-таки кое-что пріобрѣсть. За балаганами открываются безконечные ряды лавокъ, которыя почти нигдѣ не прерываются на разстояніи семи-осми верстѣ; между ними очень много красивыхъ, особенной, чуждой намъ архитектуры; аптеки и мелочныя лавки попреимуществу отличаются изяществомъ отдѣлки; раззолоченныя сверху до низу, испещренныя яркими красками и филогранной работою, онѣ очень кокетливы и граціозны, точно огромныя игрушки, и составили бы украшеніе на любой столичной улицѣ; зато, рядомъ съ ними, торчитъ какая-нибудь скверная лавчонка или оборванный домишко.

На Востокъ болѣе всего поражаютъ путешественника легкіе, воздушные минареты, какъ-будто отдѣлившіеся отъ земли и стремящіеся къ небу; въ Пекинѣ кидаются въ глаза узорчатая кровли — кровли воротъ, домовъ,

кумирень, всего, что имѣетъ кровлю, даже покрышки головъ — шапки, все это со вздернутыми вверхъ полями, какъ крылья птицы, приготовившейся летѣть вверхъ; какъ-будто всѣ эти кровли временно, случайно очутились на мѣстѣ, которое онѣ весьма дурно защищаютъ отъ дождя и непогоды, служа только ему украшеніемъ. Въ восточныхъ городахъ болѣе всего надѣдаютъ собаки, здѣсь — свиньи; и надо замѣтить, что здѣшнія свиньи, отвратительныя и грязныя, надѣдаютъ пуще собакъ; онѣ снуютъ у васъ подъ ногами, хрюкаютъ назадъ, кричатъ раздирательнымъ образомъ съ телегъ, на которыхъ ихъ перевозятъ, наконецъ, являются въ различныхъ блюдахъ за всякимъ обѣдомъ. Впрочемъ, и собакъ въ Пекинѣ не мало, но онѣ совсѣмъ не таковы, какъ въ другихъ восточныхъ городахъ: тихи и скромны до того, что даже не лаютъ, не только-что не кусаютъ. Будочники занимаются откармливаніемъ ихъ для продажи.

Вы видите, что здѣсь на улицахъ зрѣлищъ больше, чѣмъ въ любомъ городѣ Востока, и столько же, если даже не больше, сколько въ столицахъ Италіи и Франціи. Дѣловая жизнь укрывается внутри домовъ и лавокъ. Домовъ вы не увидите съ улицы: они сокрыты въ лабиринтѣ маленькихъ дворовъ, и ни одно окно не выходитъ изъ-за стѣнъ этихъ дворовъ: это ужъ совершенный Востокъ, гдѣ внутренняя жизнь человѣка глубоко сокрыта отъ постороннихъ взоровъ и гдѣ всего яснѣе опредѣляется раздѣленіе общества на семейства, какъ было во времена патріархальныхъ.

Долго, часа полтора, вѣхали мы городомъ при много-

численномъ стеченіи любопытныхъ, изъ которыхъ иные, особенно женщины, нарочно выѣзжали на края дороги и останавливались въ своихъ полуоткрытыхъ экипажахъ, чтобъ посмотрѣть на пришельцевъ изъ странъ далекихъ. И дѣйствительно, не могли не удивлять ихъ наши военныя и духовныя платья, столь отличныя отъ ихъ, особенно военныя, молодецкій и здоровый видъ казаковъ, такъ рѣзко отличающихся отъ щедушныхъ Китайцевъ; наконецъ, новость предмета, — а новости такъ рѣдко встрѣчаются въ Пекинѣ, — все вызывало на улицу Китайцевъ, жаждущихъ всякаго рода зрѣлищъ, людей праздныхъ, которыхъ и здѣсь не мало.

Ранѣ полудня пріѣхали мы въ наше южное подворье, гдѣ ожидали насъ архимандритъ, духовные члены миссіи и Албазинцы — старики, молодые, женщины, дѣти, словомъ, все населеніе Албазинцевъ, простирающееся до ста человѣкъ. Странно было видѣть этихъ людей, потомковъ коренныхъ Русскихъ, которые ни одеждой, ни языкомъ, ни чертами лица не напоминали Русскихъ. Всѣ мы отправились въ церковь отслужить благодарственный молебенъ, и отрадно было душѣ слышать хоръ пѣвчихъ, прекрасно составленный заботами нашей миссіи изъ этихъ же Албазинцевъ, которыхъ мягкое произношеніе напоминало мнѣ священнослуженіе въ славянскихъ церквяхъ на югѣ Европы, особенно въ Триестѣ.

Послѣ молебна, гостепріимная миссія угостила насъ, по русскому обычаю, роскошнымъ завтракомъ, а потомъ обѣдомъ, который намъ показался еще роскошнѣе послѣ сухарей Монголіи и несовсѣмъ вкусной пицци въ

трактирахъ Китая. Особенно мягкій хлѣбъ составлялъ предметъ необыкновенной роскоши: около двухъ съ половиною мѣсяцевъ мы не ѣли его. Вечеромъ всѣ разбрелись по своимъ кельямъ: новые миссіонеры — довольные счастливымъ окончаніемъ продолжительнаго странствованія; старые — обновленные вѣстями о Россіи, полные надеждой на скорый возвратъ на родину. Какъ въ этотъ вечеръ показались отрадны покой и тишина!

У насъ, въ Пекинѣ, два подворья. Южное подворье находится на улицѣ Дун-цзянь-ми-сянь и извѣстно у Китайцевъ подъ названіемъ Хой-тхун-гуанъ; при немъ Стрѣтенскій Монастырь. Сѣверное извѣстно подъ именемъ Бей-тханъ; здѣсь церковь Успенія Пресвятой Богородицы, а также школа для Албазинцевъ и обсерваторія. Разстояніе между сѣвернымъ и южнымъ подворьями верстъ 9-ть или 8-мѣ. Я, съ казаками и съ болѣею частью членовъ новой миссіи, помѣстился въ южномъ подворьѣ, гдѣ находится казенный посольскій домъ, выстроенный китайскимъ правительствомъ, которое также отпускаетъ извѣстную сумму на поддержаніе его; но этихъ денегъ мы, конечно, не видимъ, и зданіе поддерживается насчетъ нашего правительства. У главныхъ воротъ есть домъ для китайскаго чиновника; но нынче приставъ не живетъ здѣсь, и только офиціальныи привратникъ находится постоянно при подворьѣ; здѣсь есть даже кумирня, словомъ, всѣ принадлежности *Я-маня*, казеннаго мѣста; но сѣверное подворье состоитъ на правахъ частнаго дома. Здѣшняя церковь первоначально передѣлана изъ китайской ку-

мирни, уступленной Русскимъ, пришедшимъ изъ Албазина.

Кромѣ подворьевъ, у насъ есть земли за городомъ и въ самомъ Пекинѣ нѣсколько домовъ и лавокъ, изъ которыхъ нѣкоторые пожертвованы монастырю въ старинныя времена русскими купцами, торговавшими нѣкогда въ Пекинѣ, и составляютъ источникъ монастырскихъ доходовъ; но самое священное для насъ мѣсто, которое мы посѣтили послѣ нашего пріѣзда въ Пекинъ,—это кладбище миссіи. Здѣсь, на могилѣ еще свѣжей одного изъ членовъ миссіи, Горскаго, подававшаго такія блестящія надежды, отслужили панихиду. Кладбище миссіи, увы! довольно наполнено могилами; но не должно забывать, что оно существуетъ около столѣтъ. Окруженное высокимъ заборомъ, расположенное между прекрасными вѣтвистыми деревьями тополей и бѣлокорыхъ кедровъ, оно тихо и недоступно городскому шуму: здѣсь забываешь, что находишься въ нѣсколькихъ шагахъ за городской стѣной. Небольшой домикъ, построенный внутри ограды, въ лѣтнее время часто служитъ пріютомъ для нашихъ миссіонеровъ; на кладбищѣ повсюду видна ихъ заботливость украсить это жилище вѣчнаго покоя бывшихъ своихъ товарищей: деревья подчищены, могилы обложены свѣжимъ дерномъ, памятники и кресты обновлены. Китайцы, у которыхъ попечительность о кладбищахъ своихъ предковъ составляетъ одну изъ первыхъ добродѣтелей, нѣсколько разъ отдавали справедливость чувствамъ, одушевлявшимъ въ этомъ случаѣ русскихъ миссіонеровъ.

Кромѣ этого, у насъ есть старое купеческое клад-

бище, получившее свое начало еще во время царствования Петра Великаго, когда наши торговые караваны ходили въ Пекинъ; оно откинута на выгонъ, гдѣ хоронятъ бѣдныхъ. Это кладбище было запущено и во многихъ мѣстахъ обвалилось; но нынче мы обнесли его стѣной, и самый пригорокъ, на которомъ оно расположено, укрѣпили и обложили дерномъ.

Кладбище европейскихъ римско-католическихъ миссіонеровъ завѣщено послѣднимъ ихъ епископомъ, Піусомъ, также заботливости нашей миссіи. Оно расположено въ прекрасномъ саду и украшено многими великолѣпными памятниками, изъ которыхъ иные сооружены китайскимъ правительствомъ, въ награду особенныхъ заслугъ, оказанныхъ покойными, какъ свидѣлствуютъ китайскія надписи. Кладбище содержится въ совершенномъ порядкѣ доходами, которые собираются съ находящагося возлѣ него большаго огорода и виноградниковъ, разведенныхъ португальскими миссіонерами. Монастырь португальскихъ миссіонеровъ, основанный въ 1572 г., отличался своимъ великолѣпиемъ. Нынче церковь находится въ совершенномъ запустѣніи, однако еще сохранилась; французская же давно разрушена; на ея мѣстѣ частный домъ.

Наше южное, какъ и сѣверное, подворье, подобно многимъ богатымъ жилищамъ въ Пекинѣ, состоитъ изъ нѣсколькихъ домиковъ, запутанныхъ въ дворахъ и переходахъ, погруженныхъ въ зелень садовъ и цвѣтниковъ. Каждое дерево носитъ воспоминаніе кого-нибудь изъ членовъ миссіи, нынѣшней или прежде-бывшей, живаго или усопшаго, со времени основанія самаго по-

дворья; это — поэзія монастыря. Дома полукитайской, полурусской архитектуры, болѣе китайской; но стеклянные окна и мебель напоминаютъ Европу. Мы размѣстились довольно удобно.

И потекла жизнь иная, жизнь пекинская, нелишенная также заботъ и печалей, хотя другихъ заботъ, другихъ печалей, чѣмъ были на пути въ Монголію.

ПУТЕВОЙ ЖУРНАЛЪ.

ПУТЕВОЙ ЖУРНАЛЪ ОТЪ ГРАНИЦЫ РУССКОЙ ДО ПЕКИНА, 1849 Г.

Числа мѣсяца.	Названіе станцій.	Разстояніе.	Травы и вода на станціи.	Направленіе пути и описаніе его.	Состояніе термометра, барометра и психрометра.
Іюль. 19. Вторникъ.	<i>Кяхта.</i> <i>Гилаи-нѣръ.</i> Три названія этой станціи: 1) <i>Гилаи-нѣръ</i>, бѣлая озера; 2) <i>Босоид</i>, порогъ, граница; 3) <i>Бура</i>, верблюды. Первыя названія понятны; а послѣднему нѣтъ объясненія.	Версты опредѣляли верблюдами или лошадинымъ холмомъ. 8 верстъ.	Въ окрестностяхъ Кяхты травы плохи. Травы—бѣдны. Вода ключевая, хорошая.	Станція въ ложбинѣ; долина тянется съ запада къ востоку, между горами кяхтинскими и Синимъ хребтомъ, <i>Куку-норѣ</i>, значительно склоняясь до станціи, а за нею поднимается. Дорога извивается по этому склону между кустами ириса; грунтъ песчаный. По ложбинѣ тянется, отъ запада къ востоку, цѣнь небольшихъ озеръ, связываемыхъ ручьемъ. Послѣ сухаго лѣтняго года, осталось только одно, болѣе значительное, озеро, крайнее къ востоку. Направл. SW (10°).	8 ч. утра: Bar. 748 minim. 12 ч. T. R. 18°, 4. Погода тихая и ясная. 9 ч. веч. B. 760, 3. T. 12, 8.
20.	<i>Эбицыкъ.</i> Названіе заимствовано отъ рѣчки — шель, разрывъ. Монголы говорятъ, что оно произошло отъ болотистыхъ береговъ, въ которыхъ скотъ, проступаясь, дѣлаетъ глубокіе просовы. Рѣчка идетъ съ юга на сѣверо-постокъ. Выше, въ ущельѣ, съ ней соединился ручей <i>Могой</i>, змѣя; тамъ водятся змѣи.	23 верстъ.	Трава очень хорошая; вода также. Особенность долины — солончаки, стоящіе лужами восточныхъ горъ.	Первыя три версты, долина поднимается; возвышенія не велики и пологи. По сторонамъ густой лѣсокъ, тянувшійся съ сѣвера на югъ; черезъ пять, шесть верстъ, онъ скрылся, отошелъ далеко на западъ; черезъ семь верстъ дорога вошла въ него, и только за три версты до Эбицыка вышла. Открылась долина, сперва довольно широкая, потомъ суживающаяся въ ущелье. По ней извивается рѣчка Эбицыкъ; мы перешли ее въ самомъ началѣ долины, и остановились на ней же передъ поворотомъ дороги къ востоку на гору. Направл. первыя 17 в. S. E. (3°). послѣднія 8 — S. W. (13°).	Тихо и ясно. 4 ч. утра: B. 760, 3. T. 1° 8. 12 ч. B. 750. T. 16, 2. 4 ч. веч. 20, 4 Ps. 14, 0 6 ч. B. 750. T. 21, 2. 15, 8 Ps. 19, 2 9 ч. B. 750. T. 12, 4. 10, 2. Ps. 11, 2.

Числа мѣсяца.	Названіе станцій.	Разстояніе.	Травы и вода на станцій.	Направленіе пути и описаніе его.	Состояніе термометра, барометра и психрометра.
21.	<i>Юро.</i> Названіе по рѣкѣ. Значеніе—счастливый, благословенный, богатый. Юро, дѣйствительно, рѣка богатая, въ сравненіи съ прочими дѣшними рѣчками, широка, мѣстами глубока, быстра, необыкновенно чиста, прозрачна; вода весьма вкусная.	23 версты.	Травы очень хороши. Отъ станціи внизъ рѣка поросла тальникомъ. По лѣвому берегу растутъ еще мелкіе золотарникъ. Юро протекаетъ горъ прокрадывается ручей <i>Хангай</i> , укрываясь въ широкое и глубокое оврагѣ, поросшемъ высокой и густой травой и березнякомъ. До долины верстъ 7; долиною Юро замыкается уваломъ крутымъ и высокимъ. Отсюда, дѣлая на лѣвомъ берегу, ложится на спускающемся; горы совершенно голыя, мѣстами скалистые. Верстахъ въ двухъ отъ увала, влѣвъ, ключъ; въ 4 верстахъ грунтъ въ ущельѣ значительно измѣнился; долина суха, песчаная, голѣе; не рѣдко выходятъ на дорогу камни. Юро бѣжитъ по долині, протянувшейся съ востока къ западу; станція на лѣвомъ берегу, противъ густого тальника; переправа черезъ рѣчку совершена благополучно.	Дорога, прямо отъ станціи, переходитъ гряду горъ, тянущуюся по восточной сторонѣ Эбицка и идетъ по волнистому скату. Спустились въ другую привольную долину: она тянется съ юга на сѣверъ, въ началѣ довольно широка, потомъ суживается въ тѣсную долину. Горы очень живописны, мѣстами покрыты березнякомъ; травы въ долині превосходныя; у подошвы восточныхъ горъ прокрадывается ручей <i>Хангай</i> , укрываясь въ широкое и глубокое оврагѣ, поросшемъ высокой и густой травой и березнякомъ. До долины верстъ 7; долиною Юро замыкается уваломъ крутымъ и высокимъ. Отсюда, дѣлая на лѣвомъ берегу, ложится на спускающемся; горы совершенно голыя, мѣстами скалистые. Верстахъ въ двухъ отъ увала, влѣвъ, ключъ; въ 4 верстахъ грунтъ въ ущельѣ значительно измѣнился; долина суха, песчаная, голѣе; не рѣдко выходятъ на дорогу камни. Юро бѣжитъ по долині, протянувшейся съ востока къ западу; станція на лѣвомъ берегу, противъ густого тальника; переправа черезъ рѣчку совершена благополучно. Направл. постоянно S. W. (40° 20°.)	3 ч. утра В. 749,5. Т. 12, 0. Ps. 9, 1. 7, 2. 7 ч. Т. 18°. 10 ч. Т. 22°. 1 ч. В. 764. Т. 23, 4. 20, 8. Ps. 24, 2. 3 ч. веч. В. 764. Т. 24, 6. 20, 8. Ps. 24, 2. Погода во весь день ясная.
22.	<i>Диевали.</i>				8 ч. утра. Т. 23, 5. Погода во весь день ясная, тихая, жаркая.
23.	<i>Кунтуиъ,</i> Холодный. Мѣсто будто-бы зимою очень холодное. Другое названіе <i>дирэ-суту булуиъ</i> , трава бѣлоусъ; за рѣчкой, дѣйствительно, бѣлѣтся весьма рѣдкій и не высокій ковыль.	31 верста.	Рѣчка во рву дно песчаное, рѣдко каменистое; мѣстами болотистое; вода—вкусная. Травы — порядочныя.	Дорога идетъ постоянно прямо на югъ, между возвышеніями и по возвышеніямъ, безпрестанно то спускаясь, то поднимаясь. Мѣстность кругомъ чрезвычайно холмистая; на 20 — 22 верстѣ, вправѣ, высокое и широкое ущелье какъ будто ворота, открывающія входъ на обширную равнину, падали которой обрывистые утесы, какъ угрюмые замки средневѣковые. Версты за 3 — 4 до Кунтуна начался непрерывный спускъ, очень отлогій. Станція въ узкой долині, сопровождающей небольшую рѣчку, Кунтуиъ, текущую съ юго-востока на сѣверо-западъ. Горы южной стороны — песчаныя, обрывистыя, мѣстами покрытыя рѣдкимъ лѣсомъ, какъ то рѣдко дикі.	8 ч. утра Т. 18, 0. 12 ч. Т. 18, 2. 3 ч. веч. 21, 2. 6 ч. — 19, 6. Ps. 16, 3. 15, 3. Все утро дождь, по временамъ очень сильный. Съ 2 ч. погода стала разясняться.

Числа мѣсяца.	Названіе станцій.	Разстояніе.	Травы и вода на станціи.	Направленіе пути и описаніе его.	Состояніе термометра, барометра и психрометра.
24.	<i>Шара-голь,</i> Желтая рѣка. Дно рѣчки, большей частью, желтого песку; вода очень прозрачна. Другія названія: 1) <i>Иолту</i> , святиня: къ востоку отъ станціи, за возвышеніемъ, есть гора, по преимуществу посвященная молитвамъ. 2) <i>Урмукту</i> .	23 версты.	По лѣвому берегу, болѣе низменному, травы яркія красныя. Вода очень хорошая; течетъ довольно быстро, по камнямъ.	Первыя пять — шесть версты мѣстность весьма волнистая: холмы, пади, овраги. Извиваясь между ними, дорога идетъ сперва прямо на югъ, потомъ на юго-востокъ. Передъ нимъ, у самой дороги, <i>обо</i> . Въ перелѣскѣ крутые спуски и пески. Отъ него — холмистою ложбиною между грядями холмовъ, до мѣста, гдѣ подходитъ къ дорогѣ (справа) рѣчка <i>Шара</i> около 3 версты. Обогнувъ длинный холмъ, дорога вышла на широкую долину, облегаемую небольшими, но довольно правильно тянущимися возвышеніями.	6 ч. утра Т. 14, 2. 13, 2. Ps. 13, 4. 9 ч. Т. 20, 6. 12 ч. Т. 22, 0. 3 ч. Т. 26, 0. 6 ч. Т. 23, 0. 9 ч. Т. 16, 7. 14, 7. Ps. 14, 9. 12 ч. ночи Т. 14, 6. 12, 8. Ps. 12, 4.
25.	<i>Диевали.</i>			Правая (западная) половина долины — ниже; по ней извивается рѣчка; настибна превосходная; много юртъ. Станція представляетъ видъ огромной котловины; рѣчка <i>Шара</i> перерѣзываетъ ее съ юго-востока на сѣверо-западъ; на сѣверо-восточномъ ея углу довольно высокая, ликая, скалистая гора, поросшая мхомъ: это и есть <i>Урмукту</i> . Направл. SSE (0°).	8 ч. утра Т. 15, 6. 13, 8. Ps. 13, 2. 12 ч. Т. 24, 4. 19, 9. Ps. 22, 4. 2 ч. Т. 24, 1. 22, 4. Ps. 22, 9. 7 ч. веч. Т. 22, 2. 18, 7. Ps. 18, 9. 10 ч. Т. 14, 6. 13, 8. Ps. 13, 4. Ночью — minim. — 10, 73.
26.	<i>Бани-голь,</i> Богатая рѣка. Станція возлѣ самаго берега. Почему ручеекъ называется богатой рѣчкой, — неизвѣстно. Развѣ потому, что послѣ дождя быстро наполняется водою съ горъ, по подошвѣ которыхъ извивается.	17 версты.	Рѣчка бѣжитъ съ сѣвера на югъ. Дно песчаное, берега часто болотистые; вода хороша; только послѣ дождя чрезвычайнута. Травы очень хороши, — по рѣчкѣ	Первыя двѣ версты почти на востокъ по долинѣ. Слѣдующія 10 версты прямо на югъ по мѣстности, далеко кругомъ открытой, слегка волнистой; почва мягкая, травы мѣстами превосходныя, особенно въ палихъ. Съ 13 версты начались опять пригорки, холмы; вправѣ — черная скалистая гора; отъ нея дорога уклоняется къ востоку; открывается небольшая долина, сильно наклоненная къ подошвѣ цѣпи горъ, тянущихся по восточной ея сторонѣ; а на югѣ и на юго-западѣ открылись въ	6 ч. утра Т. 16°. Мелкій дождь. 12 ч. Т. 20, 8. Громъ, буря. 3 ч. Т. 18, 8. Сильный дождь на 3 ми. 9 ч. Т. 14, 2.

Числа мѣсяца.	Названіе станцій.	Разстояніе.	Травы и вода на станціи.	Направленіе пути и описаніе его.	Состояніе термометра, барометра и психрометра.
27.	<i>Хара-голь,</i> Черная рѣка; хорошая рѣка. Первое значеніе годится, потому что цвѣтъ воды, дѣйствительно темный; дно рѣчки или илистое или густо насланный мелкій сѣрый камень. И второе также годится: вода очень хороша, и много.	18 верстѣ. Обозъ пришелъ въ 11 часовъ ночи.	Рѣка идетъ сѣверо-востока на западъ; ширина около 3 саж., глубина въ средній ростъ человѣка, но большей частью только по грудь; теченіе довольно быстрое. Впаденіе долины позволяетъ ей иногда пересыхать. Трава вообще хороша.	Переходъ черезъ два высокіе хребта; обозы прежнихъ дней не могли одолѣть его въ одинъ день. Потомъ дорога вошла въ узкое ущелье, и, едва замѣтная сперва, пробирается по крутымъ бокамъ его; въ срединѣ обрывается въ глубокой оврагъ, прорытый стремительными потоками дождей и снѣговъ потоками съ высокихъ горъ; подъемъ крутъ, весьма длинный, и въ добавокъ очень каменистый. Поднимались пять часовъ. Ущелье и на самомъ верху подъема: по сторонамъ стоятъ высокія, очень выходящія и крутыя горы. Мѣсто это называется <i>Тулундэй</i> , безпрерывные и сильныя вѣтры. Съ вершины западной горы, виды кругомъ весьма живописны и поразительны. На южномъ скатѣ ея — нещера. Восточная гора тянется грядой, поросла лѣсомъ. На дорогѣ, на верху подъема, огромное <i>обб</i> . На камняхъ его можно отыскать, кромѣ тибетскихъ и монгольскихъ, русскія надписи. Спускъ очень крутъ; долина широка, дорога по ней идетъ, около 3 верстѣ, держась восточной гряды, прямо на югъ, и по выходѣ изъ нея поворачиваетъ на востокъ въ ущелье. Переходъ круто поднимающійся на 2 или 3 верстахъ, обвивая полукругъ къ востоку. Наверху подъема, съ лѣва — утесы, справа — отлого поднимающаяся гора, съ густымъ лѣсомъ на скатѣ. Спускъ длинный, довольно крутой, по косогору, до самой долины станціи; утесистыя горы лѣвой стороны отступили къ сѣверу, къ дорогѣ, передъ выходомъ ея въ долину. По долинѣ — около 2 верстѣ до станціи. Направл. SE: прямая линія была бы не длиннѣе 13 верстѣ, даже, быть можетъ, менѣе.	Сильный вѣтеръ. Рс. $\frac{10, 2}{11, 1}$. Ночью, minim. + 6, 2. 6 ч. утра Т. 11°. 12 ч. 18, 3. 3 ч. 22, 6. Погода во весь день стояла ясная. 9 ч. вечера. Т. 12, 9. Ночью minim. + 3, 2.
28.	<i>Хорилту.</i> Мѣсто пирова. Давно уже, говорятъ, не бывало въ здѣшнихъ Нонискихъ лѣсахъ облавы звѣрей. О пирахъ знаютъ только по преданію.	20 верстѣ.	Травы въ долинахъ скудны, скапливаются по Нонискимъ горамъ. Есть рѣчка — <i>Дро</i> (дождь), медленно текущая сѣверъ; вода въ ней мутна, но вкусна.	Переправились черезъ <i>Хараголь</i> вбродъ. Дорога идетъ еще долиною, на востокъ, версты полторы, и поворачиваетъ въ открывшуюся на юго-востокъ другую долину, облегаемую небольшими возвышеніями, до самой станціи. Дорога по ней ровная, мягкая. Почва весьма тучная; видны слѣды прежняго хлѣбопашества; но пѣтъ уже рѣчки, некогда орошавшей долину; остался сухой ровъ. На 15 — 16 верстѣ, влѣвъ — старая большая кумирня,	6 ч. утра. Т. 8, 6. 12 ч. 23, 8. 7 ч. вечера. Т. 12, 4. Рс. $\frac{10, 8}{12, 6}$. Погода во весь день тихая, ясная.

Числа мѣсяца.	Названіе станцій.	Разстояніе.	Травы и вода на станціи.	Направленіе пути и описаніе его.	Состояніе термометра, барометра и психрометра.
29.	Дневали.			рабесенная весьма толстымъ тыномъ. Къ концу, дорога поднялась на два пригорка; со втораго спустились къ востоку, за рѣчку. Станція — широкая ложбина, тянувшаяся съ сѣверо-востока къ юго-западу. Направленіе SE. По прямой линіи было бы немного менѣе двадцати верстъ.	Ночью minim. — 4, 3. 7 ч. утра T. 13, 3. Ps. 11, 0. 13, 3. 12 ч. T. 21, 1. Ps. 14, 0. 20, 3. 3 ч. веч. T. 18, 4. Ps. 12, 8. 18, 2. Весь день тихій, ясный. Ночью, minim. — 6, 2.
30.	Хунцакъ, По долинь, встарину, росло много травы Хунцакъ.	28 верстъ.	Проточной воды на станціи нѣтъ. Выше къ востоку — цѣль озера противъ станціи на сѣверѣ, колодезь съ порядочной водой. Травы порядочныя.	Вышли на дорогу, обогнувъ южную гору; долина продолжается, и въ прежнемъ направленіи; на ней, влѣвъ, нѣсколькимъ зимнихъ станцій. Черезъ три версты, дорога поворачиваетъ изъ долины, къ юго-западу, на невысокій, пологій увалъ съ длиннымъ подъемомъ. Спустившись нѣсколько въ промежуточную ложбину, всходить еще на увалъ и потомъ спускается къ югу въ узкую долину, весьма ровную; долиною верстъ 7. Она замыкается небольшими холмами; дорога проходитъ въ промежуткѣ ихъ, черезъ небольшой увалъ. Спускъ крутой и падаетъ глубоко; узкая ложбина, расширяющаяся потомъ въ долину; дорога поворачиваетъ къ юго-западу и идетъ долиною, очень наклонною впередъ, верстъ 12. Замыкается уваломъ, подошедшимъ отъ западной гряды горъ; подъемъ пологій, но очень длинный, и отъ дождей скользкій; почва — суглинистый черноземъ. Спускъ также очень пологій и длинный, на 3 — 4 версты, до самой станціи. Станція въ ложбинѣ между небольшими пологими возвышеніями, проходящими съ сѣверо-востока къ юго-западу. Направл. вообще SSE.	3 ч. утра T. 7, 8. Ps. 7, 6. 8, 2. Дождевая облака. 9 ч. дождь. T. 13, 3. 12 ч. T. 13, 7. 8 ч. веч. T. 8, 8. Ps. 8, 6. 9, 0. Дождь продолжался непрерывно до 10 часовъ вечера.

Числа мѣ- сяца.	Названіе станцій.	Разстояніе.	Травы и вода въ станціи.	Направленіе пути и описаніе его.	Состояніе термомет- ра, барометра и психрометра.
31.	<i>Бургултай.</i> Названіе по рѣчкѣ, выходя- щей съ горъ <i>Бургултайскихъ</i> . А что значить Бургултай, не знаютъ и сами Монголы.	19 верстъ.	На третьей вѣтви. Вышедши на дорогу, стали подниматься на пригорокъ, стѣ, по выходѣ Подъемъ отлогіи, весьма длинный. Спустившись въ до- лину, рѣчка довольно глубокою ложбину, поднялись на другой приго- сякла; передъ станціею, но круче и выше перваго. Пять верстъ направле- ніей она переище — юго-восточное. Долиною, между небольшими и дорогу совершеннологими возвышеніями, также верстъ 3; направл. — къ по — сухая. Прог. Правая ее половина — много ниже лѣвой; на ней тивъ станціи, окрѣде было нѣсколько озеръ; пѣи въ одномъ только вновь наполняеи стѣ стоитъ лужа послѣ дождя. Показалась гряда горъ, изъ ключей, падающихъ съ запада и сѣверо-востока, высокихъ, крутыхъ, лишихъ въ тои острыми гребнями; особенно хороши западные, у по- нихъ ее берегахъ шовы которыхъ рѣчка. За ними долина постоянно и зна- и прекрасная кинительно падающая впередъ, усыпана мелкими камнями; чевая вода подли подошвѣ западныхъ горъ извивается рѣчка — Бур- чааетъ въ ней бѣгатай; на пространствѣ 9 — 10 верстъ, она дѣлаетъ по- лотный вкусъ. Горы вмѣстѣ съ горами — на югъ, юго-востокъ и пря- Травы порядкомъ на востокъ. Станція — на половинѣ послѣдняго ее про- ния въ сырыхъ мѣстахъ кѣ востоку.	Прямая линія перехода — SE, и не болѣе 13 верстъ.	6 ч. утра Т. 9°. 12 ч. Т. 19, 1. 1 ч. Т. 17, 3. 12, 1. Ps. 16, 4. День — ясный, по- года — тихая. Въ 4 часа подни- мался сильный вѣ- теръ. 7 ч. веч. Т. В. 8. Ночью minim. + 0. 5.
Августъ. 1.	<i>Гунту.</i> Горы здѣшнія съ заповѣдны- ми по нимъ лѣсами, принадле- жать владѣтелю, <i>гунту</i> .	27 верстъ.	Изъ-подъ Гунту. Черезъ полторы версты долина кончилась. Горы по- пробивается ключомъ кѣ югу полъ прямымъ угломъ; на поворотѣ вы- прекрасной водной величественный утѣсь. Сѣверная гряда потянулась только ее оченале на востокъ; отъ ней кѣ югу, въ паралелъ поворо- мало, — на мѣсту южной горы, потянулся полукругомъ валь. омывае- станціи, она едваи влизу рѣчкою — Бургултай. Онъ, вскорѣ, черезъ вер- едла скопается иту, кончился довольно высокимъ, обрывистымъ мысомъ; лужицу, изъ вѣчка, обоядя его, побѣжала кѣ сѣверо-востоку въ горы. торой можно бѣторы эти черезъ лѣв — три версты, подошли опять кѣ ло черпать кондорѣ; при подошвѣ ихъ течетъ уже другая рѣчка — Хой, шомъ. Травы п вышедшая издалека съ юга. Далѣе, дорога идетъ въ до- ручью хороши, пѣи кѣ юго-востоку; на шестой верствѣ по ней течетъ по скату горы, кѣ востоку рѣчка <i>Наринъ</i> .	Отсюда дорога постепенно спускается кѣ низмилъ, про- етшей широкой полосой у подошвы восточной гряды, и черезъ 13 верстъ подходитъ кѣ углу этой гряды, кру- ю поворотившей кѣ востоку; тутъ, перейдя черезъ рѣч- ку, долиной, достигли самой станціи; близъ ней извиваетъ- ся рѣчка Гунту, безводная; сѣверныя горы — чѣмъ да- лѣе, все круче, выше, обрывистѣе. Станція у самаго Гун- ту, замыкающаго ложбину; южныя горы одѣты лѣсомъ.	3 ч. утра Т. 1, 2. 0, 6. Ps. 0, 7. 9 ч. Т. 17, 3. 1 ч. Т. 22°. Ps. 14, 2. 20, 7. 7 ч. веч. Т. 10, 6. Ps. 7, 4. 8, 8. Весь день — я- сный, тихій. Minimum. + 6, 5.
2.	<i>Урга.</i> Мѣстопребываніе Правителей Монголіи. <i>Курэнъ</i> — дворецъ, по Монгол.	20 верстъ.	Воды кругомъ. Подъемъ на Гунту — прямо кѣ востоку, крутой, весьма весьма много. Крутой (цѣлую версту), довольно ровный, по устан- мѣ Сѣльби есть еиный камнями. Спускъ почти также крутъ; при концѣ	3 ч. утра Т. 8, 0. 10 ч. Т. 16, 4.	

Числа мѣсяца.	Названіе станцій.	Разстояніе.	Травы и вода на станціи.	Направленіе пути и описаніе его.	Состояніе термометра, барометра и психрометра.
3 — 6.	Диепали.		большая рѣка Тога и Улясыту.	пуска, переходить дорогу ручей, вышедший изъ подъ Гунту. Долина не широкая, поворачивающаяся постепенно на югъ; мѣстность въ ней ровная, нѣсколько наклонная впередъ; у подошвы восточной гряды — р. Сельба, которая потомъ выходитъ на средину долины, и извивается, какъ змѣя; дорога нѣсколько разъ пересѣкаетъ ее; восточныя горы — весьма живописны. Верстъ за 7 до Урги, по скату, красивыя, въ тибетскомъ вкусѣ, кумирни, — группичныя зданія. Въ двухъ отсюда верстахъ, на долину, передъ огромнымъ, выдавшимся мысомъ, — на восточной же сторонѣ, — обширная кумирня. Отсюда открывается впередъ огромная равнина. Подворье — на углу поворота долины къ востоку. Урга — на одной съ нимъ чертѣ, верстахъ въ двухъ къ западу, по срединѣ площади. Къ востоку: знаменитая Хан-ола, составляющая южную грань долины.	Весь день ясный и тихій. 8 ч. веч. Т. 13, 1. 3-го былъ дождь.
7.	Найдѣха.	33 верстъ.	Травы хороши. Вода въ колодезѣ нѣкогда хороша, нынѣ очень дурная, — гнилая. Мы поздно узнали, что верстахъ въ двухъ на юго-западѣ ея ручей хорошей воды, хотя довольно скудный.	Полюбовавшись вскользь чуднымъ видомъ Урги, облитой утренними лучами, тотчасъ же съ подворья повернули къ востоку. Черезъ 4 версты Ургинскій Маймаченъ; дорога обходитъ его съ сѣверной стороны. Рѣка Улясыту раздѣлена на нѣсколько рукавовъ, для орошенія всѣхъ орошительныхъ Маймаченскихъ. Черезъ версту знаменитая ола, быстрая, шумная, какъ будто кипящая: мы переѣхали шесть рукавовъ ея, и вездѣ она одинакова; можно переѣзжать въ бродѣ. Отъ рѣки долина къ востоку идетъ еще верстъ 3, и поворачивается къ югу. Съ поворотомъ она становится волнистою, постепенно поднимаясь на уровни съ горами; у подошвы Хан-олы извивается большой ручей — Куль (вода его весьма холодна + 7 ¹ / ₂ °) — верстъ черезъ 17 отъ поворота, дорога поднялась высоко, она камениста. Спускъ очень отлогій, на 6 — 7 верстъ до самой станціи, по твердому деревянному грунту. Станція на огромной круглой площади, обставленной рами и перерѣзываемой безводною рѣчкой Палайха.	Прочіе дни проведенные въ Ургѣ были ясные, болѣею частью вѣтренныя. 6 ч. утра. Т. 9, 3. 12 ч. 13, 8.
8.	Гакца-Худукъ.	40 верстъ.	Травы — очень хороши. Воды довольно и въ колодезѣ на станціи, въ озерѣхъ близъ станціи. Озера	Дорога идетъ мѣстностью слегка волнистою, — значительныхъ холмовъ нѣтъ и по сторонамъ. На 8 верстъ дорога входитъ въ узкую ложбину, и ею идетъ, около 6 верстъ, до высокаго и крутаго увала, замыкающаго ложбину. Прямой на него подъемъ къ юго-востоку — крутъ, по ровнѣ; другой, къ юго-западу — отложе,	День вѣтренный и съ тучами. 8 ч. веч. 7, 6. 6 ч. Т. 2, 9. 12 ч. Т. 18, 9. День ясный, вѣтренный. 8 ч. веч. 11, 2.

Числа мѣсяца.	Названіе станцій.	Разстояніе.	Травы и вода в станціи.	Направленіе пути и описаніе его.	Состояніе термометра, барометра и психрометра.
9.	Диевали.		западными воз- шеніями.	но очень длиненъ, и къ самому верху — каменистъ, тѣ- зень, труднѣе перваго. Спускъ въ обѣихъ мѣстахъ — хо- рошъ. Дорога сначала, около 4 верстѣ, между холмами; по восточной сторонѣ они тянутся большею частью не высокою грядою, а по западной — безпорядочно. Передъ ними какъ-бы развалины огромной крѣпостной стѣны; по вершинѣ громоздятся утесы, — бока осыпаны кусками до- ломита. Дорога проходить по скату подошвы, весьма камениста, и потомъ идетъ уваломъ. Версты за 4 до станціи — прекрасная площадка, наклонная къ востоку, — и тамъ внизу нѣсколько озерковъ, — а съ запада проходить черезъ нее рѣчка. Станція въ ложбинѣ, между незначи- тельными возвышеніями. Направл. ЮВ.	6. ч. утра Т. 7, 9. 12 ч. 19, 8. День ясный и теплый. 8 ч. веч. 11, 9.
10.	Чжиргаланту, Обильный, вѣроятно, водою; тутъ нѣсколько озерковъ. Другое значеніе слова — счаст- ливый. И оно идетъ: мѣсто ос- частливлено пребываніемъ благо- дѣтельныхъ духовъ. Последняя хорошая станція; дальше — степь, на первой же станціи показывающая свой су- ровый характеръ.	39 верстѣ.	Травы прекр- сны; мѣстами таея мурава. Дно озера, бо- таго ключами, кая дресва, пес- и суглинокъ: в чи вздувають дно; скотъ за- валы тянутся большею частью съ запада на сѣверо-во- тывается ключи; да мутна и сто- только лужами; надо разобрать большую ямку, в силь въ нее ка- два — три для у- жания песку и в получается пре- сходная.	Узкая долина продолжалась еще верстѣ 10. Не высо- кая гряда холмовъ вдругъ повернула въ противополож- ные стороны: открылась обширѣйшая равнина, едва за- мѣтно поднимающаяся вперед. По равнинѣ гладь удив- ительно мелко-дресвяный: равниною 20 верстѣ; къ концу, верстахъ въ 3-хъ, равнина немного скло- няется: вперед — встала гряда холмовъ. На склонѣ, на самой дорогѣ и по сторонамъ нѣсколько солончаковъ. Валы тянутся большею частью съ запада на сѣверо-во- стокъ; дорога до самой станціи постоянно поднимается на нихъ; подъемы и спуски отлоги. Станція — въ ложби- нѣ; вперед — озера; а дальше, верстахъ въ 3-хъ, огром- ный круглый холмъ. Направл. постоянно ЮВ.	3 ч. утра Т. 10, 1. 12 ч. Т. 23, 3. День ясный. 8 ч. веч. 10, 8.
11.	Гильтегентэй, Блестящий; за что такое наз- ваніе станціи — неизвѣстно.	30 верстѣ.	Травы — все рѣдки, по до- точны. Противъ стани-	Первая треть перехода удерживаетъ еще характеръ хол- мистой мѣстности; дорога идетъ ложбинами и по пригор- камъ, — по сторонамъ холмы и увалы; зелень яркая, гус- тая. На 10-й верстѣ дорога входитъ въ такъ-называемый Ч. 1.	3 ч. утра Т. 8, 3. Дождь. 12 ч. Т. 22, 2. Ясно.

Числа мѣ- сяца.	Названіе станцій.	Разстояніе.	Травы и вода на станціи.	Направленіе пути и описаніе его.	Состояніе термомет- ра, барометра и психрометра.
			у самой дороги глорота: это не высокая горная цѣпь, тянущаяся съ юго- бокой колодезь; она пала къ сѣверо-востоку; въ ней небольшое ущелье, ды въ немъ мѣлали, дѣйствительно, представляющеея воротами. От- го, и очень сѣвернаго-то выходъ въ степь — Гоби. Опять открылась об- лая, но горько-сопирѣйшая равнина. До воротъ дорога шла извилисто, лечая.	склоняясь постоянно къ юго-западу. Равниною идетъ по- стоянно къ юго-востоку. Равнина на первыхъ 12 верстахъ незамѣтно поднимается; растительность еще очень хоро- шая,—травы луговые, испещренные красивыми цвѣтами. Къ верху подъема травы постепенно рѣдѣютъ, рѣдѣютъ; накопецъ, степь становится желтою. Послѣ 12 верстъ постояннаго подъема, равнина начала склоняться, — впе- реди открылась цѣпь возвышеній незначительныхъ съ выдавшеюся изъ нихъ огромною сопкою,—равнина стала волнистою; грунтъ въ ней песчаный, дресвянистый. Стан- ція—вправѣ отъ дороги, напротивъ сопки (Монголы ве- личаютъ ее горою Буда), на отлогомъ склонѣ къ юго- востоку, — къ горѣ. Направл. Ю.	8 ч. веч. Т. 14, 6. Дождь.
12.	Мукдунь. Грязный, пѣнистый. Во-пер- выхъ, здѣсь не мало озеръ — солончаковъ, которые у Монго- ловъ всегда мутны. Во-вторыхъ, берега озеръ не только грязны,— топки.	23 версты.	Травы кругомъ хороши. Въ окрестностяхъ рѣдко видѣются солончаки; за половиною перехода, много юртъ и на востокъ, вдали, высокая, уединенная гора — Еркѣту; при подножій ея много солончаковъ. Къ станціи, вправо вода меньше отъ дороги, озерка. Противъ станціи, за дорогой, два со- лона и горька, чѣмъ солончака рядомъ. Со станціи видны: впереди на юго-во- стоку, на предъидущемъ, знаменитый Дарханъ, на югъ и юго-западъ — гра- ды небольшихъ возвышеній, на сѣверѣ — Еркѣту; отъ него потянулись къ югу гряды горъ, но скоро оканчи- ваются; на востокъ — скалистый хребетъ Тѣно. Направл. постоянно ЮВ.	6 ч. утра Т. 12. Облачно. 7 ч. дождь и до 2 ч. пополудни. 12 ч. Т. 14, 8. 3 ч. Т. 13, 0. 8 ч. веч. Т. 10, 8	
13.	Диевали.				6 ч. утра Т. 10, 4. 12 ч. Т. 13, 6. Дождь. 8 ч. веч. 11, 6.
14.	Бумбатъ. Бумба у Монголовъ жертвен- ный стаканчикъ, изъ котораго они дѣлаютъ богамъ возпанія; онъ долженъ быть въ каждой семьѣ. Почему приложено названіе къ станціи, неизвѣстно.	13 версты.	Травы до полови- ны переѣзда при- личны. Станція на склонѣ равнины едва за- мѣтна. Передъ нею, на восточной сторонѣ, тянется очень пологое и небольшое возвышеніе валою, за которымъ, впрочемъ, скрываются и Дарханъ и Тоно; позади стан- ціи — озерко, солончакъ, и два колодца. Направл. постоянно ЮВ.	6 ч. утра Т. 14, 3. 12 ч. Т. 14, 1. Небольшой дождь. 8 ч. веч. Т. 11, 4. Ясно.	

Числа мѣ- сяца.	Названіе станцій.	Разстояніе.	Травы и вода въ станціи.	Направленіе пути и описаніе его.	Состояніе термомет- ра, барометра и психрометра.
15.	<i>Борд-хужиртѣ,</i> Сѣрые солончаки. Почему дано такое названіе мѣсту, неизвѣстно: въ окрестности невидать солон- чаковъ.	23 верстѣ.	Травы очень роши. Вода такъ весьма хороша ключей много. По- верху ручья, сѣмъ, до самой станціи; въ оврагахъ между увалами и сѣверо-западъ отъ верху самыхъ уваловъ — огромныя каменные массы, станціи, оврагъ; земли сброшенныя съ Дархана или продолженіе его края. и бока его, об- На половинѣ протяженія, у подошвы, кумирня. Станція желныя дожди противъ крайняго и самаго скалистаго гребня, при ручьѣ выказываютъ гл- Направл. ЮВ. нить; на оврагахъ плошадка, съ пр- красной густой тр- вой и двумя озе- ками.	Равнина продолжается еще верстѣ 13, постоянно вол- нистая и наклонная впередъ, къ подошвѣ Дархана. По- гои, по лѣвой сторонѣ дороги, потонулся Дарханъ; до- вольно крутымъ и высо- Вверху ручья, сѣмъ, до самой станціи; въ оврагахъ между увалами и сѣверо-западъ отъ верху самыхъ уваловъ — огромныя каменные массы, станціи, оврагъ; земли сброшенныя съ Дархана или продолженіе его края. и бока его, об- На половинѣ протяженія, у подошвы, кумирня. Станція желныя дожди противъ крайняго и самаго скалистаго гребня, при ручьѣ выказываютъ гл- Направл. ЮВ. нить; на оврагахъ плошадка, съ пр- красной густой тр- вой и двумя озе- ками.	6 ч. утра Т. 14, 8. 12 ч. Т. 16, 7. 3 ч. Т. 19, 9. День ясный и ти- хий. 8 ч. веч. Т. 11, 0. Minim + 3, 1.
16.	<i>Шибетѣ.</i> <i>Шибѣ</i> —крѣпость. Гора здѣш- ней станціи названа такъ, вѣро- ятно, потому, что выдавшіяся въ нѣкоторыхъ ея мѣстахъ скалы имѣютъ большое сходство съ развалинами крѣпостной стѣны.	23 версты.	Травы плохія окрестностяхъ. Вода въ двухъ колодцахъ хоро- шая.	Первая половина переѣзда довольно гориста; дорога извивается между холмами, часто всходитъ на увалы. спускается въ глубокія ложбины. Гора <i>Булайи</i> , распо- ложенная на подобіе согнутой руки (локтемъ на сѣ- веро-востокъ), заключаетъ собою гористую мѣстность. Отъ нея дорога идетъ прямо по равнинѣ, слегка волни- стой. Станція у одинокой круглой горы. Направл. ЮВ.	5 ч. утра Т. 9, 2. 6 ч. Т. 14, 4. 12 ч. 21, 4. День ясный и ти- хий. 8 ч. веч. 13, 1.
17.	<i>Шард-шаротѣ,</i> Желтый супесокъ. Таковъ, дѣйствительно, грунтъ на мѣстѣ станціи.	17 верстѣ.	Травы еще порѣ- дочны. Вода солѣ- новатая. Колодезь нѣтъ.	Равнина продолжается черезъ весь переѣздъ, и также легка волнистая. Грунтъ — крупный песокъ. Травы рѣ- дѣютъ болѣе и болѣе. Станція у двухъ озеръ; одно на правой, другое на лѣвой сторонѣ дороги. Направленіе на Ю.	5 ч. утра Т. 10, 2. 12 ч. Т. 20, 1. День ясный и ти- хий. 8 ч. веч. Т. 13. Min. + 6, 3.
18.	Дневали.				5 ч. утра 13, 1. 12 ч. 22, 2. 8 ч. 13, 6. Min. — 6, 1.
19.	<i>Бусын-чолу,</i> Каменный поясъ. Станція у огромной полосы скалы; она тя- нется съ запада къ востоку; ши-	20 верстѣ.	На станціи, вѣн- зу, нѣсколько чей и малень- озеро. Травы порѣ- дочныя только дочныя только	Первая половина переѣзда волниста; верхи нѣкоторыхъ уваловъ каменныя. На 3 верстѣ, вправѣ, — колодезь и половинѣ—дорога раздѣляется: которая предназначалась намъ, пошла восточнѣе, едва замѣтная— впоросла совершенно. Отсюда мѣстность ровнѣе и нѣсколь- ко склоняется впередъ. На послѣднихъ пяти верстахъ на-	5 ч. утра Т. 10, 11. Насмурно. 12 ч. 20, 4. Ясно. 8 ч. веч. 12, 0. Min. — 8 3.

Числа мѣсяца.	Названіе станцій.	Разстояніе.	Травы и вода на станціи.	Направленіе пути и описаніе его.	Состояніетермометра, барометра и психометра.
20.	рипа ея версты полторы, длины неизвѣстна. <i>Адак-жабцалъ.</i> Устье ушеля. Отсюда начались гряды холмовъ, между которыми второе ушелье, бывшее по дорогѣ.	35 верстъ.	ложбинѣ. По нимъ шли пески. Направл. вообще ЮЮВ. Станція въ ложбину, чрезвычайно низкая, передъ полосой скалъ, влѣвъ отъ дороги. рѣдки. Травъ черезъ все поле. Вѣтѣ въ каменномъ поясъ—широкая и ровная прогалина для переѣзда въ долину. За нимъ открылись въ безпорядкѣ выступившіе холмы. На 4-й верстѣ, вправѣ, у подошвы одного холма—ключъ съ хорошей водой; при немъ была станція дернута зеленая трава. На 7-й верстѣ, влѣвъ, на широкой площадке пригорка, <i>кысакъ-байшинъ</i>. Съ 8-й версты мѣстность ровная, потомъ пошли увалы, одинъ за другимъ. Вода въ двухъ одинъ другаго выше; подъемы отлоги, дорога гладкая, колодцахъ очень хорошая, дровянистая; изрѣдка и очень небольшіе промежутки песковъ. Увалами около 7 верстѣ. Съ послѣдняго—длинный спускъ въ песчаное ушелье, продолжающееся версты полторы: оно довольно глубоко; видъ мрачный, низкій. Подъемъ—длинный, отлогій; увалы продолжаются еще версты 3. Потомъ совершенная равнина, постоянно поднимающаяся впередъ. Съ нее дорога входитъ въ небольшое ушелье между холмами, подернутыми зеленью; въ ушельѣ небольшой ключъ и озерко—солончакъ. Изъ него дорога выходитъ на открытую равнину. Черезъ три версты—станція, вправо отъ дороги. Грунтъ весь твердый, изъ крупнаго гравіа.	Въ каменномъ поясъ—широкая и ровная прогалина для переѣзда въ долину. За нимъ открылись въ безпорядкѣ выступившіе холмы. На 4-й верстѣ, вправѣ, у подошвы одного холма—ключъ съ хорошей водой; при немъ была станція дернута зеленая трава. На 7-й верстѣ, влѣвъ, на широкой площадке пригорка, <i>кысакъ-байшинъ</i>. Съ 8-й версты мѣстность ровная, потомъ пошли увалы, одинъ за другимъ. Вода въ двухъ одинъ другаго выше; подъемы отлоги, дорога гладкая, колодцахъ очень хорошая, дровянистая; изрѣдка и очень небольшіе промежутки песковъ. Увалами около 7 верстѣ. Съ послѣдняго—длинный спускъ въ песчаное ушелье, продолжающееся версты полторы: оно довольно глубоко; видъ мрачный, низкій. Подъемъ—длинный, отлогій; увалы продолжаются еще версты 3. Потомъ совершенная равнина, постоянно поднимающаяся впередъ. Съ нее дорога входитъ въ небольшое ушелье между холмами, подернутыми зеленью; въ ушельѣ небольшой ключъ и озерко—солончакъ. Изъ него дорога выходитъ на открытую равнину. Черезъ три версты—станція, вправо отъ дороги. Направл. вообще ЮЮВ.	5 ч. утра Т. 10, 1. 12 ч. 17, 6. День ясный. 8 ч. веч. 13, 6. Min. + 9, 8.
21.	<i>Сайнъ-хутулъ,</i> Хорошій хребетъ. Станція на вершѣ широкаго хребта, одна-кожъ тутъ есть и хорошая вода, и травы получше, чѣмъ въ низменныхъ равнинахъ.	38 — 40.	На станціи порядочное озеро и колодца. Вода прѣсная и довольно хорошая. Травы порядочныя по холмамъ, западъ отъ станціи, а на восточной сторонѣ голый песокъ, изъ котораго торчатъ только камни.	Весь переѣздъ — подъемъ на гору, довольно отлогій. На 3-й верстѣ, влѣвъ, вдали видѣлось длинное озеро. Изъ дороги изрѣдка попадались озерка, скорѣе лужи, наполняемые дождевой водой. Попадались и курты; удивительно, какъ живутъ люди на безводной, безтравной и совершенно безплодной степи. Грунтъ — твердый какъ камень. Станція въ небольшой котловинѣ на горѣ. Направленіе постоянно ЮЮВ.	6 ч. утра Т. 11, 2. 12 ч. 22, 1. День ясный, вечеромъ небольшой дождь. 8 ч. веч. 13, 2. Min. + 9. 10 ч. утра 18, 3. 3 ч. 21, 9. День тихій и ясный. 8 ч. веч. 13, 2. Min. + 10.
22.	<i>Дневали.</i> Полное лунное затмѣніе было здѣсь въ полночь на 22 число. Монголы сторожевые, объѣзжая ночью на 23 число станъ нашъ, отчитывали его вслухъ, чтобы оно не повторилось.				

Числа мѣсяца.	Названіе станцій.	Разстояніе.	Травы и вода на станціи.	Направленіе пути и описаніе его.	Состояніе термометра, барометра и психрометра.
23.	Булунъ, Уголь.	38 — 40.	По дорогѣ травы скудны и скудны. На станціи голый песокъ. Скотъ пасется въ сторонѣ къ востоку, на чрезвычайно бѣдныхъ травахъ. Вода на самой станціи въ двухъ колодцахъ, и хорошая.	Подъемъ продолжается на 3 версты отлогій; дорога твердая, гладкая. Съ началомъ спуска, также очень отлогого, дорога стала песчаная, по сторонамъ холмы выше; горный хребтъ переходитъ черезъ дорогу. Съ 1-й версты холмы прекращаются; увалами дорога, однако, продолжается, самый высочайшій изъ нихъ, въ серединѣ, украшенъ обо; верхи уваловъ — каменисты. Съ 13-й версты совершенно гладко; равнина открылась со всѣхъ сторонъ. На 17-й верстѣ, вѣтвѣ, большое изсохшее озеро; противъ него по дорогѣ песчано, до самой станціи. Направл. восточнѣе Ю. Станція на открытой равнинѣ, вѣтвѣ отъ дороги.	3 ч. утра Т. 11, 2. 12 ч. 22, 2. 2 ч. 23, 8. День ясный. 8 ч. веч. 19 2- Min. + 13.
24.	Тарбѣчи.	10 верстѣ.	Растительность прежнюю бѣдную. Вода въ колодезѣ хорошая.	Первая половина перехода — въ глубокомъ, зыбкомъ песку; покатоѣ равнины продолжается. Вторая половина подтверждаетъ, и замѣтно начался подъемъ мѣстности. Станція однако же на пескахъ. Около нея равнина стала волнистѣе; противъ ней на западѣ — большія гряды песчаныхъ бугровъ. Направленіе ЮВ.	6 ч. утра Т. 16, 1. Вѣтеръ большой. 8 ч. Дождь до 12 ч. Т. 14, 1. Ясно. 8 ч. веч. Т. 12, 9. Min. + 3, 9.
25.	Цаганъ-тузуркъ, Бѣлый кругъ.	35 верстѣ.	Травы, по ложбинѣ и за небольшими на востокъ увалами порядочныя. Вода очень хорошая.	Первая 10 верстѣ дорога извивается по уваламъ и между холмами твердая, большею частью гладкая, изобѣдка песокъ, видъ веселѣе, равнина зеленѣе; на подъемѣ, длинномъ, около 4 верстѣ, отлогомъ — очень песчано. Въ выходомъ на ровную мѣстность, дорога стала твердая и гладкая. Черезъ три версты, равнина значительно снижается до 10 верстѣ; дорога опять большею частью песчаная; по травы по сторонамъ порядочныя. Опять длинный, на 3 версты, весьма отлогій подъемъ; дорога твердая. Отъ него мѣстность слегка волнистая, — проходятъ полосы песчаныя. Станція на подъемѣ изъ ложбины. Направл. ЮЮВ.	3 ч. утра Т. 4, 9. 12 ч. 14, 6. 3 ч. 20, 4. 8 ч. веч. 10, 6. День ясный и тихій. Min. + 3, 0.
26.	Удѣ, Ушеле, ворота. Станція въ концѣ ушеля, передъ выходомъ въ долину.	43 верстѣ.	По дорогѣ травы очень бѣдны. Зелень погуще и ярче только во впадинахъ, на небольшихъ пространствахъ. Вторая каменная половина ушеля показываетъ признаки зелени. По скатамъ	Подъемъ продолжается еще съ 1-й версты, наверху — обо; вѣтвѣ видны озера. Потомъ верстѣ 10 равнина, наклоняющаяся впередъ къ подошвѣ горъ; дорога твердая, гладкая. Горный хребтъ тянется съ юго-запада на вѣро-востокъ. Дорога проходитъ между холмами по песчанымъ и каменистымъ уваламъ и небольшимъ крутымъ впадинамъ, около 3 верстѣ. Вѣтвѣ, недалеко отъ дороги, колодезь: другой — въ послѣдней и самой большой впадинѣ, у самой дороги. Подъемъ состоитъ какъ изъ трехъ ступеней и продолжается около 2 верстѣ. На верху — чрезвычайно каменисто, хребтъ горный обнаженъ, камень обожженный: видъ мрачный. Съ 23 вер-	3 ч. утра Т. 8. 7. 12 ч. 21, 3. День ясный. 3 ч. 24, 0. Въ 6 ч. вечера дождь. 8 ч. веч. 13, 0.

Числа мѣсяца.	Названіе станцій.	Разстояніе.	Травы и вода на станціи.	Направленіе пути и описаніе его.	Состояніе термометра, барометра и психрометра.
27.	Дисвали.		Повышеній рѣдѣны начался отлогій, гладкій спускъ, и продолжался около 10 верстъ; дорога твердая, дрсвяная. За тѣмъ равнина поднимается около 7 верстъ увалами. Съ вершины открывается впереди довольно глубокая и узкая ложища, обставленная крутыми грядями песчаныхъ бугровъ. Вода въ двухъ колодцахъ очень хорошая.	Вода въ двухъ колодцахъ очень хорошая.	6 ч. утра 10, 2. 12 ч. 13, 5. День ясный, но вѣтряный. 8 ч. веч. 8, 7. Min. — 2, 7.
28.	Гэцзигэн-гашунъ. Гэцзигэнъ — коса, уголь, полоса. Гашунъ — горькій. Гашуновъ по Монголіи много; такъ называютъ мѣста съ горько-соленой водой. Здѣшній называется гэцзигэнъ, потому что тутъ проходить песчаная коса.	23 верстъ.	Травы на станціи порядочныя. Вода, горько-соленая.	За ущельемъ широкая долина. Вдоль ея, по срединѣ, идетъ разорванная цѣпь скалистыхъ горъ. Сѣверный край горы живописно окаймленъ крутыми песчаными горами; у подошвы ихъ, на долину, съ десятковъ разбросанныхъ по одиночкѣ вязовъ. Дорога черезъ всю долину, около 7 верстъ, твердая, дрсвянистая, въ промежуткѣхъ горъ, весьма каменистая. Горы, ограничивающія долину съ южной стороны, не высоки, дорога идетъ въ нихъ по уваламъ верстъ 7 очень извилисто. Съ послѣдняго, весьма широкаго увала открывается впереди волнистая равнина, наклонная къ юго-западу, дорога идетъ по ней, твердымъ, дрсвянистымъ грунтомъ до самой станціи, по песчаная, кочковатая. Станція — на южномъ краю этой полосы. Направл. вообще ЮВ.	3 ч. утра Т. 3, 9. 12 ч. 22, 1. День вѣтряный и обложженный. 8 ч. веч. 10, 4. Min. — 2, 2.
29.	Хайла-суту, Вязовая: впереди станціи группа вязовъ.	21 верста.	Травъ вовсе нѣтъ, грунтъ — или сыпучій песокъ, или твердый дрсвяный съ мелкими камнями. Вода въ первомъ колодцѣ порядочная, но весьма мутная и отдается навозомъ.	Дорога направляется въ долину, черезъ небольшой увалъ, высунувшійся отъ восточныхъ горъ; грунтъ твердый — дрсвяный, около 3 верстъ. Въ мѣстѣ со спускомъ съ увала, начался песокъ, и верстъ 7 продолжался постоянно, изрѣдка прерываясь небольшими полосами, твердыми, позато каменистыми. Долина постоянно поднимается до уровня съ горами. Наконецъ, на 11 или 12 верстѣ горный кряжъ переходитъ дорогу: на верху подьема нѣсколько обводъ; во впадинѣ къ востоку — озеро и колодезь съ хорошей водой; на юго-западѣ, въ 1 верстѣ, также колодезь съ хорошей водой. Отсюда дорога извиливается межъ холмами по уваламъ, иногда довольно крутымъ и высокимъ;	6 ч. утра Т. 4, 5. 12 ч. 17, 3. День ясный, немного вѣтряный. 8 ч. веч. 9, 2. Min. — 3, 4.

Числа мѣ- сяца.	Названіе станцій.	Разстояніе.	Травы и вода станцій.	Направленіе пути и описаніе его.	Состояніе термометра, барометра и психрометра.
30.	<i>Чолун-тугурикъ,</i> Каменный кругъ. Въ ложбинѣ есть мѣста, гдѣ самый грунтъ, какъ бы литой изъ камня по- мостъ; есть и на поверхности огромныя каменные массы. За станціей каменный увалъ съ широкою на верху площадью, похожею на овальный кругъ.	19 верстъ.	Станція на чаномъ грунтѣ. Травы плохи только на юго- западномъ увалѣ. Вода въ колодезь весьма хорошая	Первые три версты—черезъ долину весьма песчаную; два солончака, одинъ полу-иссохшій, другой—совершенно сухой. Слѣдующія три четверти версты дорога под- нимается по весьма волнистой мѣстности и косогорамъ. Поднявшись до уровня съ холмами, дорога вступаетъ на прекрасную равнину; грунтъ по ней—твердый, деревянный; площадь удивительная. Равнина кончилась крутымъ спус- комъ. Мѣстность опять волнистая, до самой станціи; до- рога постоянно перегибается по уваламъ. Станція на ска- тѣ къ ложбинѣ, иѣкогда имѣвшей два солончака по ту и другую сторону дороги, а теперь въ ней только коло- дезь; за нею начинаются камни. Направл. ЮЮВ.	5 ч. утра Т. 5. 5. 12 ч. 11, 0, Пасмурно. Вечеръ ясный. 8 ч. веч. 9, 4. Min. — 0, 2.
31.	<i>Кутулъ,</i> Пригорокъ, соединяющій двѣ горы: названіе соответствуетъ мѣстности.	13 верстъ.	Травъ кругомъ вовсе нѣтъ. Грунтъ песокъ и щебенъ. Воды также нѣтъ статочно, по хол- мамъ. Скотъ не былъ напоенъ. На сѣверо-востоку ложбинѣ — изсох- шій солончакъ.	Короткій, но тяжелый переходъ. Подъемъ изъ лож- бины по каменной дорогѣ, мѣстами весьма неровной. Верхъ увала устланъ кремнистымъ щебнемъ, и камнями, и остроконечными углами, скотъ съ трудомъ ступалъ по такой каменной почвѣ. Ширина увала — съ 1 версту. Спускъ второй песчаный. За ложбиною довольно высокій увалъ, съ зубчатымъ вдоль его гребнемъ; подъемъ на него весь- ма каменистъ. Черезъ небольшой спускъ — новый каме- нистый увалъ, замѣчательный длиннымъ, на нижней по- ловинѣ, крутымъ и косогористымъ спускомъ. Внизу про- ходитъ широкая полоса сыпучей дресвы. Отъ ней отло- го поднимается невысокій хребетъ: видъ его съ сѣвер- ной стороны мраченъ и дикъ; весь скатъ—отъ подошвы до верха—установленъ огромными каменными глыбами. До- рога идетъ извилинами до самого верха къ востоку. Пе- редъ концемъ спуска, начали взбѣгать по сторонамъ греб- ня на гребни, высокіе, островерхіе, и черезъ дорогу пе- решель низкій зубчатый гребень; на немъ два обд. От- сюда — спускъ; сначала очень крутъ и опасенъ; дорога пробирается по косогорамъ, на краю овраговъ,—сточная вода промыла въ ней большія рывины. Внизу бѣлѣтъ солончакъ, и опять проходить полоса сыпучаго песку. Въ ложбинѣ, довольно глубокой, запертой съ юга, сѣвера и запада, станція. Направленіе ЮВВ.	6 ч. утра 4, 4. 12 ч. 16, 4. День ясный и тихий. 8 ч. веч. 10, 1. Min. — 0, 3.

Числа мѣсяца.	Названіе станцій.	Разстояніе.	Травы и вода на станціи.	Направленіе пути и описаніе его.	Состояніе термометра, барометра и психрометра.
Сентябрь, 1.	Ирэн-ндръ, Иъгое озеро. Станція при огромномъ солончакѣ, называющемся ирэн-ндръ.	21 верста.	Травы порядкомъ по степи. Воды много, 3-хъ колодцахъ солоноватая.	Первые двѣ версты дорога всходитъ по уваламъ, какъ по ступенямъ; верхи уваловъ весьма каменисты и устланы кремнистымъ щебнемъ. Съ 3-й версты открылась чистая, немного волнистая равнина; грунтъ на ней твердый, сѣрка песчаный. Равнина замѣтно наклонна впередъ; въ 12-й верстѣ дорога спустилась въ песчаную полосу; на ней влѣвъ колодезь. Откуда начались опять каменистые увалы. На первомъ подъемѣ—два высокіе обода, граница двухъ владѣній. Спускъ до самого озера, длинный, пологій, очень песчаный. Станція — противъ озера. Направл. ЮЮВ.	6 ч. утра 4, 1. Ясно. 12 ч. 16, 2. Ясно. 8 ч. веч. 11, 0. Небольшой дождь. Min. + 2, 4.
2.	Дисвали.				6 ч. утра 4, 6. 12 ч. 16, 9. День ясный. 8 ч. веч. 11, 1. Min. — 4, 3.
3.	Цзальпн-худукъ, Колодезь при дорогѣ.	21 верста.	Травы очень рядочныя, по степи тѣхъ, какія на дорогѣ. Вода въ колодцахъ: въ первомъ солоноватая, въ другомъ прѣсная, по глинистому вкусу.	Обогнувъ юго-западный берегъ озера, дорога поднимается на равнину, съ запада ограниченную уваломъ, довольно высокимъ и крутымъ. Потомъ открывается безграничная равнина, песчаная степь. Дорога дѣлитъ ее на двѣ различныя половины; по восточной сторонѣ лежать сыпучій песокъ, мѣстами, впрочемъ, поросшій жидкой травой и мелкимъ кустарникомъ; на западной—грунтъ твердый, дресвянный, трава гуще. Станція на равнинѣ, между колодцами: впереди, черезъ версту, озеро. Направленіе ЮЮВ.	6 ч. утра 6, 0. 12 ч. 18, 2. День ясный и тихій. 8 ч. веч. 11, 0. Min. — 6, 2.
4.	Боролмжи.	22 версты.	Травы плохи; дороги были широкими. Вода прѣсная и довольно хорошая.	Равнина черезъ версту стала волниста; пошли кочки, которая черезъ 4 версты выросли въ большіе песчаные холмы. Между ними, вправѣ, солонцоватое болото; по дороге песчано. Равнина еще продолжается верстѣ 3, постоянно склоняясь, и упирается въ подошву извилистой ряды крутыхъ холмовъ, тянущейся съ запада къ востоку. Дорога выходитъ на новую равнину, которая опять склоняется къ югу. Версты за три до станціи, вправѣ, небольшой солончакъ съ бѣлосѣжной корой. Станція на равнинѣ — вправѣ отъ дороги, передъ колодеземъ. Направленіе ЮЮВ.	6 ч. утра 8, 1. 12 ч. 17, 4. День пасмурный. 4 ч. большой дождь. 8 ч. веч. 10, 1. Min. — 0, 2.
5.	Минганъ, Тысячи.	33 версты.	Травы очень рядочныя, и по уваламъ и по равнинѣ.	Верстѣ 3, равнина поднимается и вдругъ окапчивается обрывомъ, идущимъ съ запада къ востоку. Спускъ довольно большой и крутой въ равнину, которая также поднимается на 10 верстѣ, вначалѣ весьма песчана, но потомъ покрыта твердымъ дресвяннымъ грунтомъ. Станція	3 ч. утра 3, 1. 12 ч. 14, 0. День ясный и тихій.

Числа мѣсяца.	Названіе станцій.	Разстояніе.	Травы и вода в станціи.	Направленіе пути и описаніе его.	Состояніе термометра, барометра и психрометра.
6.	Диевали.		Вода довольно хороша.	Вода довольно верху широкихъ уваловъ, потянувшихся къ востоку именистымъ хребтомъ; между ними въ большей, довольно глубокой и круглой впадинѣ озеро; а за нею, въ ручей, на юго-востокъ, колодезь. На западъ стелется совершеннѣйшая равнина. Направл. ЮЮВ.	8 ч. веч. 6, 7. Min. — 0, 8.
7.	Сайн-усу, Хорошая вода.	23 версты.	Травы не такъ. Двумя увалами дорога спускается въ узкую, довольно скудную, какъ глубокую ложбину, вытянувшуюся на 4 версты, мѣстами зили мѣстные жерма песчаную. Подъемъ изъ нея высокъ и довольно тели. Кромѣ кочертой. Открылась гористая мѣстность. Дорога спускается и сули, рася въ ложбину между очень отлогими возвышеніями, ний въ здѣшней жерма песчаную. Черезъ 3 версты, западная гряда отво- сыпучемъ пескѣ, сачиваетъ восторону; открылись сыпучіе пески и продол- твердымъ, иноаюются до самой станціи, изрѣдка пересѣкаемые твердой довольно широкой олозой дресвянаго грунта. Мѣстность сперва слегка вол- полосамъ проистая, потомъ и очень неровная: версты за 3 до стан- яется порядоч- и, на западъ, довольно высокая, крутая, песчаная гряда; трава. станція на песчаныхъ пригоркахъ, вправо отъ дороги.	6 ч. утра 3, 1. 12 ч. 10, 5. Пасмурно. 8 ч. веч. 6, 5. Min. — 2, 0.	
8.	Кобуръ.	30 версты.	Вода въ колодезѣ хороша. Вреди, верстахъ 2-хъ, нѣсколько озеръ.	Постепенное пониженіе холмистой мѣстности продол- Въ озерѣ водятся еще версты 2, до узкой ложбины, протянувшейся прѣсная, но весьма мутная. Колодезь далѣе густою сули и высокимъ ковылемъ; на 4—5 версты въ 4-хъ верстахъ зера и противъ втораго колодезя. Здѣсь мѣсто гораздо но вода весьма хороша для станціи. Подъемъ изъ ложбины сначала до- рально крутой, потомъ очень отлогій до твердому весьма ровному грунту. Послѣ двухъ уваловъ, грунтъ твер- ый, суглинистый. На половинѣ перехода, версты 2 твер- дя, гладкая дорога; и вдругъ сыпучій песокъ на 6 версты; по сторонамъ кочки и бугры, поросшіе ковылемъ и степнымъ кустарникомъ. Пески оканчиваются, какъ бы орогомъ, небольшимъ уваломъ. Отъ него до самой стан- ции, дорога гладкая, равнина чистая. Направл. ЮВВ.	6 ч. утра Т. 1, 4. 12 ч. 10, 5. День ясный и тихій. 8 ч. веч. Т. 9, 8. Min. — 2, 3.

Числа мѣсяца.	Названіе станцій.	Разстояніе.	Травы и вода станцій.	Направленіе пути и описаніе его.	Состояніе термометра, барометра и психрометра.
9.	<i>Сучжи</i> , Спица; вѣроятно по мѣстности, образующей родъ выгиба, такое странное названіе.	30 верстъ.	Травы порядочныя. Вода въ колодцахъ хорошая.	Черезъ весь переѣздъ совершенно открытая степь, слегка волнистая; жарѣдка выдаются холмы. Грунтъ твердый, мелко-песчаный, кое-гдѣ суглинистый. Много по дорогѣ зеръ; передъ станціей небольшой увалъ; спускъ съ него довольно глубокой, длинный, отлогій, песчаный. Станція — въ открытой равнинѣ, влѣвъ отъ дороги. Направл. сѣвѣнно ЮЮЮВ.	6 ч. утра 6, 1. День пасмурный, съ 12 ч. ясный. Т. 16, 2. Къ вечеру дождливый. 8 ч. веч. 9, 3. Min. — 3, 1.
10.	<i>Хашатъ</i> , Окруженный, ополсанный. Станція передъ долиною, какъ бы опоясанною по срединѣ двумя увалами.	23 верстъ.	Травы въ долине хороши. Воды много, три колодца хороши.	Переѣздъ дѣлится на двѣ очень неровныя, по весьма гнилыя части ущельемъ. До него верстъ 13; открытая равнина, волнистая, на послѣднихъ 3 верстахъ значительно понижающаяся. Передъ самымъ ущельемъ круглая широкая падь съ колодцемъ у самой дороги. Ущелье въ невысокой грядѣ, проходящей съ запада къ востоку; но весьма песчаное. На южной сторонѣ ущелья, также круглая падь съ колодцемъ превосходной воды; здѣсь первые встрѣтились курты въ большомъ количествѣ. Отъ ущелья подъемъ, сперва отлогій, длинный, потомъ довольно крутой. Послѣ уваловъ открылась широкая ложбина, длиною версты 2. Близъ станцій нѣсколько озеръ большихъ, но иссохшихъ. Направл. ЮЮВ.	6 ч. утра 7, 2. 12 ч. 16, 4. День ясный. 8 ч. веч. 8, 4. Min. — 4, 0.
11.	<i>Дневали</i> .				6 ч. утра 7, 1. 12 ч. 18, 9. День ясный и тихій. 8 ч. веч. 10 3. Min. — 3, 2.
12.	<i>Цацыи-тологдай</i> , Священные холмы. Въ окрестности холмы, издавна освященные религіозными памятниками, — субургами, въ которыхъ, какъ извѣстно, кладутся <i>цацы</i> .	48 верстъ.	Травы очень хороши. Воды много, весьма хороши.	Дорога идетъ поперегъ долины верстъ 6. Вдоль нея лежатъ два большіе увала; во впадинѣ между ними озеро. За увалами узкая долина, извилистая, между тройными грядами значительныхъ холмовъ. Долиною около 10 верстъ, на 8-й верстѣ, вправѣ, глубокое песчаное ложе потока, внизу, подъ обрывистымъ берегомъ, холмистый колодезь. Долина замыкается высокими увалами. Подъемъ крутой, но ровный и гладкій. Спускъ въ глубокую, извилистую, сперва узкую, потомъ на западъ открывшуюся ложбину. Мѣстность по слѣдующей долині довольно волниста, травы тучныя. Черезъ 18 верстъ долина стала замѣтно поката къ югу, и весьма песчана, — справа выдавался къ дорогѣ отлогій мысъ. Обогнувъ его, дорога вступила на долину совершенно ровную, между сближающимися возвышеніями, весьма отлогими и невысокими. По этой долині много куртъ, много и колодцевъ.	6 ч. утра 7, 6. 12 ч. 13, 0. День ясный, слабый вѣтеръ. 3 ч. 13, 9. 8 ч. веч. 11, 4. Min. — 6, 3.

Числа мѣсяца.	Названіе станцій.	Разстояніе.	Травы и вода на станціи.	Направленіе пути и описаніе его.	Состояніе термометра, барометра и психрометра.
13.	Цамын-усу, Вода при дорогѣ.	27 верстѣ.	Травы весьма роши, вода такъ	Станція черезъ 4 версты отъ поворота передъ послѣднимъ колодезѣмъ. Направленіе Ю.	7 ч. утра 7, 8. Ясно. 12 ч. 12, 2. Дождь почти безпрерывный до ночи. 8 ч. веч. 6, 1. Min. — 4, 5.
14.	Гурбун-тулѣ, Три тагана. На югъ отъ озера, что на станціи, въ четверти версты лежала съ тремя скалами, и при каждой колодезь: это и названо тремя таганами. Вода ключевая, прекрасная. Тутъ же и озеро, глубокое съ прекрасной водой.	33 верстѣ.	Травы хороши, воды много и рошая.	Первая 10 верстѣ увалами между частыми и каменистыми холмами. Съ 11-й версты открылась обширная, не-много волнистая равнина, и продолжалась около 13 верстѣ. По ней, черезъ 8 верстѣ, проходитъ дорога изъ Кукухотѣ въ Долонорь. Отсюда мѣстность начала значительно понижаться; верстѣ черезъ 7, широкая каменистая полоса, какъ горный кряжъ, проходитъ по ней. Увалы до самой станціи, сперва очень отлогіе, потомъ круче, выше и чаще; ложбины между ними — съ озерами и съ улусами. Вблизи станціи, вправѣ отъ дороги, большое озеро съ широкимъ на юго-восточномъ его краю каменной полосой, а на восточнѣе, при подножій увала, колодезь. Направл. Ю.	6 ч. утра 6, 3. Дождь до 10 ч. 12 ч. 12, 4. Ясно. 2 ч. 13, 1. 4 ч. дождь небольшой; на сѣверозападѣ тучи грозовыя. 8 ч. веч. 8, 3. Ясно. Min. — 1, 5.
15.	Цагдн-баласу. Бѣлый городокъ.	25 верстѣ.	Травы весьма роши. Воды много и окрестности и рунтъ; послѣ дождей переѣздъ очень тяжелый. Впередъ станціи. Около ея колодезь и рѣчки, Бургасуту Наринъ.	Первая 10 верстѣ по уваламъ отлогімъ, сперва гладкимъ и чистымъ, потомъ весьма каменистымъ. Послѣднія 3 верстѣ — равнина. Большая часть дороги — суглинистый ил, еще верстѣ за 7, стала видна большая гряда, оканчивающаяся круглымъ огромнымъ холмомъ. Цаган-баласу — противъ ней, къ востоку, на равнинѣ. Станція — въ 13, на юго-восточномъ углу разрушенной крѣпости.	6 ч. утра 3, 2. 12 ч. 16, 1. День ясный и тихій. 8 ч. веч. 6, 3. Min. — 1, 8.
16.	Дневани.				Утромъ большой иней. 8 ч. 11, 3. 12 ч. 17, 8.

Числа мѣсяца.	Названіе станцій.	Разстояніе.	Квартиры на станціи.	Направленіе пути и описаніе его.	Состояніе термометра, барометра и психрометра.
17.	Нордьянъ.	38 верстъ.	Вода очень хороша. Солома дается маленькими связками, и по всей дороге цѣлою. Обозъ миссіи бралъ все сѣно солому цѣлою ревно, — и того не стало. Квартира очень дурная.	Равнина продолжается около 20 верстъ, окоймленная запада холмистою грядою; дорога гладкая. На 3-й верстѣ у самой дороги, небольшой бугоръ, примѣтно напанинъ. На 7-й — вѣтъ красивенькая кумирня — <i>Ур-интолой</i> . На 13-й верстѣ пересѣкаетъ дорогу узкая, извилистая, мелкая рѣчка <i>Наринъ</i> , текущая на юго-западъ. Черезъ версту отъ рѣчки начались по сторонамъ небольшие увалы. Версты черезъ 3, дорога проходитъ воротами между сближившимися съ запада и востока грядами, и спускается въ долину. Долина около 7 верстъ, наполовину — китайская деревенька; великолѣпная кумирня <i>Боро-ежжи</i> и рѣчка того же имени; потомъ долина поднимается, суживаясь въ ущелье, которое, наконецъ, замыкается сошедшими грядами. Подъемъ ея длиненъ, и потому отлогъ, но спускъ крутъ, изрытъ оврагами, каменистъ и глубокъ. Новое ущелье; подъемъ до высотъ Норлянекихъ тяжелый, каменистый. Къ большому затрудненію, начался дождь; а грунтъ — суглинистый. На высотахъ зрѣлище поразительное. Но многое скрывалось совершенно, да вѣроятно и все теряло въ нашихъ глазахъ изъ сильной вьюгой: вмѣсто дождя, снѣгъ и буря. Подълогами густой слой черныхъ камней, вѣтъ — между скалистыми гребнями, неожиданно являются озера, справа — враги, ущелья, за ними — чудные дикіе зубчатые гребни; великая стѣна, перегибающаяся по горамъ, впереди — розные утесы и пики, и также стѣна, смѣло пробирающаяся по нимъ; по крутымъ бокамъ утесовъ — желтыя ливы, зеленѣющія деревья и смиренно прилѣпившіеся омники; дорога часто проходитъ возлѣ глубокихъ овраговъ и горныхъ разсѣлинъ. Квартира очень дурная, въ деревушкѣ Нордьяни, на лѣвой сторонѣ, во второмъ отъ южнаго конца домѣ. Направленіе ЮЮЗ.	День ясный и тихій. 8 ч. веч. 7, 2. Min. — 3, 1. Ночью туманно, передъ утромъ небольшой дождь. 6 ч. утра 4, 7. Холодный вѣтеръ.
18.	Каланъ.	23 верстъ.	Квартира въ стѣнѣхъ Нордьянъ. Сѣно покупается довольно дорого.	За деревушкой — озеро; почной холодъ покрылъ его льдомъ. Обогнувъ озеро, дорога тотчасъ же начинается нисходить по ступенямъ утесовъ: спускъ — вѣстами весьма крутой, часто въ тѣснинахъ, необыкновенно каменистый, съ крутыми поворотами; протяженіе	Наблюденій надъ термометромъ и барометромъ нельзя было дѣлать въ Каланѣ.

Числа мѣсяца.	Названіе станцій.	Разстояніе.	Квартиры на станціи.	Направленіе пути и описаніе его.	Состояніе термометра, барометра и психрометра.
21.	Сянь-хуа-фу.	33 версты.	Квартира въ стѣпнѣхъ очень хорошая. Обѣды для лошадей не ботились, потому что ѣхали на нашихъ лошадяхъ.	то—до дна ущелья 3 версты. На 2-й верстѣ, у подошвы казны передъ раздѣльной, красивая кумирня съ гутыми и высокими ивами. Ниже, впереди, ключъ, который черезъ 5 — 6 верстъ появляется въ ущельѣ изъ подъ выпучей дресвы сильнымъ ручьемъ и идетъ черезъ все ущелье до самаго Калгана, гдѣ соединяется съ большимъ ручьемъ другого ущелья и образуетъ рѣчку, быструю и шумную. Обѣ общемъ видѣ хребта, представляющаго въ высоты, напр. отъ деревушки Норляни, кажется, пелья и говорить отчетливо: красоты чудныя, неизобразимыя! Дорога весьма тяжелая. По мѣстамъ, у самыхъ стѣпныхъ ущелья, дома и цѣлыя деревеньки, оживленные густыми ивами; нивы, отлично обработанныя. Прекрасный, весьма оригинальный видъ представляетъ большая деревня передъ Калганомъ, расположенная по уступамъ, въ стѣпной горы, вытянувшейся здѣсь въ огромный альковъ. Квартира—въ южной части города, вскорѣ послѣ площади, раздѣляющей городъ на верхній и нижній, почти насупротивъ великолѣпнаго колодца. Квартира обоза — у самаго этого колодца. Направленіе ущелья, немного извилистаго, вообще Ю. Калганомъ ѣхали около 2-хъ верстъ по тѣсной, мѣстами каменненько обстроенной улицѣ. Черезъ рѣчку мостъ исправенъ. За городомъ тотчасъ же воздѣланныя поля, — огромныя полосы луку. Ущелье кончилось передъ Калганомъ; за Калганомъ уже довольно широкая долина, дорога очень песчаная и каменистая. Послѣ первыхъ 3 верстъ деревушка съ гауптвахтой, — и потомъ до гостиницы, стоящей на половинѣ перехода, деревеньки часты; поля очень хорошия. Гостиница на перепутьи—черная, грязная; въ ней мы пробыли часа полтора. Отъ гостиницы обработанныя поля продолжаютъ еще верстъ 5; дорога какъ будто въ оврагѣ. Съ первымъ подъемомъ на огромное возвышеніе начинается голая степь и почти непрерывно продолжается до Сянь-хуа-фу: грунтъ глинистый, весьма трудно не доступный воздѣлыванію. Поднявшись на вершину, дорога идетъ на вершинѣ ущельями: оно, говорятъ, пробито порохомъ; спускъ въ немъ—мостовая, выложенная огромными каменными глыбами; нынѣ по этому мосту никакъ нельзя ѣздить, — камни или глубоко осѣли, или на далеко разошлись и сильно искривились. Отсюда по равнинѣ дорога часто идетъ увалами. Передъ городомъ, версты за 2, начинаются поля; далѣе — прекрасная луговая роща и одинъ изъ трехъ ручьевъ, составляющихъ Ян-хэ. Городъ великъ, — вдоль западной стѣны дорога	Погода ясная; свѣжо.

Числа мѣсяца.	Названіе станцій.	Разстояніе.	Квартиры на станціи.	Направленіе пути и описаніе его.	Состояніе термометра, барометра и психрометра.
22.	Цзй-минь-й	30 версть.	Квартира въ зенномъ домѣ.	детъ около 5 версть. Гостиница, назначаемая для мис-и квартирою, въѣзъ города, на юго-восточномъ его углу. Направленіе ЮЮВ. У самыхъ городскихъ стѣнъ уже прекрасныя поля. Впе-еди, на юго-востокъ зубчатый, высокій хребетъ, на во-гокъ отдѣльная гора, дорога идетъ до ней богатыми олями около 10 версть; почва глинистая, длинныя лужи ослѣ дождей совершенно испортили дорогу. Подъемъ на руглую гору; проходъ на вершинѣ въ ущельѣ, кажется скуственно пробитымъ. Далѣе—узкая кайма мутной рѣч-и <i>Ян-хэ</i>; подъ ногами скала, какъ будто ошестинившая-и, и на обѣ стороны круто обрывающаяся; влѣвъ уте-истые края, отдѣляемые разсыпиной, и среди этой ди-ой природа на одномъ уступѣ лѣнится нива. Съ горы пускъ весьма крутой, въ узкое ущелье. На скатѣ—де-евенька, служанная перенутьемъ для проѣзжихъ: въ ней мы останавливались на полтора часа. Площадь съ ниж-ого края омывается быстрой, довольно широкой, но мел-ой <i>Ян-хэ</i>, круто поворачивающей въ ущелье. Дорога сходится на уступъ восточной скалы; сплошная камени-тая масса расположенная ступенями, скользкая весьма рудная. Но какія картины великолѣпныя! Какія усилія словѣтскія! Ущелье около 10 версть. На второй поло-инѣ ущелье разошлось и только 3 — 4 версты дорога идетъ по мягкому грунту. Ущелье переходитъ въ доли-у, покатую къ югу; долиною до города версты 4, доро-а тутъ очень камениста. Направленіе ЮВВ.	Погода стояла яс-ная.
23.	Хуай-лай.	43 версть.	Квартира дурн	Широкая долина, тянущаяся къ востоку. Южная по-овина ея гораздо ниже; тамъ течетъ и рѣка, обозначаемая устою зеленью деревьевъ. Дорога держится сѣверныхъ юръ, весьма камениста, или въ глинистыхъ ущельяхъ. Поля постоянно возбуждаютъ удивленіе своею воздѣлан-остію. Деревеньки, дома — большей частью очень кра-ивы, всегда какъ будто въ рошѣ, подъ навѣсомъ гус-ыхъ развѣсистыхъ нивъ. Горы въ отдаленіи весьма живо-исны. Грозное Гуань-гоу представлялось впереди въ-учахъ; ники его прорѣзывались сквозь облака. Направленіе постоянно В.	
24.	Ча-дао.	23 версть.	Квартира въ зенномъ домѣ рядочная.	Въ полу-верстѣ отъ города—широкая, болотистая рѣч-а, пробирающаяся въ <i>Ян-хэ</i>. Мостъ черезъ нея высокъ, ложенъ изъ крупныхъ каменныхъ плитъ; подъ нимъ те-еръ 4 арки. Подъемъ на мостъ весьма крутой. Видъ съ	

Числа мѣсяца.	Названіе станцій.	Разстояніе.	Квартиры на станціи.	Направленіе пути и описаніе его.	Состояніе термометра, барометра и психрометра.
25.	Напъ-коу.	23 версты.	Квартира порядочная. Тутъ вступилъ пастъ одинъ изъ членовъ мисіи.	оста на городъ, — невыразимо хорошъ! Высокая зубчатая крѣпостная стѣна не закрываетъ города, расположеннаго по отлогому скату, — вы видите всѣ его зданія. Ближе къ вамъ стелется ярко зеленѣющей дугъ; а за нѣмъ, за городомъ, высокія, грозныя, дымящіеся утреннимъ туманомъ горы въ два ряда, съ острыми гребнями, порѣзывающимися за облака; гребни зубчатые, какъ будто обожженные. Дорога ровная, мягкая, что особенно приятно послѣ камней; по дорогѣ тонкою нитью тянется ручеекъ съ свѣтлою водой; если не по обѣмъ, то по одной которой нибудь сторонѣ дороги, постоянный рядъ плодовыхъ явъ, а подъ ними — давно невиданная зелень, наконецъ, поля, оживляемые домами въ сторонѣ; природа роткая, мягкая, тихая. Бѣдная съ грязной гостиницей деревенька, Юй-линь, стоитъ на рубежѣ прелестной поросы, и слѣдующей за нею унылой, пустынной дороги, сыпанной камнями. Горы — ближе, ближе, грозныя, дикая. Глаза отдыхаютъ только на холмахъ, составляющихъ горы Гуанъ-гоу; самый крайній изъ нихъ увѣчанъ сторожевой башней. Сперва, при подомѣхъ горъ, тянулись статки города, столбы, башенки. Къ Ча-дао, дорога входитъ уже въ горы. Направленіе ЮВВ. Дорога обходитъ Ча-дао подъ самую его западную стѣну. По сторонамъ и впереди горы. Рвомъ входите въ ущелье; кѣ сажому дну ущелья, онъ обрывается стѣною сажени на 3—4: тутъ, въ уступѣ восточной скалы, былъ мостъ, но я тотъ теперь ужасно изрытъ ухабистью. Ущелье начинается площадкой, уставленной черными камнями, какъ надъ-могильными памятниками; сквозь камни пробивается ключъ. Отсюда до самаго Напъ-коу, около 20 верстъ, дно ущелья — сплошная полоса малыхъ, большихъ, огромныхъ камней, какъ безпорядочно наваленныхъ другъ на друга въ толстый слой, что лужно или перескакивать съ камня на камень, или слѣзать по ступенямъ. Гдѣ чуть-чуть поровне, тамъ щебень острый, пересыпающійся подъ ногою. Ущелье богато прекрасными ключами; съ 10-й версты въ ущелье пробивается уже порядочная рѣчка: въ крутоповаливающей тѣснинѣ, она падаетъ небольшимъ водопадомъ. До 13 верстъ ущелье тѣсно, извилисто; по тѣмъ тутъ есть деревушка и кумирни. Одна изъ нихъ высѣчена въ скалѣ: стѣны ея изписаны надписями, между которыми есть Русскія. На послѣднихъ 8 — 9 верстахъ ущелье довольно широко, и тутъ уже часты селе-	Погода прекрасная; тепло и ясно.

Числа мѣсяца.	Названіе станцій.	Разстояніе.	Квартиры на станціи.	Направленіе пути и описаніе его.	Состояніе термометра, барометра и психрометра.
26.	Цип-хэ.	33 верстѣ.	Плохая гостиница, гдѣ ожила одна стѣна ущелья, описавши полукругъ, спускается къ югу. Стѣна круто повернула на востокъ, и скоро спустилась; за нею долго еще тянется на востокъ отроги ущелья. Долина раскрылась родолюбивѣйшая и весьма оживленная селеніями, группами и рядами деревецъ; поля искрещены аллеями. Грунтъ земли — песчаный, изрѣдка суглинистый. Перелѣтъ было въ городѣ Ша-хэ, съ обоихъ концовъ огражденномъ рѣчкою Ша; и на главномъ ея руслѣ и на рѣчкѣ великолѣпные мосты. Отъ Ша-хэ дорога очень извилиста. Селенія чаще и чаще.	Каменистая дорога продолжается еще версты 3, всходитъ на пригорокъ къ востоку, и камни кончились. Загородокъ, описавши полукругъ, спускается къ югу. Стѣна круто повернула на востокъ, и скоро спустилась; за нею долго еще тянется на востокъ отроги ущелья. Долина раскрылась родолюбивѣйшая и весьма оживленная селеніями, группами и рядами деревецъ; поля искрещены аллеями. Грунтъ земли — песчаный, изрѣдка суглинистый. Перелѣтъ было въ городѣ Ша-хэ, съ обоихъ концовъ огражденномъ рѣчкою Ша; и на главномъ ея руслѣ и на рѣчкѣ великолѣпные мосты. Отъ Ша-хэ дорога очень извилиста. Селенія чаще и чаще.	
27.	Бэй-цзінъ, Пекинъ.	10 верстѣ.		Верстѣ 3 — широкою песчаною аллею; версты 2 селеніями, остальные 3 версты обширною равниной и между кладбищами до самыхъ воротъ Пекинскихъ. Направленіе ЮЮВ. Городомъ — около 8 верстѣ. Пріѣхали въ первомъ часу по полудни.	

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.